

УДК 343.3
ББК 67.408
Е60

Редакционная коллегия серии

«Теория и практика уголовного права и уголовного процесса»

*Р.М.Асланов (отв. редактор), А.И.Бойцов (отв. редактор),
Б.В.Волженкин, Ю.Н.Волков, Л.Н.Вишневская, А.В.Гнетов,
Ю.В.Голик, И.Э.Звечаровский, В.С.Комиссаров,
А.И.Коробеев, Н.И.Мацнев (отв. редактор), С.Ф.Милоков,
М.Г.Мишенков, М.Н.Становский, А.П.Стуканов,
А.В.Федоров, А.А.Эксархопуло*

Рецензенты:

*Докт. юрид. наук, профессор, начальник кафедры управления
органами внутренних дел в особых условиях Академии управления МВД
Российской Федерации, полковник милиции **М. П. Киреев***

*Член-корреспондент Академии правовых наук Украины,
доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Института государства и права им. В. М. Корецкого
Национальной академии наук Украины, заслуженный деятель
науки и техники Украины **И. П. Лановенко***

Емельянов В. П.

Е60 **Терроризм и преступления с признаками терроризирования:
уголовно-правовое исследование. — СПб.: Издательство «Юри-
дический центр Пресс», 2002. — 291 с.
ISBN 5-94201-064-1**

В книге на базе сравнительного анализа законодательства различных государств и международных конвенций рассматриваются понятие, сущность, содержание и признаки терроризма, преступлений террористического характера и преступлений с признаками терроризирования, проводится отграничение терроризма от смежных общесоциальных категорий действительности (террор, война, агрессия, геноцид) и уголовно-правовых понятий, предлагаются пути и способы совершенствования и унификации уголовного законодательства.

Для научных и практических работников, аспирантов и студентов юридических учебных заведений.

ББК 67.408

ISBN 5-94201-064-1

© В. П. Емельянов, 2002
© Изд-во «Юридический
центр Пресс», 2002

ASSOCIATION YURIDICHESKY CENTER
NATIONAL UNIVERSITY OF HOME AFFAIRS OF THE
MINISTRY OF HOME AFFAIRS OF THE UKRAINE

**Theory and practice of criminal law
and criminal procedure**

V. P. Emelyanov

**TERRORISM AND CRIMES
WITH THE INDICIA
OF TERRORIZATION
criminal-law research**

Saint Petersburg
Yuridichesky Center Press
2002

УДК 343.3
ББК 67.408

E60

Editorial Board of the Series

“Theory and Practice of Criminal Law and Criminal Procedure”:

R. M. Aslanov (managing editor), *A. I. Boitsov* (managing editor),
B. V. Volzhenkin, *Yu. N. Volkov*, *L. N. Vishnevskaya*, *A. V. Gnetov*,
Yu. V. Golik, *I. E. Zvecharovsky*, *V. S. Komissarov*, *A. I. Korobeev*,
N. I. Matsnev (managing editor), *S. F. Milyukov*, *M. G. Minenok*,
M. N. Stanovsky, *A. P. Stukanov*, *A. V. Fedorov*, *L. A. Eksarkhopoulo*

Reviewers:

*Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administration of Home Affairs
Bodies Under Special Conditions of the Academy of Administration of the Ministry of
Home Affairs of the Russian Federation, Police Colonel M. P. Kireev*

*Corresponding Member of the Academy of Legal Sciences of the Ukraine,
Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the V. M. Koretsky Institute of State and
Law of the National Academy of Sciences of the Ukraine,
Honored Scientist of the Ukraine I. P. Lanovenko*

V. P. Emelyanov

E60   **Terrorism and Crimes With the Indicia of Terrorization: Criminal-Law Research).** — St. Petersburg: “Yuridichesky Center-Press”, 2002 — 291 p.

ISBN 5-94201-064-1

Through comparative analysis of legislation of different states and international conventions the present book considers the concept, essence, contents and indicia of terrorism, crimes of a terrorist nature and crimes with the indicia of terrorization, delimits terrorism from related general social categories of reality (terror, war, aggression, genocide) and criminal-law concepts, and proposes ways and means to improve and unify criminal legislation.

The book is intended for researchers and practicing lawyers, post-graduates and students of law schools.

ББК 67.408

ISBN 5-94201-064-1

© V. P. Emelyanov, 2002

© Yuridichesky Center Press, 2002

Уважаемый читатель!

Вы открыли книгу, входящую в серию работ, объединенных общим названием: «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса».

Современный этап развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства напрямую связан с происходящими в России экономическими и политическими преобразованиями, которые определили необходимость коренного реформирования правовой системы. Уже вступили в силу новые Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы, с 1 июля 2002 г. вступает в силу Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

В этих законах отражена новая система приоритетов, ценностей и понятий, нуждающихся в осмыслении. Появившиеся в последнее время комментарии и учебники по данной тематике при всей их важности для учебного процесса достаточно поверхностны. Стремление познакомить читателя с более широким спектром проблем, с которыми сталкиваются как теоретики, так и практики, и породили замысел на более глубоком уровне осветить современное состояние отраслей криминального цикла. Этой цели и служит предлагаемая серия работ, посвященных актуальным проблемам уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

У истоков создания настоящей серии книг стояли преподаватели юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Впоследствии к ним присоединились ученые Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургского университета МВД и других вузов России, а также ряд известных криминалистов, обладающих большим опытом научных исследований в области уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

В создании серии принимают участие и юристы, сочетающие работу в правоохранительных органах, других сферах юридической практики с научной деятельностью и обладающие не только богатым опытом применения законодательства, но и способностями к научной интерпретации результатов практической деятельности.

С учетом указанных требований формировалась и редакционная коллегия, которая принимает решение о публикации.

Предлагаемая серия основывается на действующем российском законодательстве о противодействии преступности и практике его применения с учетом текущих изменений и перспектив развития. В необходимых случаях авторы обращаются к опыту зарубежного законодательства и практике борьбы с преступностью, с тем, чтобы предоставить отечественную систему в соотношении с иными правовыми системами и международным правом.

Подтверждением тому служат следующие вышедшие из печати работы Б. В. Волженкина «Экономические преступления», В. И. Михайлова и А. В. Федорова «Таможенные преступления», Е. В. Топильской «Организованная преступность», М. Н. Становского «Назначение наказания», В. Б. Малинина «Причинная связь в уголовном праве», Д. В. Ривмана и В. С. Устинова «Виктимология», В. М. Волженкиной «Нормы международного права в российском уголовном процессе», Р. Д. Шарапова «Физическое насилие в уголовном праве», М. Г. Миненка и Д. М. Миненка «Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы», С. Д. Шестаковой «Состязательность в уголовном процессе», И. Ю. Михалева «Криминальное банкротство», Г. В. Овчинниковой, М. Ю. Павлика, О. Н. Коршуновой «Захват заложника», А. Н. Попова «Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах», О. В. Старкова и С. Ф. Милюкова «Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ», А. Л. Протопопова «Расследование сексуальных убийств», С. А. Алтухова «Преступления сотрудников милиции», В. Г. Павлова «Субъект преступления», Ю. Е. Пудовочкина «Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву», в которых анализируются современные проблемы борьбы с преступностью.

Надеемся, что найдем в Вас взыскательного читателя, если Ваша принадлежность к юридико-образовательной или правоприменительной деятельности вызовет интерес к этой серии книг.

Редакционная коллегия
март 2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Глава 1. Понятие терроризма и преступлений с признаками терроризирования	17
§ 1. Международный аспект проблемы	18
§ 2. Общее понятие терроризма. Соотношение понятий «терроризм», «террористический акт», «преступления террористического характера (террористической направленности)», «преступления с признаками терроризирования»	31
Глава 2. Терроризм и терроризирование — как свойства преступного деяния и как признаки состава преступления	66
§ 1. Общая характеристика терроризма и терроризирования как свойств преступного деяния	—
§ 2. Составы преступлений с признаками терроризирования	87
Глава 3. Элементы преступления и признаки состава терроризма и преступлений террористического характера	158
§ 1. Объект терроризма и преступлений террористического характера	160
§ 2. Объективная сторона терроризма и преступлений террористического характера	196
§ 3. Субъективная сторона терроризма и преступлений террористического характера	205
§ 4. Субъект терроризма и преступлений террористического характера	212

Глава 4. Отграничение терроризма от смежных общесоциальных и уголовно-правовых категорий	235
§ 1. Отграничение терроризма от смежных общесоциальных категорий	—
§ 2. Отграничение терроризма от смежных уголовно-правовых категорий	273
Заключение	285

ВВЕДЕНИЕ

Терроризм, террористы, террористическая деятельность — эти понятия практически ежедневно появляются в средствах массовой информации, порождая беспокойство и озабоченность наших граждан за свое настоящее и будущее. Терроризм нередко называют глобальной проблемой современности, а прогнозы ученых и практиков относительно дальнейшей терроризации действительности, особенно после событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, — от не самых утешительных до апокалипсических. Однако, не принимая остроты проблемы и общественной опасности терроризма и преступлений террористического характера, все же следует заметить, что масштабы этого явления в нашей литературе порой настолько преувеличены, а границы его так размыты, что невольно создается впечатление о невозможности выработки каких-либо конкретных мер борьбы с ним. Для такого преувеличения, очевидно, имеются как объективные, так и субъективные причины.

Объективно терроризм представляет собой сложное, многомерное явление, посягающее на те или иные охраняемые законом сферы жизнедеятельности людей различными способами, что, естественно, затрудняет выработку не только общего понятия «терроризм», но и отличительных его признаков. «Терроризм, — отмечают А. В. Змеевский и В. Е. Тарабрин, — явление весьма сложное, динамичное и многоплановое. Помимо правовых, он затрагивает целый ряд других проблем — психологические, исторические, технологические и т. д. Не случайно международному сообществу так и не удалось выработать общеприемлемое юридическое определение терроризма, хотя сущностное наполнение этого феномена для всех понятно. Здесь присутствует и противозаконное насилие, как правило, с применением оружия, и стремление за-

пугать широкие слои населения, и невинные жертвы, а применительно к террористическим актам, выходящим за рамки государственных границ, — международный элемент»¹.

При всей объективной сложности проведения исследований в этой сфере неизбежно возникают дополнительные трудности субъективного характера по следующим причинам.

Во-первых, терроризм как явление исследовался в различных аспектах — философском, политическом, историческом, психологическом, правовом, публицистическом и т. д., и все исследователи (историки, политологи, психологи, журналисты и т. д.) рассматривали это явление со своей точки зрения, давая понятию «терроризм» собственную интерпретацию; но поскольку этим явлением занимались не только и не столько юристы, то и в литературе стало господствовать не столько правовое, сколько обыденное его понимание, к сожалению, присутствовавшее и в ряде международных документов, не говоря уже об отечественных литературных источниках, авторы которых, не отягощаясь зачастую никакими правовыми рамками, с завидной легкостью, с одной стороны, относят к терроризму и бандитизм, и заказные убийства, и хулиганство, и заговор с целью захвата власти, и военные мятежи, и уличные беспорядки, и ограбление банков и магазинов, и причинение телесных повреждений и т. д. и т. п., что вообще как-то можно связать с насильем², с другой стороны, явно террористические акты наряду с коррупционными действиями и вышеуказанным набором преступных посягательств относят к разновидностям бандитизма³. На этом фоне и в юридической литературе порой возникают определенные «передержки» и терминологические неточности, поэтому одни исследователи не усматри-

---

¹ Змеевский А., Тарабрин В. Терроризм. Нужны скоординированные усилия мирового сообщества // *Международная жизнь*. 1996. № 4. С. 14.

² См., например: Ковалев Э. В., Малышев В. В. Террор: вдохновители и исполнители. Очерки о подрывной деятельности ЦРУ в Западной Европе. М.: Политиздат. 1984.; *Их же*. За кулисами террора. М.: Юрид. лит., 1985; Эфиоров С. А. Покушение на будущее. Логика и футурология «левого» экстремизма. М.: Мол. гвардия, 1984; История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / Авт.-сост. О. В. Будницкий. Ростов н/Д.: Феникс, 1996.

³ См.: Раззаков Ф. И. Бандиты времен капитализма (Хроника российской преступности 1992-1995 г.г.). М.: ЭКСМО, 1996.

вают различия между терроризмом и агрессией⁴, другие — между терроризмом и пиратством⁵, третьи — между терроризмом и организованной преступностью и в качестве доказательств о размахе терроризма приводят статистические данные об использовании огнестрельного оружия при совершении насильственных преступлений и о количестве изъятого оружия, незаконно хранившегося у населения⁶, четвертые — между терроризмом и террором и в качестве разновидностей терроризма указывают на диктаторские и фашистские режимы, религиозные и гражданские войны и т. п.⁷

Во-вторых, серьезное влияние на разработку понятия терроризма оказывают «наслоения многих лет идейно-политического противостояния»⁸ двух общественно-политических систем, когда под терроризмом, террористической деятельностью и т. п. зачастую понималось, с одной стороны — коммунистическое и национально-освободительное движение, с другой стороны — подрывная деятельность империалистических государств и их спецслужб. И хотя в настоящее время наметились необратимые тенденции к деидеологизации межгосударственных отношений, тем не менее прошлые традиции еще дают о себе знать. Как справедливо заметил Е. Г. Ляхов, «деидеологизация межгосударственных отношений открыла путь к непредвзятому (с идейно-политических позиций) использованию норм международного права... Но в плане деидеологизации межгосударственных отношений мы находимся в начале пути, и еще сильны рецидивы прошлого»⁹.

Таким образом, при разработке понятия терроризма важно стремиться к тому, чтобы его формулировка, во-первых, не давала пово-

⁴ См.: Ляхов Е. Г. Политика терроризма — политика насилия и агрессии. М.: Междунар. отношения, 1987.

⁵ См.: Моджорян Л. А. Терроризм: правда и вымысел. 2-е изд. М.: Юрид. лит., 1986. С. 18; Её же. Терроризм на море. Борьба государств за безопасность морского судоходства. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 37.

⁶ См.: Дремин В. Н. Террористическая деятельность организованных преступных групп // Весы Фемиды. 1998. № 2. С. 11–12.

⁷ См.: Антипенко В. Ф. Современный терроризм: состояние и возможности его предупреждения (криминологические исследования). Киев, НБУВ, 1998. С. 15–38.

⁸ См.: Змеевский А., Тарабрин В. Указ. соч. С. 15.

⁹ Ляхов Е. Г. Терроризм и межгосударственные отношения. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 43.

да для политических спекуляций, а во-вторых, формально определялась такими конкретными правовыми признаками, которые не позволяли бы легко манипулировать этим понятием и произвольно употреблять его, что очень важно не только в научном обороте, но и в законотворческой деятельности, а также в правоприменительной практике, поскольку терминологический разнобой ведет к негативным последствиям как в науке, так и в практике борьбы с преступностью. «Недостаточное внимание к терминологии, — отмечает В. Н. Кудрявцев, — отсутствие единства в понимании... категорий затрудняет не только исследовательскую работу, но и практическую деятельность юриста, препятствует использованию в области борьбы с преступностью современной счетно-вычислительной техники, строгих математических методов»¹⁰.

Особая важность построения в рамках исследуемой проблематики стройного и совершенного понятийного аппарата, способного не только отражать сущность соответствующих явлений, но и представлять собой «средство, инструмент дальнейшего, более углубленного познания этих явлений»¹¹, обусловлено и тем, что это необходимо в целях эффективного выполнения принятых на государственном уровне во многих странах решений, направленных на борьбу с терроризмом и преступлениями террористического характера.

Так, в п. 71 Комплексной целевой программы борьбы с преступностью на 1996–2000 годы, утвержденной Указом Президента Украины от 17 сентября 1996 г. № 837/96, прямо указывалось на необходимость разработки мер борьбы с преступлениями террористической направленности¹².

Декрет Президента Республики Беларусь от 21 октября 1997 г. № 21 «О неотложных мерах по борьбе с терроризмом и иными особо опасными насильственными преступлениями» содержит такие понятия, как «терроризм», «проявления терроризма», «иные особо опасные насильственные преступления»¹³.

¹⁰ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. — 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Юристъ, 1999. С. 68.

¹¹ Керимов Л. А. Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. С. 72.

¹² См.: Деловая Украина. 1996. № 72.

¹³ См.: Советская Белоруссия. 1997. № 213.

Основными понятиями Федерального закона «О борьбе с терроризмом», подписанного Президентом Российской Федерации 25 июля 1998 г. № 130/ФЗ, являются «терроризм», «террористическая деятельность», «преступления террористического характера»¹⁴. В Указе Президента Российской Федерации от 22 января 2001 г. № 61 «О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» поставлены конкретные задачи по проведению контртеррористических операций, при этом особое внимание уделяется мерам по обнаружению и пресечению деятельности террористических организаций и групп, их лидеров и лиц, участвующих в организации и осуществлении террористических акций¹⁵.

Правоохранительным органам и другим организациям, непосредственно ведущим борьбу с терроризмом, дабы не действовать по принципу «объять необъятное», нужно иметь четкое представление о том, что такое терроризм и что такое преступления террористического характера (террористической направленности, с проявлениями терроризма), что между ними общего и чем они отличаются друг от друга, от иных преступлений с признаками терроризирования и прочих преступлений. Для этого необходимо установить специфические уголовно-правовые признаки преступлений террористического характера, позволяющие объединить их в единый уголовно-правовой институт на базе общих черт, свойственных объекту посягательства, объективной и субъективной сторонам данных преступлений.

Кроме того, при исследовании проблемы возникает задача разработки научно обоснованных критериев, позволяющих не только отграничить терроризм и преступления террористического характера от смежных общесоциальных и общеуголовных категорий действительности, но и совершенствовать на этой базе признаки составов преступлений, предусматривающих ответственность за терроризм и другие деяния с признаками терроризирования в уголовном законодательстве. В связи с этим представляется необходимым рассматривать терроризм, преступления террористического характера и с признаками терроризирования в двух аспектах: 1) как негативное соци-

¹⁴ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3808.

¹⁵ См.: Российская газета. 2001. № 14.

альное явление и 2) как состав преступления, т. е. как правовую оценку этого явления в уголовном законе, что особо важно в целях достижения соответствия содержания уголовно-правовых дефиниций тем свойствам и признакам, которые имманентно присущи реальным явлениям.

Научное изучение и практическое решение уголовно-правовых проблем борьбы с терроризмом, преступлениями террористического характера и другими подобного рода преступлениями представляет известную сложность в силу своей многоаспектности и предполагает комплексный подход на базе обстоятельной теоретико-методологической проработки.

В настоящее время существует два основных направления в исследовании указанной проблематики. Первое направление связано с исследованием терроризма как международно-правовой категории политического характера. В силу известных причин оно было господствующим в нашей правовой литературе вплоть до начала 90-х годов. Наиболее заметные разработки в этом направлении были сделаны в научных трудах Н. С. Бегловой, И. П. Блищенко, В. И. Блищенко, Т. С. Бояр-Созонович, Л. Н. Галенской, Н. В. Жданова, И. И. Карпеца, Е. Г. Ляхова, Л. А. Моджорян, Ю. А. Решетова и других ученых. Попытку рассмотреть терроризм в уголовно-правовом аспекте предприняла в 1993 г. в диссертационном исследовании С. О. Допилка на примере морского терроризма, однако ей тоже не удалось отойти от сугубо политического восприятия проблемы и в работе утверждалось, что для терроризма характерна только политическая направленность¹⁶. Не смог избежать сугубо политического подхода к проблеме и В. Ф. Антипенко, утверждающий в своем диссертационном исследовании, что терроризм базируется лишь на политических целях и принципах¹⁷.

Последние годы отмечены появлением научных исследований другого направления, рассматривающих проблему терроризма сугубо с уголовно-правовых и криминологических позиций, что, безус-

¹⁶ Допилка С. О. Уголовная ответственность за терроризм и пиратство на море. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Киев, 1993. С. 9, 19.

¹⁷ Антипенко В. Ф. Сучасний тероризм: стан і шляхи його запобігання в Україні. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Київ, 1999. С. 10, 13.

довно, непосредственно связано с принятием соответствующих статей в уголовных кодексах различных государств и специальных законов, регулирующих антитеррористическую деятельность. Наиболее обстоятельные разработки в этом направлении осуществлены Ю. М. Антоняном, Т. А. Боголюбовой, С. С. Босхоловым, М. П. Киресвым, В. С. Комиссаровым, В. А. Липканом, В. В. Лунсевым, В. В. Мальцевым, Г. М. Миньковским, С. М. Мохончуком, А. В. Наумовым, В. Е. Петрищевым, В. П. Ревиным, К. Н. Салимовым, О. Ф. Шишовым и многими другими. Опубликовано не только большое количество научных статей, но и ряд монографий, защищены кандидатские и докторские диссертации¹⁸.

Однако исследования в этом направлении нередко опираются лишь на национальное уголовное право, которое при сравнении различных нормативных источников между собой, а также с законодательством других государств обнаруживает больше различий, чем сходства, при этом таким категориям, как «терроризм», «террористический акт», «террористическая акция», «преступления террористического характера (террористической направленности)» в различных странах придается далеко не идентичная интерпретация и не одинаковое смысловое наполнение.

Такое положение настоятельно диктует необходимость осмысления новых аспектов проблемы, проведения сравнительного анализа антитеррористического законодательства различных государств и поиска путей к единообразному употреблению указанных категорий

¹⁸ См., напр.: *Киреев М. П.* Борьба с терроризмом на воздушном транспорте (уголовно-правовой и криминологический аспекты). Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1995; *Комиссаров В. С.* Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ. М.: Кросна-Лекс, 1997; *Его же.* Преступления, нарушающие общие правила безопасности (Понятие, система, общая характеристика). Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1997; *Антонян Ю. М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998; *Салимов К. Н.* Современные проблемы терроризма. М.: Щит-М, 1999; *Мохончук С. М.* Кримінальна відповідальність за тероризм. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Харків, 1999; *Ліпка В. А.* Тероризм і національна безпека України. Київ: Знання, 2000; *Емельянов В. П.* Терроризм и преступления террористической направленности. Харьков, Рубикон. 1997; *Его же.* Терроризм — как явление и как состав преступления. Харьков. Право. 1999; *Его же.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования (уголовно-правовое исследование). М.: NOTA BENE, 2000; *Его же.* Уголовная ответственность за терроризм и преступления с признаками терроризирования. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2001.

в национальных источниках, а также к сближению национальных законодательств. Это особенно важно в современных условиях, когда активно происходит интернационализация преступности, что требует, в свою очередь, и интернационализации уголовного права. «Интернационализация преступности, — отмечают И. И. Лукашук и А. В. Наумов, — необходимость объединения усилий государств в борьбе против нее породили тенденцию к интернационализации уголовного права. Это одна из центральных проблем в борьбе с преступностью, особенно организованной. Интернационализация означает наращивание числа общих элементов в уголовно-правовых и процессуальных системах государств, увеличение их способности взаимодействовать друг с другом, а также с международным правом»¹⁹. Это требует формирования нового научного направления, базирующегося на сравнительно-правовом исследовании антитеррористического законодательства и предлагающего пути и средства по его сближению и унификации. Несмотря на очевидную научную и практическую значимость, эта проблема довольно редко становится объектом самостоятельного комплексного уголовно-правового исследования.

---

¹⁹ Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право: Учебник. М.: Спарк, 1999. С. 5.

Глава 1

ПОНЯТИЕ ТЕРРОРИЗМА И ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ПРИЗНАКАМИ ТЕРРОРИЗИРОВАНИЯ

Разработка понятия терроризма — одна из самых сложных проблем мировой науки и практики борьбы с преступностью. По подсчетам разных авторов существует от 100 до 200 понятий терроризма, ни одно из которых не признано классическим²⁰. Такое положение обусловлено как сложностью самого явления, каковое представляет собой терроризм, так и факторами субъективного характера, существующими на международном и внутригосударственном уровнях. Однако это не означает, что все попытки создать общее понятие терроризма обречены на неудачу, напротив, возможности выработки дефиниции терроризма увеличиваются, и это подтверждается опытом принятия на международном уровне определений таких не менее сложных понятий, как геноцид и агрессия²¹.

Терроризм как явление рассматривается современной наукой в трех аспектах: 1) как преступное деяние, 2) как террористические группы (организации) и 3) как террористические доктрины²². Но все же определяющим в данной триаде следует признать понятие терроризма как преступного деяния, ибо от того, что мы будем понимать под терроризмом в смысле деяния, будет зависеть и то, какие группы (организации) и какие доктрины признавать террористическими.

---

²⁰ Босхолов С. С., Литвинов Н. Д. Проблемы нормативного регулирования борьбы с терроризмом в современной России: Материалы научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с организованной преступностью». Калининград, 1997. С. 70.

²¹ Ляхов Е. Г. Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом. М.: Междунар. отношения, 1979. С. 33.

²² См.: подробно: Ляхов Е. Г. Терроризм и межгосударственные отношения. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 7, 12, 13–52.

В то же время терроризм как преступное деяние является разновидностью уголовно-правовых категорий более общего порядка, поэтому установление их общих черт и различий — одна из главных задач науки уголовного права.

§ 1. МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Проблема терроризма в сущности не нова, но первые попытки дать общеприемлемое определение этого явления были предприняты с развитием международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Проблемой терроризма активно занимались и занимаются различные международные объединения и организации в рамках состоявшихся международных конференций по унификации уголовного законодательства, в рамках Лиги наций, а затем Организации Объединенных Наций и Европейского сообщества.

В настоящее время разработка мер борьбы против глобализации преступности и международного терроризма, а также решение задач совершенствования международной и национальной правовой базы направлены на повышение эффективности антикриминального и анти-террористического противодействия на национальном, региональном и мировом уровнях, активно ведутся также в рамках Всемирного Антикриминального и Антитеррористического Форума (ВААФ), цели и задачи которого и основные направления деятельности определены в Концепции ВААФ, принятой на первом заседании Международного организационного комитета 5 декабря 2000 г.²³

Идея об унификации уголовного законодательства была выдвинута еще в 1926 г. на Брюссельском конгрессе Международной ассоциации уголовного права, где было положено начало международному объединению криминалистов — конференциям по унификации уголовного законодательства. Эта организация оказалась очень активной. Так, первая конференция по унификации уголовного законодательства состоялась в Варшаве в 1927 г., вторая — в Ри-

²³ См.: Концепция: человек разумный против человека насилия. Принята на первом заседании Международного организационного комитета ВААФ 5 декабря 2000 г. Вена, Австрия.

ме в 1928 г., третья — в Брюсселе в 1930 г., четвертая — в Париже в 1931 г., пятая — в Мадриде в 1933 г., шестая — в Копенгагене в 1935 г. Однако каких-либо ощутимых результатов эта деятельность не дала. Ставя на первый взгляд благовидные задачи — максимально сблизить нормы уголовного права разных стран в целях усиления борьбы с преступностью — «унификаторы» в действительности, с одной стороны, обсуждали давно решенные вопросы общей части уголовного права (соучастие, покушение и т. п.) либо уже разработанные действующими международными конвенциями (по борьбе с пиратством, фальшивомонетничеством, торговлей наркотиками), а с другой стороны, на фоне этих широко известных вопросов под лозунгом борьбы с терроризмом пытались по существу построить единый фронт против «большевистской пропаганды», связав ее с террористическими актами, посягающими на основы цивилизации²⁴.

Первая попытка раскрыть содержание понятия «терроризм» была предпринята на III Международной конференции по унификации уголовного законодательства, проходившей в 1930 г. в Брюсселе. В принятой комиссией конференции и представленной на рассмотрение конференции резолюции под заголовком «Терроризм» содержалось следующее:

«*Статья 1.* Умышленное употребление средств, способных породить общую опасность, будет установлено всякий раз, когда обвиняемый совершит деяние, угрожающее жизни, телесной неприкосновенности, здоровью человека, или деяние, угрожающее разрушить ценные блага, а именно: а) умышленный поджог, взрыв, наводнение, затопление, распространение удушливых или смертоносных веществ, разрушение и порчу сигналов, фонарей, сооружений или приспособлений, предназначенных для тушения пожара и спасания; б) самовольный перерыв нормальной работы транспорта, средств сообщений, железных дорог, телеграфа, телефона, почты, умышленную порчу гидравлического оборудования, освещения, отопления

²⁴ Подробнее см.: *Трайнин А. Н.* Уголовная интервенция. М.: Госюриздат, 1935. С. 28–42; *Ромашкин П. С.* Преступления против мира и безопасности человечества. М.: Наука, 1967. С. 173–174; *Галенская Л. Н.* Правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью. Л.: ЛГУ, 1978. С. 78–79; *Карпец И. И.* Преступления международного характера. М.: Юрид. лит., 1979. С. 64–68; *Его же.* Международная преступность. М.: Наука, 1988. С. 55–56.

или двигательной силы общественного пользования или назначения; в) осквернение, порчу или отравление питьевой воды или средств питания первой необходимости, вызов или распространение инфекционных болезней, эпидемий, эпизоотий или болезней растений, имеющих первостепенное значение для земледелия, лесоводства.

Статья 2. Будет наказан за умышленное употребление средств, способных вызвать общую опасность, тот, кто совершит террористический акт, сопряженный с посягательством на жизнь, свободу, телесную неприкосновенность или имущество государства или частных лиц в целях продемонстрировать или осуществить политические или социальные идеалы.

Статья 3. Умышленное употребление средств, способных вызвать общую опасность, будет также там, где будет установлено, что было создано сообщество с целью посягательства на личность и имущество.

На основании этой статьи наказываются также все те, кто соединился для организации подобного сообщества или кто войдет в него, зная о целях, ради которых сообщество было организовано.

Статья 4. Преступления, перечисленные в статьях 1 и 2, преследуются и наказываются независимо от места, где преступление было совершено, и независимо от гражданства виновного в соответствии с законом, действующим на родине виновного. Если наказания, предусмотренные страной, где преступление было совершено, разнятся от законов, действующих в стране, где возбуждено дело, применяются санкции менее тяжкие.

Статья 5. Суды, компетентные действовать на основании статьи 4, равным образом компетентны привлекать к ответственности за покушение и соучастие в соответствии с законом того места, где возбуждено дело»²⁵.

Как видно, попытка определить объективные признаки состава преступления предпринята не путем установления его характерных черт, а посредством перечисления деяний, которые могут быть расценены как терроризм. А поскольку действиями террористов, в сущ-

---

²⁵ Цит. по кн.: *Трайнин А. Н.* Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. М.: Наука, 1969. С. 40—41.

ности, могут быть охвачены самые различные предметы и явления действительности, то этот перечень оказался настолько широким, что позволял под состав терроризма подвести практически любое деяние. Характеризуя указанную резолюцию, А. Н. Трайнин подметил, что «по существу трудно представить посягательство, не подпадающее под приведенное выше понятие терроризма», поскольку «это не уголовно-правовое понятие в обычном смысле, "террористический акт", а весьма обширная формула, охватывающая разнородные сложные явления»²⁶.

На аморфность границ терроризма, установленных в резолюции, указывали и многие участники конференции, поэтому пленум III конференции принятие окончательной резолюции отложил до IV конференции.

Однако последующие варианты резолюции были далеко не лучшими, поскольку во главу угла ставили не практические задачи борьбы с терроризмом как уголовно-правовым феноменом, а задачи борьбы с политическими противниками уголовно-правовыми средствами.

Резолюция о терроризме, принятая комиссией IV конференции по унификации уголовного законодательства (Париж, 1931 г.) гласила:

«Ст. 1. Кто с целью терроризировать население станет употреблять против лиц или против имущества бомбы, мины, взрывчатые, зажигательные вещества или машины, огнестрельное оружие или другие убийственные и разрушительные приспособления или кто вызывает или пытается вызвать, распространить эпидемию, эпизоотию или другое бедствие, кто прервет или попытается прервать работы учреждений общественного обслуживания, тот наказывается...

Ст. 2. Кто сознательно будет изготовлять, хранить, ввозить или перевозить предметы, указанные в ст. 1 и предназначенные для совершения преступления, предусмотренного той же статьей, наказывается...

Ст. 3. Кто станет возбуждать к совершению преступления, предусмотренного ст. 1, путем публичных речей, сочинений или изображений, распространяемых публично или публично выставляемых, или кто будет оправдывать такие действия и их совершителей, наказывается...

²⁶ Там же. С. 42.

Ст. 4. Кто примет участие в сообществе, образовавшемся или сговорившемся при совершении преступлений, указанных выше, наказывается...

Ст. 5. От наказаний освобождаются, за исключением провокаторов, те, которые до совершения указанных выше преступлений и до возбуждения какого-либо преследования будут содействовать задержанию других виновных»²⁷.

И хотя буквально по тексту идут лишь формулировки в отношении действий индивидуумов, к тому же более компактно представлены объективные признаки, а также в ст. 5 впервые в целях борьбы с терроризмом предлагается введение поощрительной нормы, тем не менее в ст. 3 буквально выпирала явная политическая направленность указанной резолюции, да это было ясно из сказанного основным докладчиком на IV конференции проф. Радулеску, который, раскрывая содержание терроризма, говорил: «Речь идет о посягательствах, предпринятых с целью... или насильственного уничтожения всякой политической и правовой организации общества, характеризующей анархистов, или с целью насильственного ниспровержения экономической и социальной организации большинства современных государств, характеризующей революционный коммунизм»²⁸. То есть направленность резолюции была не на борьбу с терроризмом как таковым, а на борьбу с массовыми политическими акциями, хотя и путем привлечения к ответственности конкретных лиц, и это в полной мере нашло свое логическое завершение в резолюции следующей конференции.

Содержание резолюции о терроризме, одобренной в пленарном заседании V конференции по унификации уголовного законодательства (Мадрид, 1933 г.) было следующим:

«§ 1. Кто с целью разрушения всякого социального строя каким-либо способом терроризирует население, — наказывается...

§ 2. Кто умышленно изготавливает, хранит, ввозит или перевозит материалы или предметы, предназначенные для совершения преступления, предусмотренного в § 1, — наказывается...

²⁷ Там же. С. 43-44.

²⁸ Там же. С. 49.

§ 3. Кто публично каким бы то ни было способом возбуждал к совершению преступления, предусмотренного в § 1, или восхвалял это преступление или его субъекта, — наказывается...

§ 4. Кто принимал участие в организации или соглашении с целью совершения преступления, предусмотренного в § 1, — наказывается...»²⁹

То есть все те позитивные наработки, которые зафиксированы в подготовленных резолюциях III и IV конференций по унификации уголовного законодательства в части попыток дать объективные признаки терроризма, сформулировать поощрительную норму, были как бы перечеркнуты пафосом политической борьбы, наполнившим резолюцию V конференции, объявившей терроризмом любое действие с целью разрушения социального строя и отказавшейся тем самым от выработки конкретных признаков терроризма как самостоятельного состава преступления, а потому и оказались эти резолюции не востребованными официальными международными органами, работающими под эгидой Лиги наций.

Но вскоре Лига наций по своей инициативе возбудила вопрос о разработке коллективных мер по борьбе с терроризмом³⁰.

9 октября 1934 г. в Марселе были убиты король Югославии Александр I и министр иностранных дел Франции Луи Барту. Это побудило Совет Лиги наций заняться вопросом о терроризме. Советом был образован комитет в составе представителей 11 государств, в том числе и Советского Союза, для разработки Международной конвенции, направленной на борьбу с терроризмом. Комитет выработал проекты двух конвенций: Конвенции о предупреждении терроризма и наказании за него и Конвенции об учреждении Международного уголовного суда, которые были открыты для подписания в ноябре 1937 г.

Конвенция по борьбе с терроризмом содержала довольно широкое понимание терроризма и называла в качестве террористических актов: всякое умышленное действие, преследующее цель убийства

²⁹ Там же. С. 55-56.

³⁰ Подробнее см.: *Трайнин А. Н.* Защита мира и уголовный закон. М., 1937. С. 179-189; *Ромашкин П. С.* Указ. соч. С. 171-172; *Блищенко И. П., Жданов Н. В.* Международно-правовая борьба с терроризмом // *Правоведение.* 1975. № 1. С. 88-89; *Галенская Л. Н.* Указ. соч. С. 79.

глав государств или дипломатических ответственных должностных лиц государств; разрушение или повреждение государственного имущества или средств транспорта; действия, подвергающие опасности человеческие жизни. Особо подчеркивалась наказуемость создания преступных организаций в целях совершения террористических актов или участия в таких организациях.

Но в силу конвенции не вступили, поскольку не были ратифицированы, причем первую конвенцию СССР подписал, а вторую нет.

После Второй мировой войны государства вновь обратились к вопросу борьбы с терроризмом. Работа ведется как в рамках ООН, так и в рамках сотрудничества Европейских государств. Под эгидой ООН эта работа осуществляется по двум основным направлениям: 1) выработка всеобщей Международной конвенции по борьбе с терроризмом; 2) подготовка проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и соответственно разработка проекта создания Международного уголовного суда.

Первая международная конвенция по борьбе с подобными деяниями была заключена 2 февраля 1971 г. и касалась вопросов предупреждения и наказания носящих международный характер преступных актов, принимающих форму преступлений против указанных в Конвенции лиц и сопряженных с этим вымогательств. В Конвенции предусмотрена наказуемость похищений, убийств и других посягательств на жизнь или личную неприкосновенность лиц, которым государство обязано предоставить особую защиту в соответствии с нормами международного права, а также наказуемость связанных с этим деянием вымогательств.

В декабре 1972 г. Генеральная Ассамблея ООН в ходе рассмотрения вопроса о мерах, направленных на предотвращение терроризма и других форм насилия, которые угрожают жизни невинных людей или приводят их к гибели, или подвергают опасности основные свободы, приняла резолюцию 3034, в соответствии с п. 9 которой в 1973 г. был учрежден Специальный комитет по вопросам международного терроризма.

Параллельно государства — члены Европейского совета разработали Европейскую конвенцию по борьбе с терроризмом, принятую

27 января 1977 г. в Страсбурге, ст. 1 которой, подчеркивая отказ от признания терроризма политическим правонарушением и необходимость выдачи террористов иностранному государству как общеуголовных преступников, относит к терроризму следующие деяния: а) правонарушения, относящиеся к применению Конвенции по борьбе с преступным захватом летательных аппаратов, подписанной в Гааге 16 декабря 1970 г.; б) правонарушения, относящиеся к применению Конвенции по борьбе с преступными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, подписанной в Лондоне 23 сентября 1971 г.; в) тяжелые правонарушения, заключающиеся в покушении на жизнь, телесную целостность или свободу людей, имеющих право международной защиты, включая дипломатических представителей; г) правонарушения, содержащие захват заложников или незаконное лишение свободы; д) правонарушения, содержащие использование бомб, гранат, ракет, автоматического огнестрельного оружия, бандеролей или посылок с опасными вложениями, соразмерно с тем, насколько подобное использование представляет опасность для людей; е) попытка совершения одного из вышеуказанных правонарушений или участие в качестве сообщника лица, которое совершает или пытается совершить подобное правонарушение.

Кроме того, ст. 2 указывает, что под действие Конвенции могут подпадать деяния, которые, хотя и не перечислены в ст. 1, но направлены: против жизни, телесной целостности или свободы людей; против имущества и при этом создают коллективную опасность для людей; на приготовление, покушение или соучастие в этих преступлениях³¹.

Как видно, и послевоенные конвенции, направленные на борьбу с терроризмом, мало в чем продвинулись в определении его понятия, поскольку, исходя из этих Конвенций, к терроризму можно причислить практически любое насильственное преступление, что, безусловно, снижает и эффективность антитеррористических мер. Более того, Европейская конвенция по борьбе с терроризмом (1977 г.) относит к разряду террористических и те деяния, которые запрещены ранее принятыми Международными конвенциями, но, согласно по-

³¹ См.: Государство и право. 1995. № 4. С. 43–44.

следним, террористическими не названы, тем самым Европейская конвенция в какой-то мере не согласуется с Международными конвенциями, на которые опирается в тексте ст. 1.

Так, текст Конвенции, принятой 16 декабря 1970 г. в Гааге, содержит следующие положения:

«Государства — участники настоящей Конвенции, считая, что акты незаконного захвата или осуществления контроля над воздушным судном, находящимся в полете, угрожают безопасности лиц и имущества, серьезно нарушают воздушное сообщение и подрывают веру народов мира и безопасность гражданской авиации,

считая, что наличие таких актов вызывает серьезную озабоченность,

считая, что в целях предотвращения таких актов имеется настоятельная необходимость обеспечить принятие соответствующих мер для наказания преступников,

согласились о нижеследующем:

Статья 1.

Любое лицо на борту воздушного судна, находящегося в полете, которое:

а) незаконно, путем насилия или угрозы применения насилия, или путем любой другой формы запугивания захватывает это воздушное судно, или осуществляет над ним контроль, либо пытается совершить любое такое действие, или

б) является соучастником лица, которое совершает или пытается совершить любое такое действие, — совершает преступление»³².

Конвенция, принятая 23 сентября 1971 г. в Монреале, гласит:

«Государства — участники настоящей Конвенции,

считая, что незаконные акты, направленные против безопасности гражданской авиации, угрожают безопасности лиц и имущества, серьезно нарушают воздушное сообщение и подрывают веру народов мира в безопасность гражданской авиации,

³² Цит. по кн.: Международное право в документах: Учеб. пособие / Сост. Н. Т. Блатова. М.: Юрид. лит., 1982. С. 399.

считая, что наличие таких актов вызывает серьезную озабоченность,

считая, что в целях предотвращения таких актов имеется настоятельная необходимость обеспечить принятие соответствующих мер для наказания преступников,

Согласились о нижеследующем:

Статья 1.

1. Любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и преднамеренно:

а) совершает акт насилия в отношении лица, находящегося на борту воздушного судна в полете, если такой акт может угрожать безопасности этого воздушного судна; или

б) разрушает воздушное судно, находящееся в эксплуатации, или причиняет этому воздушному судну повреждение, которое выводит его из строя, или может угрожать его безопасности в полете; или

в) помещает или совершает действия, приводящие к помещению на воздушное судно, находящееся в эксплуатации, каким бы то ни было способом устройство или вещество, которое может разрушить такое воздушное судно, или причинить ему повреждение, которое выводит его из строя, или причинить ему повреждение, которое может угрожать его безопасности в полете; или

г) разрушает или повреждает аэронавигационное оборудование или вмешивается в его эксплуатацию, если любой акт может угрожать безопасности воздушных судов в полете; или

е) сообщает заведомо ложные сведения, создавая тем самым угрозу безопасности воздушного судна в полете.

2. Любое лицо также совершает преступление, если оно:

а) пытается совершить какое-либо из преступлений, упомянутых в п. 1 настоящей статьи; или

в) является соучастником лица, которое совершает или пытается совершить любое такое преступление»³³.

Не содержит прямых упоминаний о терроризме и международная Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе диплома-

³³ Цит. по кн.: Международное право в документах: Учебное пособие / Сост. Н. Т. Блатова. С. 403-404.

тических агентов, принятая и открытая для подписания 14 декабря 1973 г. в Нью-Йорке. В частности, в этой Конвенции зафиксировано следующее:

«Государства — участники настоящей Конвенции, принимая во внимание цели и принципы Устава Организации Объединенных Наций, касающиеся поддержания международного мира и развития дружественных отношений и сотрудничества между государствами,

считая, что преступления против дипломатических агентов и других лиц, пользующихся международной защитой, угрожая безопасности этих лиц, создают серьезную угрозу поддержанию нормальных международных отношений, которые необходимы для сотрудничества между государствами,

считая, что совершение таких преступлений вызывает серьезное беспокойство международного сообщества,

будучи убеждены в том, что существует настоятельная необходимость принятия соответствующих и эффективных мер для предотвращения и наказания таких преступлений,

согласились о нижеследующем:

Статья 1

В целях настоящей Конвенции:

1. «Лица, пользующиеся международной защитой», есть:

а) глава государства, в том числе каждый член коллегиального органа, выполняющего функции главы государства согласно конституции соответствующего государства, или глава правительства, или министр иностранных дел, находящиеся в иностранном государстве, а также сопровождающие их члены семьи;

б) любой представитель или должностное лицо государства или любое должностное лицо, или иной агент межправительственной международной организации, который во время, когда против него, его официального помещения, его жилого помещения или его транспортных средств было совершено преступление и в месте совершения такого преступления, имеет право в соответствии с международным правом на специальную защиту от любого нападения на его личность, свободу и достоинство, а также проживающие с ним члены семьи.

2. «Предполагаемый преступник» есть лицо, в отношении которого имеются доказательства, достаточные для установления *prima facie*, что оно совершило одно или более преступлений, предусмотренных в ст. 2, или участвовало в их совершении.

Статья 2.

1. Преднамеренное совершение:

а) убийства, похищения или другие нападения против личности или свободы лица, пользующегося международной защитой;

б) насильственного нападения на официальное помещение, жилое помещение или транспортные средства лица, пользующегося международной защитой, которое может угрожать личности или свободе последнего;

с) угрозы любого такого нападения;

д) попытки любого такого нападения и

е) действий в качестве соучастника любого такого нападения должно рассматриваться каждым государством-участником в соответствии с его внутренним законодательством как преступление»³⁴.

Таким образом, ни в одном из упомянутых в ст. 1 Европейской Конвенции международных документов нет указаний на то, что они направлены на борьбу именно с террористическими актами, да и быть не должно, поскольку эти документы более широкого плана и в них речь идет о противодействии любому насилию, независимо от того, террористического оно характера или какого-то иного.

Следует учесть, что, в связи с принятием 17 декабря 1979 г. Конвенции о борьбе с захватом заложников, данное преступление стало рассматриваться как самостоятельное, и возникла необходимость отграничить его от смежных преступлений³⁵, и в том числе от терроризма. И хотя в преамбуле Конвенции указывается, что захват заложников рассматривается как проявление международного терроризма, однако практика показывает, что далеко не всякий захват заложников «дотягивает» до акта терроризма в собственном значении этого понятия.

³⁴ Цит. по кн.: Международное право в документах: Учебное пособие / Сост. Н. Т. Блатова. С. 409–410.

³⁵ См.: Комиссаров В. Захват заложников: происхождение нормы, вопросы совершенствования // Законность. 1995. № 3. С. 42–46.

Нет сомнения, что многие деяния, вызвавшиеся в захвате заложников, угоне или захвате воздушного судна, убийстве лиц, пользующихся международной защитой, могут стать явной разновидностью терроризма, но с той же степенью вероятности они могут приобрести и другие качества. Именно этим объясняется тот факт, что одни и те же деяния, к примеру, захват заложников и захват или угон воздушного судна, одни ученые относят к разновидностям терроризма³⁶, другие — к разновидностям пиратства³⁷, третьи — к разновидностям бандитизма³⁸, четвертые же и захват заложников и угон и захват воздушного судна, и терроризм, и пиратство рассматривают как самостоятельные преступления³⁹. И здесь трудно упрекнуть ученых в какой-то неточности или непоследовательности, поскольку то или иное значение указанные преступные деяния обретают в зависимости от той или иной совокупности объективных и субъективных признаков, характеризующих их в каждом конкретном случае. То же в полной мере относится к другим деяниям, которые в ряде Конвенций причисляются к проявлениям терроризма.

По всей видимости, используемый в Конвенциях метод определения терроризма посредством перечисления конкретных деяний, в которых он может выразиться вовне, вряд ли можно считать перспективным. В этой связи совершенно точными представляются следующие выводы, сделанные Т. С. Бояр-Созонович: «Не принижая роль и значение соответствующих международных “предметных” Конвенций по борьбе с отдельными видами и формами международного терроризма, вместе с тем нельзя не принять во внимание их

³⁶ См.: *Киреев М. П.* Борьба с терроризмом на воздушном транспорте. Учебное пособие. М.: НИИ МВД РФ, 1992. С. 11–12; *Мовчан А. П.* Международный правопорядок. М.: ИГП РАН, 1996. С. 59–60.

³⁷ См.: *Демиденко В. В., Прус В. М., Шемакин А. Н.* Пиратство, терроризм, мошенничество на море (правовые аспекты). 2-е изд. Одесса, АО БАХВА, 1997. С. 70–74.

³⁸ *Ляхов Е. Г.* Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом. С. 9, 21, 127; *Коробеев А. И.* Транспортные правонарушения: квалификация и ответственность. М.: Юрид. лит., 1990. С. 123. В то же время следует заметить, что А. И. Коробеев в зависимости от особенностей деяний насильственные действия на борту воздушного судна относит в том же издании к разновидностям пиратства (с. 118).

³⁹ *Международное право. Учебник / Под ред. Н. Т. Блатовой.* М.: Юрид. лит., 1987. С. 314, 316; *Панов В. П.* Международное уголовное право: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М. 1997. С. 72–85, 131–135.

ограниченность. Даже в совокупности они не представляют собой упорядоченной и скоординированной системы мер... Кроме того, по мере развития науки и техники постоянно будут возникать новые виды и формы терроризма, которые на каком-то этапе выпадут из поля действия международных "предметных" Конвенций. Таким образом, работа в данном направлении не снимает с повестки дня необходимость разработки универсального международно-правового документа, который охватил бы всю проблему в целом»⁴⁰.

При выработке такого документа, очевидно, основное внимание должно быть обращено на определение общего понятия терроризма путем установления его отличительных признаков. Те или иные отличительные признаки терроризма с достаточной степенью полноты уже охарактеризованы как в международных документах, так и в научной литературе и нашли свое законодательное закрепление в уголовном законодательстве многих государств. Поэтому основная задача научных исследований в настоящий момент состоит в том, чтобы учесть и проанализировать все эти признаки, сгруппировать их и синтезировать в общем определении терроризма, позволяющем четко отграничить его от смежных понятий, а состав терроризма — от смежных составов преступлений.

**§ 2. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ ТЕРРОРИЗМА.
СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ТЕРРОРИЗМ»,
«ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ», «ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА
(ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ)»,
«ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ПРИЗНАКАМИ
ТЕРРОРИЗИРОВАНИЯ»**

Необходимость разработки общего понятия терроризма не в последнюю очередь обусловлена тем, что не только в международных документах, но и в национальных правовых системах существуют различные подходы к его определению. В частности, анализ уголов-

⁴⁰ Бояр-Созонович Т. С. Международный терроризм: политико-правовые аспекты. Киев; Одесса: Лыбидь, 1991. С. 119–120.

ного законодательства государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, и других стран, показывает, что содержащиеся в уголовных кодексах составы терроризма существенно различаются по своим признакам, а порою и вообще несопоставимы.

Так, в Уголовном законе Латвии, при отсутствии состава диверсии ч. 1 ст. 88 (терроризм) сформулирована следующим образом: «Взрывы, поджоги или иные умышленные действия, направленные на уничтожение людей, причинение телесных повреждений или другого вреда здоровью людей, уничтожение или повреждение предприятий, сооружений, нефте- или газопроводов, линий электропередач, путей и средств сообщения, телекоммуникационных сетей или иного имущества с целью причинения вреда Латвийской Республике или ее жителям, а также совершенное с той же целью массовое отравление или распространение эпидемий и эпизоотий».

Но практически те же самые признаки характеризуют состав диверсии в уголовных кодексах Российской Федерации (ст. 281), Украины (ст. 113), Беларуси (ст. 360), Туркменистана (ст. 173), Узбекистана (ст. 161).

В то же время согласно ч. 1 ст. 155 УК Республики Узбекистан, предусматривающей ответственность за терроризм, под это понятие наряду с множеством других деяний подпадают и нападения на лиц и учреждения, пользующиеся международной защитой, тогда как в УК РФ (ст. 360), УК Украины (ст. 444), УК Республики Беларусь (ст. 125), УК Туркменистана (ст. 170) эти деяния предусмотрены в самостоятельном порядке отдельно от состава терроризма. Более того, в новом УК Грузии имеет место специальная глава под названием «Терроризм», состоящая из девяти составов (ст. 323–331), большинство из которых в других государствах предусмотрены отдельно от состава терроризма и не охватываются этим понятием.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что одни и те же деяния в ст. 205 УК Российской Федерации и в ст. 289, 290 УК Республики Беларусь называются терроризмом, а в ст. 258 УК Украины — террористическим актом. Кроме того, если в уголовном законодательстве России и Беларуси существуют составы, предусматривающие ответственность отдельно за терроризм и террори-

стический акт, то согласно ч. 2 ст. 88 Уголовного закона Латвии и ч. 2 ст. 155 УК Узбекистана понятием «терроризм» охватываются и те деяния, которые в России и Беларуси расцениваются как террористический акт. Более того, в УК Республики Беларусь за терроризм (ст. 289, 290) и террористический акт (ст. 124, 359) в раздельном порядке предусмотрена ответственность лишь для случаев совершения этих деяний на территории данного государства, тогда как в случае совершения тех же действий на территории иностранного государства квалификация их будет осуществляться по ст. 126 УК РБ, предусматривающей ответственность за международный терроризм и не устанавливающей различий между собственно терроризмом и террористическим актом.

Не устанавливает различий между терроризмом и террористическим актом и новый Уголовный кодекс Франции, напротив, террористические акты здесь рассматриваются как конкретные формы проявления терроризма, предусмотренного в Кодексе в качестве родового понятия, поскольку раздел Кодекса называется «О терроризме», а глава раздела, содержащая соответствующие составы преступлений, называется «О террористических актах» и в самих составах (ст. 421-1, 421-2) даются признаки террористических актов и называются характеризующие в данных составах деяния именно таким образом.

С другой стороны, и в национальном законодательстве рассматриваемые понятия нередко употребляются далеко не в однозначном аспекте. Так, если в УК РФ предусмотрена уголовная ответственность отдельно за терроризм (ст. 205) и террористический акт (ст. 277), а в Федеральном законе «О борьбе с терроризмом», подписанном Президентом Российской Федерации 25 июля 1998 г. № 130/ФЗ (с изм. от 7 августа 2000 г. № 122/ФЗ), в раздельном порядке речь идет о терроризме и преступлениях террористического характера⁴¹, то в других важнейших документах эти категории употребляются как слова-синонимы. В частности, в Указе Президента Российской Федерации от 22 января 2001 г. № 61 «О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» не различаются такие категории, как «терро-

⁴¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3808; 2000. № 33. Ст. 3348.

ризм» и «террористические акции»⁴², в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в ред. Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24) — «терроризм» и «террористическая деятельность»⁴³, а в ст. 10 Федеральном законе «Об органах федеральной службы безопасности» от 3 апреля 1995 г. № 40/ФЗ (с изм. от 30 декабря 1999 г. № 226/ФЗ и от 7 ноября 2000 г. № 135/ФЗ), говорится, что органы ФСБ осуществляют оперативно-розыскные мероприятия по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию террористической деятельности, тогда как п. «д» ст. 12 того же Закона обязывает органы ФСБ выявлять, предупреждать и пресекать акты терроризма⁴⁴.

Аналогичная ситуация и в Украине: если в Комплексной целевой программе борьбы с преступностью на 1996–2000 годы, утвержденной Указом Президента Украины от 17 сентября 1996 г. № 837/96, говорилось о необходимости борьбы с «преступлениями террористической направленности»⁴⁵, то в Комплексной программе профилактики преступности на 2001–2005 годы, утвержденной Указом Президента Украины от 25 декабря 2000 г. № 1376/2000, поставлена задача разработать проекты законов об усилении борьбы с «террористическими актами»⁴⁶.

В этой связи важно определить сущностные характеристики собственно терроризма, его структурные элементы как преступного деяния и на этой основе попытаться сформулировать его общее понятие.

Заостряя внимание на необходимости выработки общего понятия того или иного явления, В. Н. Кудрявцев совершенно верно отмечает, что «оно содержит не случайный набор признаков, а выделяет такие из них, которые вскрывают сущность явления, дают возможность раскрыть кроющуюся за этим явлением объективную

⁴² См.: Российская газета. 2001. № 14.

⁴³ См.: Российская газета. 1997. № 247; 2000. № 11.

⁴⁴ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269; 2000. № 1 (часть 1). Ст. 9; 2000. № 46. Ст. 4537.

⁴⁵ См.: Деловая Украина. 1996. № 72.

⁴⁶ См.: Компьютерная база «Нормативные акты Украины».

закономерность реальной действительности»⁴⁷ и на этом основании делает вывод, что не следует «отрицать известное самостоятельное значение общих понятий как логических категорий», поскольку «в ходе исторического развития некоторые общие понятия, категории, а также теории и научные системы стали приобретать относительно самостоятельное значение как элементы общественного сознания и общественного бытия, как продукты духовного и материального производства, в свою очередь влияющее на поведение человека»⁴⁸.

Научно обоснованные, логически выверенные понятия, теории и системы способны оказать позитивное влияние также на развитие законодательства и правоприменительную деятельность, поскольку, по справедливому утверждению С. С. Алексеева, «фокусом работы по совершенствованию законодательства и практики его применения во многом является повышение уровня “формальной логичности” данной юридической системы, ее подразделений, устранение существующих здесь огрехов, достижение предельно возможного логического совершенства действующего права»⁴⁹.

Анализ научной литературы, международных документов и уголовного законодательства ряда стран показывает, что терроризму как деянию свойственны следующие четыре отличительных признака.

В первую очередь отличительной чертой терроризма является то, что он порождает общую опасность, возникающую в результате совершения общеопасных действий либо угрозы таковыми. На эту характерную особенность терроризма указывалось еще в ст. I проекта резолюции о терроризме III Международной конференции по унификации уголовного законодательства (Брюссель, 1930 г.)⁵⁰. Опасность при этом должна быть реальной и угрожать неопределенному кругу лиц. Это же усматривается, например, из диспозиций статей УК Российской Федерации, Украины, Республики Беларусь, Туркменистана и т. д., предусматривающих ответственность за терроризм и относящих к нему деяния, объективно выразившиеся в со-

⁴⁷ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. полн. М.: Юристъ, 1999. С. 36.

⁴⁸ Там же. С. 37.

⁴⁹ Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 179.

⁵⁰ См.: Трайнин А. Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. С. 40—41.

вершении или угрозе совершения взрывов, поджогов и других общеопасных действий, реально могущих нанести вред неопределенному количеству лиц либо причинить иные тяжкие последствия.

Следующая отличительная черта терроризма — это публичный характер его исполнения. Как подметила в ходе дискуссии по проблемам терроризма С. Г. Келина, «эти действия всегда совершаются в целях саморекламы, с намерениями вызвать шок, страх у населения и властей»⁵¹. Другие преступления обычно совершаются без претензии на огласку, а при информировании лишь тех лиц, в действиях которых имеется заинтересованность у виновных. Терроризм же без широкой огласки, без открытого предъявления требований не существует. «Терроризм сегодня, — констатирует М. П. Киреев, — это, бесспорно, форма насилия, рассчитанная на массовое восприятие»⁵². Поэтому когда мы на практике имеем дело с общеопасными деяниями неясной этимологии, то чем больше неясностей, тем меньше вероятности, что это акты терроризма.

Наряду с порождением общей опасности и публичным характером действий следующим отличительным и самым важным признаком терроризма является преднамеренное создание обстановки страха, подавленности, напряженности. «Совершенно разные цели, — пишет Ю. М. Антонян, — могут преследоваться при нападении на государственных и политических деятелей, сотрудников правоохранительных органов и “рядовых” граждан, при уничтожении или повреждении заводов, фабрик, предприятий связи, транспорта и других аналогичных действиях, но о терроризме можно говорить лишь тогда, когда смыслом поступка является устрашение, наведение ужаса. Это основная черта терроризма, его специфика, позволяющая отделить его от смежных и очень похожих на него преступлений»⁵³. Причем создается эта обстановка страха, напряженности не на индивидуальном или узкогрупповом уровне, а на уровне социальном и представляет собой объективно

⁵¹ См.: «Круглый стол» журнала «Государство и право» на тему: «Терроризм: психологические корни и правовые оценки» // Государство и право. 1995. № 4. С. 33.

⁵² Киреев М. П. Криминологические и социально-психологические причины терроризма на воздушном транспорте: Материалы научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с организованной преступностью». Калининград, 1997. С. 76.

⁵³ Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998. С. 8.

сложившийся социально-психологический фактор, воздействующий на других лиц и вынуждающий их к каким-либо действиям в интересах террористов или принятию их условий. Игнорирование указанных обстоятельств приводит к тому, что к терроризму порой относят любые действия, породившие страх и беспокойство в социальной среде. Однако терроризм тем и отличается от других порождающих страх преступлений, что здесь страх возникает не сам по себе в результате получивших общественный резонанс деяний и создается виновными не ради самого страха, а ради других целей, и служит своеобразным объективным рычагом воздействия, причем воздействия целенаправленного, при котором создание обстановки страха выступает не в качестве цели, а в качестве средства достижения цели. Признавая, что неотъемлемым компонентом терроризма, отмечаемым практически всеми его исследователями, является наличие элемента запугивания, стремления создать социальную и психологическую атмосферу страха, устрашения — либо правительства, либо представителей тех или социальных слоев, групп, партий либо масс в целом, — Т. С. Бояр-Созонович совершенно справедливо при этом отмечает, что «некоторые западные авторы относят эту функцию терроризма в разряд целей, однако, если и рассматривать ее как цель, то исключительно как опосредованную, промежуточную, ибо запугивание служит средством достижения гораздо более далеко идущих целей»⁵⁴. Не относит устрашение к целям терроризма и «Словарь по уголовному праву», определяя его как преступную деятельность, выражающуюся в устрашении населения и органов власти с целью достижения преступных намерений⁵⁵. Таким образом, создание обстановки страха есть выражение терроризма, проявление его сути, а не его конечная цель. Напротив, благодаря созданной обстановке страха террористы стремятся к достижению своих целей, причем не за счет собственных действий, а благодаря действиям иных лиц, на кого призвано оказать воздействие устрашение, поэтому в отличие от других преступлений здесь наличествует страх иного рода, это страх не «парализующий», а, скорее, «мобилизующий» на выбор варианта поведения, устраивающего виновных.

⁵⁴ Бояр-Созонович Т. С. Указ. соч. С. 30.

⁵⁵ Словарь по уголовному праву / Отв. ред. проф. А. В. Наумов. М.: БЕК, 1997. С. 575.

И еще одной отличительной чертой терроризма является то, что при его совершении общеопасное насилие применяется в отношении одних лиц или имущества, а психологическое воздействие в целях склонения к определенному поведению оказывается на других лиц, т. е. насилие здесь влияет на принятие решения потерпевшим не непосредственно, а опосредованно — через выработку (хотя и вынужденно) волевого решения самим потерпевшим лицом (физическим или юридическим или группой лиц) вследствие созданной обстановки страха и выраженных на этом фоне стремлений террористов. Именно для достижения того результата, который террористы стремятся получить за счет действий этих лиц, и направляется их деятельность на создание обстановки страха путем совершения или угрозы совершения общеопасных действий могущих привести к невинным жертвам и иным тяжким последствиям. При этом воздействие на лиц, от которых террористы желают получить ожидаемого результата, может быть как прямым, так и косвенным. К примеру, взрывы в общественных местах, произведенные национал-сепаратистами, преследующими цель понудить власти к удовлетворению каких-то требований, представляют собой прямое воздействие, но те же действия, совершенные кем-то с целью породить у населения недоверие к «партии власти» как «неспособной» навести порядок, с тем чтобы на этом фоне выдавать обещания об улучшении ситуации в регионе или стране, если граждане отдадут предпочтение на выборах определенным кандидатам, есть вариант косвенного воздействия.

Таким образом, резюмируя существующие научные положения и международный опыт борьбы с терроризмом, представляется возможным предложить следующее обобщающее определение собственно терроризма как явления, выраженного в деянии: **терроризм — это публично совершаемые общеопасные деяния или угрозы таковыми, направленные на устрашение населения или какой-то его части, в целях прямого или косвенного воздействия на принятие какого-либо решения или отказ от него в интересах террористов.**

Предложенное определение включает все четыре выше рассмотренных признака терроризма в их органическом единстве и, думается, что отсутствие хотя бы одного из них в характеристике того или

инного деяния будет свидетельствовать об отсутствии терроризма как такового в собственном смысле этого понятия, хотя бы это деяние по многим показателям и было сходно с терроризмом.

Генетически близок к терроризму, но все же не совпадает с ним, террористический акт. Во многих случаях их соотношение нередко представляется как часть и целое, в особенности, когда дело касается реально совершенных насильственных актов, поскольку для признания деяния террористическим актом не обязательно, чтобы оно было совершено общеопасным способом, угрожавшим причинением вреда неограниченному кругу лиц или наступлением иных тяжких последствий. Получается, что для террористического акта обязательными являются все признаки терроризма, за исключением первого — создания общей опасности, хотя и его присутствие не исключается.

В этой связи, например, лишь незначительную часть совершенных в дореволюционной России народниками, анархистами, эсерами террористических актов можно отнести к актам терроризма, поскольку в подавляющем своем большинстве это были целенаправленные действия в отношении конкретных лиц способами, которые реально не причиняли и не могли причинить вреда окружающим. Однако все они были совершены с претензией на широкую огласку, направлены на запугивание представителей властных структур в целях изменения существующих в стране политических и социальных институтов.

Таковыми были деяния и Д. В. Каракозова, который впервые в российском террористическом движении 4 апреля 1866 г. пытался произвести прицельный выстрел в императора Александра II, и В. И. Засулич, стрелявшей 24 января 1878 г. в Петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова и тяжело ранившей его, и С. М. Степняка-Кравчинского, убившего 4 августа 1878 г. на Михайловской площади в Петербурге ударом кинжала шефа жандармов Н. В. Мезенцева⁵⁶.

Террористический характер имели и акты мести, которые незамедлительно подвергались широкой огласке лицами, их совершившими, либо сотоварищами с подробным разъяснением мотивов и целей этих акций и выдвижением конкретных требований, выпол-

⁵⁶ История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / Автор-составитель О. В. Будницкий. Ростов н/Д., Феникс, 1996. С. 8, 32, 64–88.

нение которых послужит сигналом к прекращению подобной практики. В сущности акты мести совершали и В. И. Засулич и С. М. Степняк-Кравчинский, но эти акты мести не были самоцелью, а служили средством запугивания правительства и дезорганизации деятельности его структур в целях понуждения к уступкам в соответствии с предъявленными требованиями⁵⁷.

Первой попыткой совершения народниками террористического акта со всеми чертами терроризма, как представляется, была подготовка в октябре-ноябре 1879 г. под руководством А. И. Желябова взрыва железной дороги под Александровском (ныне Запорожье). Подготовка велась в целях совершения покушения на жизнь императора Александра II. Однако при прохождении царского поезда 18 ноября 1879 г., когда Желябов соединил провода гальванической батареи, подведенные к мине, взрыва не произошло⁵⁸.

Первым же оконченным деянием, соответствующим всем признакам терроризма, является покушение народников на жизнь царя Александра II 19 ноября 1879 г. под Москвой. На этот раз подложенная под железнодорожное полотно мина была взорвана, но оказалось, что это был поезд со свитой, шедший, вопреки обыкновению, не первым, а вторым. Сила взрыва перевернула багажный вагон, восемь вагонов сошли с рельс, но люди не пострадали⁵⁹.

Все черты терроризма присущи и осуществленному С. Н. Халтуриним 5 февраля 1880 г. покушению в Зимнем дворце, когда под столовой императора был произведен взрыв динамита, убивший 10 человек, контузивший и ранивший 53 человека; император был в это время в другом месте⁶⁰.

И, конечно же, апогеем террористической деятельности народников является убийство 1 марта 1881 г. царя Александра II посредством взрыва бомбы, в результате чего не только погиб император,

⁵⁷ См. подробнее: Утопический социализм в России: Хрестоматия / А. И. Володин, Б. М. Шахматов; Общ. ред. А. И. Володина. М.: Политиздат, 1985. С. 497–509.

⁵⁸ См.: Седов М. Г. Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М.: Мысль, 1966. С. 208; Утопический социализм в России. С. 525.

⁵⁹ См.: Волк С. С. Народная воля. 1879–1882. М.-Л.: Наука, 1966. С. 102; Седов М. Г. Указ. соч. С. 210.

⁶⁰ См.: Волк С. С. Указ. соч. С. 102–104; Седов М. Г. Указ. соч. С. 223–225; История терроризма в России. С. 250–294.

но пострадали и другие люди⁶¹. В этом случае так же террористический акт имеет все признаки терроризма.

Как терроризм следует квалифицировать и взрыв на даче премьер-министра России П. А. Столыпина, осуществленный эсерами-максималистами 12 августа 1906 г.⁶², но само убийство П. А. Столыпина (1911 г.) к акту терроризма отнести невозможно, ибо, хотя это был, безусловно, террористический акт, но без создания общей опасности для окружающих.

Однако терроризм не всегда представляет собой как бы особый случай террористического акта, поскольку, во-первых, терроризм может выражаться не только в насильственных действиях, повлекших реальные последствия, но и в угрозе осуществления таких действий, т. е. в этой части смысловое наполнение термина «терроризм» выходит за рамки понятия «террористический акт», содержанием которого охватываются лишь реально совершившиеся насильственные действия, а не угроза их совершения; во-вторых, насильственные действия и угрозы таковыми при совершении терроризма направлены в отношении неопределенного количества невинных жертв, тогда как жертва насилия при совершении террористического акта строго персонифицирована; в-третьих, терроризм совершается всегда общеопасным способом (взрывы, поджоги и т. п.) и влечет за собой не только невинные жертвы, но и материальный вред, а террористический акт — как правило, способом, опасным лишь для конкретного лица, но не для окружающих. Хотя, как уже отмечалось, террористический акт и акт терроризма при определенных условиях могут и совпадать по объему, в частности, в случае совершения террористического акта общеопасным способом, в результате чего террористический акт обретает также и черты терроризма.

Если изобразить графически, то понятия «терроризм» и «террористический акт» представляют собой как бы систему двух пересекающихся кругов, а во всей своей совокупности суммарно они составляют более общее понятие — «преступления террористического характера в узком или собственном смысле слова» или же «терроризм в широком смысле слова», поскольку террористический акт

⁶¹ См.: Волк С. С. Указ. соч. С. 115–129; История терроризма в России. С. 115–140.

⁶² История терроризма в России. С. 250–294.

нередко представляется в науке и как разновидность терроризма, рассматриваемого в более широком плане, чем собственно терроризм, что и нашло соответствующее отражение в уголовном законодательстве Латвии и Узбекистана.

Следует заметить, что в литературе существует и более широкое определение терроризма. «Под терроризмом, — пишут Н. Б. Крылов и Ю. А. Решетов, — в самом широком значении этого термина понимают акты насилия или угрозу насилием, цель которых — внушить страх и заставить действовать или воздержаться от действий в нужном террористам направлении»⁶³. Но под такое определение терроризма вполне подпадают не только собственно терроризм и террористические акты, но также и вымогательство, принуждение к совершению сделки или отказ от ее совершения, принуждение к даче показаний, угрозы судье или работнику правоохранительного органа в целях оказания влияния на характер его деятельности и многие другие преступления, направленные на понуждение к совершению каких-либо действий либо отказу от них.

Однако нельзя и отрицать того очевидного факта, что существует немало преступлений, которые, хотя и невозможно подвести под понятие терроризма или террористического акта, но в основе которых тоже находится устрашение с целью заставить действовать или отказаться от действий в нужном виновным лицам направлении. В этой связи представляется возможным очертить еще более широкий круг примыкающих к преступлениям террористического характера деяний, т. е. деяний, в основе которых лежит терроризирование, обозначив их понятием «преступления с признаками (элементами) терроризирования».

Входящие в этот круг деяния далеко не однородны: одни из них близко примыкают к терроризму и террористическому акту (публичная угроза террористическим актом, направленные на устрашение населения или какой-то его части захват заложников, захват воздушного судна и т. д.), другие же, напротив, «напоминают» эти деяния лишь в общих чертах (например, вымогательство, воспрепят-

⁶³ Крылов Н. Б., Решетов Ю. А. Государственный терроризм — угроза международной безопасности // Советское государство и право. 1987. № 2. С. 78.

ствование законной профессиональной деятельности журналистов, принуждение к даче показаний и т. п.). Поэтому наряду с понятиями преступлений с признаками (элементами) терроризирования и преступлениями террористического характера в узком смысле (терроризм в широком смысле) можно выделить понятие «преступления террористического характера в широком смысле слова», которому соответствует понятие «терроризм в самом широком смысле слова» и под которое подпадают терроризм, террористические акты, публичные угрозы террористическим актом и другие деяния с признаками терроризирования, отличающиеся направленностью действий на устрашение населения или какой-то его части, т. е. на создание обстановки страха не на индивидуальном или узкогрупповом, а на социальном уровне в целях оказания влияния на принятие какого-либо решения или отказ от него.

Если теперь «завершить рисунок» с системой кругов, то соотношение между рассматриваемыми понятиями выглядит следующим образом: в большом круге, обозначающем преступления с признаками (элементами) терроризирования, расположен средний круг, обозначающий преступления террористического характера в широком смысле слова или терроризма в самом широком смысле слова и включающий в себя систему пересекающихся малых кругов собственно терроризма и террористического акта, представляющую собой одновременно понятие преступлений террористического характера в узком смысле слова или терроризма в широком смысле слова.

Следует заметить, что при рассмотрении публичных угроз террористическими актами имеются в виду лишь те угрозы, реализация которых может иметь реальные последствия только для лица, в отношении которого выражены эти угрозы, но если речь идет о совершении террористического акта способом, который заведомо может повлечь гибель других людей или иные тяжкие последствия, то в этом случае имеет место терроризм, так сказать, в чистом виде. То есть разграничение здесь осуществляется также лишь по первому признаку терроризма, все остальные признаки (публичный характер действий, создание обстановки страха и цель понуждения к каким-либо действиям или отказу от них) присутствуют в полном объеме, с той лишь разницей, что удовлетворение требований виновных лиц в

данном случае может быть произведено не только за счет действий третьих лиц, но и за счет действий того лица, в адрес которого направлялись угрозы. Классический пример — публичные угрозы со стороны революционеров-народников в адрес российского императора, сопряженные с конкретными требованиями к нему же.

В свою очередь, деяния, которые можно охватить лишь общим понятием «преступления с признаками (элементами) терроризирования» отличаются от терроризма, террористического акта и других преступлений террористического характера тем, что, во-первых, здесь устрашающее воздействие может оказываться не только с помощью насилия или угрозы насилием, но и ненасильственных действий или угроз таковыми (разглашение сведений, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне, ущемление прав или законных интересов потерпевшего или его близких, изъятие имущества), во-вторых, для этих деяний не является обязательным атрибутом стремление к широкой огласке, напротив, они совершаются обычно с явным стремлением виновных остаться как можно менее заметными и, в-третьих, обстановка страха создается не на общесоциальном, а на индивидуальном или узко-групповом уровне.

Основу общей массы рассматриваемых преступлений составляет элемент терроризирования.

В чем же суть понятия «терроризирование»?

Согласно толковым словарям термин «терроризирование» (фр. *terroriser*) означает: 1) преследовать, угрожая расправой, насилиями; 2) запугивать, держа в состоянии страха⁶⁴.

В уголовном законодательстве термин «терроризирование» в ряде государств имеет место среди признаков состава, предусматривающего ответственность за терроризирование в местах лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления (ст. 392 УК Украины, ст. 410 УК РФ, ст. 220 УК Узбекистана). В диспозициях статей отсутствуют какие-либо отличительные признаки этого понятия, а «расшифровка» его дается, например, в п. 4 постановления

⁶⁴ Словарь иностранных слов. 10-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1983. С. 494; Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 1319; Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 17-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1985. С. 691.

Пленума Верховного Суда Украины от 26 марта 1993 г. № 2 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением режима отбывания наказания в местах лишения свободы», где говорится следующее: «Под терроризированием осужденных, вставших на путь исправления ... следует понимать применение насилия или угрозы применения насилия с целью принудить их отказаться от добросовестного отношения к труду, соблюдения правил режима, а также совершение таких же действий из мести за выполнение общественных обязанностей по укреплению дисциплины и порядка в исправительно-трудовом учреждении. Терроризированием следует также считать глумление или издевательство над осужденными с целью запугивания и воспрепятствования исполнению наказания»⁶⁵.

Думается, что следует полностью согласиться с трактовкой Пленума в той части, когда под терроризированием понимается совершение насильственных и других действий (глумление, издевательства) в качестве средств запугивания осужденных, вставших на путь исправления с целью их понуждения к отказу от законопослушного поведения. В то же время вызывает сомнение безоговорочное отношение к терроризированию совершение таких же действий из мести за выполнение потерпевшим общественных обязанностей, поскольку в тех случаях, когда целевая направленность исчерпывается самим актом насилия или другим действием, то терроризирование отсутствует, ибо на устрашение и дальнейшее развитие событий, выражающееся в изменении поведения потерпевшего либо других лиц, виновный не рассчитывает. Другое дело, если акт мести не является самоцелью, а служит как бы в назидание другим, выступает в качестве средства их запугивания, и это охватывается умыслом виновного и осознается окружающими. В частности, как отмечалось выше, террористический характер имели акты мести, совершаемые революционерами-народниками, поскольку они рассчитаны были на широкую огласку и служили средством понуждения властных структур к определенным действиям.

⁶⁵ Кримінальний кодекс України. Кримінально-процесуальний кодекс України. Постанови Пленуму Верховного Суду України із загальних питань судової діяльності та в кримінальних справах / Відп. ред. В. Т. Маляренко. Київ: Юрінком Інтер, 1999. С. 607.

Суть терроризирования сводится, в первую очередь, к устрашению, преследованию, запугиванию, созданию обстановки страха, но не в смысле обычного устрашения преступником жертвы в ходе осуществления преступления в целях облегчения его совершения и не в качестве объективно создавшегося состояния страха, которое возникает у людей при наличии серии тех или иных насильственных преступлений, получивших широкую огласку (например, возникновение обстановки страха в том или ином населенном пункте в результате действий маньяка-убийцы, маньяка-насильника, дерзкой банды и т. д., в отношении которых в разговорной речи нередко употребляются такие обозначения, как «терроризирующие население»). Каким бы тяжким ни было преступление и какой бы общественный резонанс оно ни получило, действия лица, его совершившего, не могут быть квалифицированы как «терроризирование» в собственном смысле этого понятия, если совершенные в ходе данного преступления насильственные или иные действия были самоцелью, или же состояние страха возникло в результате совершенного деяния, независимо от намерений самого виновного. Поэтому другим существенным признаком терроризирования выступает стремление за счет создания обстановки страха оказать влияние, воздействовать, понудить.

Таким образом, отличительные признаки терроризирования, как самостоятельного свойства преступного деяния, заключаются в следующем: 1) насильственные и иные действия виновного не являются самоцелью, а служат средством достижения других целей; 2) обстановка страха возникает не сама по себе — как следствие совершенного деяния или общественного резонанса, а целенаправленно создается виновным в расчете на ее содействие в достижении конечной цели в качестве средства понуждения к принятию или отказу от принятия какого-либо решения в интересах виновного или других лиц; 3) достижение конечного результата осуществляется не за счет действий самого виновного лица, а за счет действий тех лиц (физических или юридических), в отношении которых направлено устрашающее воздействие; 4) насильственные и другие преступные действия могут быть направлены против одних лиц (как физических

так и юридических), а достижение конечных целей виновного осуществляться за счет действий третьих лиц (как физических, так и юридических), но возможно, что и направленность действий и достижение конечного результата будут связываться у виновного с одним и тем же лицом.

Терроризм, террористический акт и другие преступления с признаками терроризирования следует отличать от политических и заказных убийств и прочих насильственных преступлений. «Террористический акт, — замечает Т. С. Бояр-Созонович, — не самоцель, практически всегда он работает через определенный общественно-политический резонанс, который тем больше, чем шире распространяется информация о нем»⁶⁶. То есть если убийство террористической направленности служит средством создания обстановки напряженности и одновременно способом понуждения к чему-либо или отказу от чего-либо тех или иных лиц, то политическое или заказное убийство без элементов терроризирования является способом решения каких-либо вопросов самим фактом его совершения. Здесь нет необходимости в понуждении кого-то к чему-то, все разрешается автоматически в результате наступившего последствия. Кроме того, вокруг политического или заказного убийства обычно имеется некий ореол таинственности и скрытого смысла, который раскрывается лишь спустя некоторое время.

Из истории известно, что посредством политических убийств довольно часто решались споры о престолонаследии, но при этом обнародовались версии, весьма далекие от существа происшедшего. Так, в июне 1605 г. по приказу Самозванца Лжедмитрия I были тайно убиты царица Мария Годунова-Скуратова и царевич Федор Годунов, но обнародована была официальная версия о самоубийстве⁶⁷.

28 сентября 1978 г. после вступления на престол скоропостижно скончался глава католической Церкви Иоанн Павел I, и многие обстоятельства его смерти до сих пор окутаны завесой глубокой тайны. После смерти папы по Риму поползли неясные слухи о том, что он умер не естественной смертью, а был отравлен в своей опочивальне. Официальная же версия гласит, что Иоанн Павел I скончался в ре-

⁶⁶ Бояр-Созонович Т. С. Указ. соч. С. 23–24.

⁶⁷ Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М.: Мысль, 1988. С. 229.

зультате инфаркта миокарда. Понятно, что здесь может быть речь либо о событии в свете официальной версии, либо о тайном политическом убийстве, однако, приведя этот пример в своей книге «За кулисами террора», Э. В. Ковалев и В. В. Малышев склонны рассматривать его как разновидность «террористической» деятельности ЦРУ⁶⁸, что выглядит явной натяжкой.

Сложным является вопрос и об отнесении к той или иной категории убийств представителей иностранных государств — выступают ли они разновидностями обычных политических убийств или же убийств террористической направленности. Думается, что однозначно ответить на этот вопрос невозможно. К преступлениям террористической направленности, по всей видимости, их можно отнести в тех случаях, когда они служат средством запугивания, вынуждения властей иностранного государства к изменению политического курса. Если же осложнение международных отношений происходит само по себе после совершенного убийства, без каких-либо предварительных и последующих усилий к этому заинтересованных лиц, то такой акт следует признавать политическим убийством без признаков террористической направленности, ибо в данном случае характер содеянного свидетельствует об определенной диверсионной направленности, но не террористической, поскольку деяние совершается с целью причинения ущерба этим отношениям, а не в целях понуждения к изменению отношений.

С другой стороны, если убийство представителя иностранного государства служит причиной осложнения международных отношений в результате возникшего беспокойства, недоверия и т. д., то такое деяние несет на себе свойство террористической направленности, а если это обстоятельство используется лишь как предлог для осуществления фактически сложившегося разрыва отношений или для развязывания давно назревшего конфликта, то имеет место политическое убийство без признаков террористической направленности.

Так, убийство наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда и его жены в июне 1914 г. в Сараево было использовано австро-германскими войсками для развязывания Первой мировой

⁶⁸ См.: Ковалев Э. В., Малышев В. В. За кулисами террора. М.: Юрид. лит., 1985. С. 106–115.

войны. Но имело ли это убийство террористическую направленность и породило ли оно обстановку страха и недоверия между государствами? Конечно, нет. Война между двумя коалициями (германо-австрийским блоком и Антантой) была вызвана крайним обострением противоречий в ходе борьбы за сферы влияния, источники сырья, рынки сбыта, и не будь этого убийства — было бы другое убийство или иной повод. Факт убийства наследника никак не влиял на расстановку сил и взаимоотношения государств, которые потенциально давно уже находились в состоянии войны, а потому это убийство носит не террористический, а политический характер.

Но совершенно иной оттенок имеет убийство левым эсером Я. Г. Блюмкиным в 1918 г. посла Германии в РСФСР Вильгельма Мирбаха. Целью этого убийства было создание обстановки страха и недоверия между правительствами Германии и России после только что заключенного Брестского мира. Здесь ясно прослеживалось стремление посредством этого убийства внести изменения в отношения между государствами. И это стремление имело под собой реальную почву. Во-первых, межгосударственные отношения между Россией и Германией только начинали складываться (ведь они находились в этот период в состоянии войны друг с другом) и многое было неясно и проблематично, к тому же сложности усугублялись появлением в мире нового государства с доселе неизвестным никому политическим и экономическим устройством. Во-вторых, левые эсеры могли реально влиять на расстановку сил, поскольку их представители были в правительстве России. А потому совершенное убийство становится средством запугивания, давления, с одной стороны, на правительство Германии, с другой стороны, на правительство России в целях понуждения к изменению политического курса и возобновлению военных действий. Такие деяния с полным основанием можно отнести к преступлениям террористической направленности в форме террористического акта.

Понятие «террористический акт» относится к числу наиболее часто употребляемых терминов как в научной литературе, так и в средствах массовой информации, а в ряде стран находит и законодательное закрепление. Однако вопрос о том, насколько точны эти законодательные определения, насколько верно они характеризуют

своими признаками сущность определяемого ими явления действительности, невольно возникает уже при сопоставлении соответствующих составов преступлений, содержащихся в уголовных кодексах отдельных государств.

Так, в ст. 277 УК РФ под террористическим актом понимается посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность.

Вновь принятый УК Республики Беларусь содержит два состава террористического акта — ст. 359 УК РБ (террористический акт) и ст. 124 УК РБ (террористический акт против представителя иностранного государства), причем признаки этих составов имеют больше различий, чем сходства. Если в ст. 359 УК РБ под террористическим понимается посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в связи с его государственной или общественной деятельностью с целью дестабилизации общественного порядка, либо воздействия на принятие решений государственными органами, либо воспрепятствования политической или иной деятельности, либо из мести за такую деятельность, то в ст. 124 УК РБ под террористическим актом понимаются насильственные действия в отношении представителя иностранного государства или международной организации, похищение или лишение его свободы, а также убийство с целью провокации международных осложнений или войны.

При сопоставлении данных составов совершенно необъяснимым представляется то обстоятельство, что они существенно разнятся, в первую очередь, по признакам объективной стороны преступления. Трудно понять, почему признаками состава, предусмотренного ст. 277 УК РФ и ст. 359 УК РБ, охватывается лишь посягательство на жизнь, а состава, предусмотренного ст. 124 УК РБ — не только убийство, но и похищение или лишение свободы, а также иные насильственные действия. Также неясно, почему столь существенно различаются цели террористических актов в указанных составах. Ведь если взять, к примеру, такой уголовно-правовой институт, как хищение, то его объективные и субъективные признаки едины независимо от того, совершено ли хище-

ние обычного имущества, огнестрельного оружия или наркотических веществ, является ли потерпевший гражданином данного государства или иностранцем. Разграничение составов, предусматривающих ответственность за отдельные разновидности хищений, осуществляется по дополнительным признакам. Основные же объективные и субъективные признаки хищения идентичны. Думается, что и составы террористического акта должны быть идентичными по своим основным конструктивным признакам и отличаться лишь в отдельных второстепенных деталях; наблюдаемый же «разнобой» в их конструкциях свидетельствует лишь об их несовершенстве и неразработанности самой категории террористического акта как уголовно-правового института.

Указанные неточности усугубляются и тем обстоятельством, что из конструкций рассматриваемых составов довольно сложно уяснить: а в чем же здесь, собственно, выражен момент терроризирования.

Диспозиция ст. 277 УК РФ сформулирована таким образом, что о возможности обретения предусмотренным здесь преступлением террористического характера можно лишь догадываться, т. е. согласно конструкции состава такой вариант не исключается, но он здесь и далеко не единственный.

В частности, цель прекращения государственной или общественной деятельности сама по себе никакого терроризирования не выражает, тем более, если она выступает в качестве самоцели и реализуется в политическом или заказном убийстве, когда желаемый результат достигается самим фактом физического устранения какого-то лица. Террористический характер это деяние приобретает лишь тогда, когда прекращение государственной или общественной деятельности лица будет выступать не в качестве цели, а в качестве средства достижения цели оказания влияния за счет этого фактора и фактора устрашения населения на деятельность соответствующих структур.

Примерно то же самое можно сказать и в отношении мести как цели данного преступления. Сама по себе месть не содержит в себе ничего террористического, если совершенное на ее почве деяние выступает в качестве конечной цели виновного лица. «Посягательство на жизнь другого человека, — заметил И. И. Карпец, — даже с помощью специально изготовленных взрывных устройств (мин, бомб), совершенное на почве мести или личных взаимоотношений, не обра-

зует состава террористического акта и квалифицируется по соответствующим статьям, предусматривающим ответственность за преступления против личности ... Повреждение имущества в тех же целях квалифицируется по соответствующим статьям преступлений против ... собственности...»⁶⁹. Совершаемое на почве мести деяние лишь тогда будет носить террористический характер, когда акт мести будет выступать в качестве средства привлечения внимания и оказания воздействия на деятельность тех или иных организаций или их представителей.

В диспозиции ст. 359 УК РБ на собственно террористическую направленность деяния прямо указывает лишь цель «воздействия на принятие решений государственными органами». Цель же «воспрепятствования политической или иной общественной деятельности», подобно предусмотренной в ст. 277 УК РФ цели прекращения государственной или общественной деятельности, имеет двойкий смысл и может реализоваться как в собственно террористическом акте, так и в политическом или заказном убийстве. Что же касается цели дестабилизации общественного порядка, то она вообще в данном составе не несет никакой смысловой нагрузки, поскольку в общем плане всякое преступление дестабилизирует общественный порядок, не говоря уже о тех деяниях, которые предусмотрены в составах преступлений против общественного порядка и классическим вариантом которых выступает хулиганство. В то же время представляется необъяснимым, почему согласно ст. 359 УК РБ цель воздействия на принятие решений может иметь место лишь в отношении государственных органов, тогда как посягательство осуществляется на жизнь государственного или общественного деятеля.

Диспозиция ст. 124 УК РБ, существенно расширив объективные признаки состава террористического акта, вместе с тем зауживает сферу его применения за счет указания в качестве цели лишь на провокацию международных осложнений или войны. Но целевая направленность международных террористов далеко не исчерпывается этими целями (например, те же действия могут быть совершены не в целях провокации войны, а в целях ее прекращения, но от этого

⁶⁹ Карпец И. И. Преступления международного характера. С. 96.

они не утратят террористического характера), к тому же, как было показано выше, спровоцировать войну можно не только с помощью террористических актов, но и политических убийств.

Таким образом, признаками рассмотренных составов охватываются как те деяния, которые действительно соответствуют понятию террористического акта, так и те, которые не подпадают под него.

Вместе с тем представляется нелогичным и противоречивым такое положение в уголовном законе, когда посяательства на жизнь государственных или общественных деятелей в известных целях признаются террористическими актами, а совершенные в тех же целях посяательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), или сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), убийство работника милиции (ст. 362 УК РФ) таковыми не признаются. Но ведь действия, предусмотренные ст. 295, 317 УК РФ и ст. 362 УК РФ также могут быть сопряжены с устрашением населения или его части, представителей властных структур, совершены с претензией на широкую огласку и в целях оказания влияния на принятие какого-либо решения или отказ от него, т. е. соответствовать всем признакам террористического акта, а в случае выполнения насильственных действий общеопасным способом — также признакам терроризма.

Изложенное лишний раз свидетельствует о необходимости совершенствования составов, имеющих место в УК РФ и УК РБ. Законодатель, как представляется, может избрать здесь один из двух оптимальных вариантов: либо сформулировать признаки террористического акта, так сказать, в чистом, классическом виде, либо указанные в данных составах деяния не называть террористическим актом, дабы не охватывать настоящим понятием преступления, не имеющие к тому прямого отношения.

Так, УК Украины, устанавливая уголовную ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 112) и посягательство на жизнь представителя иностранного государства (ст. 443), не называет эти деяния террористическими актами. Не называются террористическими актами и посягательства на жизнь и здоровье Президента Республики в соответствующих статьях УК Туркменистана (ст. 176) и УК Узбекистана (ст. 158), а также посягательства

на жизнь и здоровье Президента Латвийской Республики, депутата Сейма, члена Кабинета Министров и другого должностного лица государства (ст. 86 Уголовного закона Латвии). Такая позиция представляется более точной и взвешенной, поскольку далеко не всякое посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля подпадает под признаки террористического акта как такового.

Если же попытаться сконструировать состав террористического акта в классическом варианте, то, по-видимому, следует исходить из того, что здесь насильственные действия не исчерпываются посягательствами на жизнь и это со всей очевидностью демонстрирует ст. 124 УК РБ; более того, они не исчерпываются посягательствами против государственных или общественных деятелей или представителей иностранного государства и могут быть направлены против любого лица, ибо террористический характер указанным действиям придает не то, против кого они направлены, а те обстоятельства, при которых они происходят (создание обстановки страха), и те цели, ради которых они совершаются (оказание влияния на принятие какого-либо решения или отказ от него), и это со всей очевидностью демонстрирует ч. 2 ст. 88 Уголовного закона Латвии, давая как одной из разновидностей терроризма следующее определение деянию, подпадающему под признаки террористического акта: «Умышленное, опасное для жизни или здоровья насилье против лица или уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенное путем взрыва, поджога или иным общеопасным способом, или угроза такими действиями, выдвинутая как условие прекращения насилья, если есть основания считать, что данная угроза может быть выполнена, с целью принуждения государства, его учреждений или международной организации совершить какое-то действие или воздержаться от него».

Данная формулировка террористического акта максимально близка к его классическому варианту и с учетом изложенного, думается, что самостоятельный состав террористического акта в уголовном законе должен содержать следующие признаки:

1) совершение насильственных действий (посягательство на жизнь, здоровье, похищение, незаконное лишение свободы и т. д.) в отношении конкретного лица;

2) направленность этих действий на устрашение населения или какой-то его части, властных структур, международных или общественных организаций с намерением получения широкого общественного резонанса и создания обстановки страха на социальном уровне;

3) наличие цели оказания влияния на принятие какого-либо решения или отказ от него.

Разработка признаков терроризма, террористического акта, преступлений террористической направленности (террористического характера) имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку отсутствие четких научных критериев приводит к серьезным недоработкам в законодательстве и, как следствие, противоречивой и неэффективной практике борьбы с преступностью.

Особый интерес в этом плане вызывают Декрет Президента Республики Беларусь от 21 октября 1997 г. «О неотложных мерах по борьбе с терроризмом и другими особо опасными насильственными преступлениями» и Федеральный закон РФ «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 г. в части определения ими ряда основных понятий, что выполнено в этих важнейших документах, к сожалению, в самых худших традициях давно исчерпавшего себя конвенционного метода дачи определений — посредством перечисления конкретных деяний, подпадающих под признаки различных составов преступлений, предусмотренных уголовными кодексами соответствующих республик. Это свидетельствует о явном несовершенстве подобного рода определений, что, в свою очередь, неизбежно породит дополнительные трудности в правоприменительной практике.

Так, согласно п. 1.1. вышеуказанного Декрета Президента Республики Беларусь к проявлениям терроризма отнесены: террористический акт; террористический акт против представителя иностранного государства; диверсия; совершение взрыва, поджога или иных действий, посягающих на общественную безопасность; умышленное убийство лица или его близких в связи с осуществлением им служебных обязанностей или выполнением общественного долга или совершенное способом, опасным для жизни многих людей; захват заложников; угроза совершения взрыва, поджога или иных действий, посягающих на общественную безопасность; угроза или насилие в отношении судьи или

народного заседателя; угроза или насилие в отношении должностного лица, работника милиции, народного дружинника, военнослужащего или иного лица в связи с выполнением ими служебных обязанностей или общественного долга; угроза совершить хищение радиоактивных материалов или использовать их; угон воздушного судна; заведомо ложное сообщение о готовящемся взрыве, поджоге или иных действиях, посягающих на общественную безопасность; а к иным особо опасным насильственным преступлениям отнесены: создание преступной организации и участие в ней; бандитизм; умышленное убийство (по найму; сопряженное с похищением человека или захватом заложника, разбоем, вымогательством, бандитизмом); похищение человека при отягчающих обстоятельствах; умышленное уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах; вымогательство при отягчающих обстоятельствах; принуждение к заключению договора или выполнению обязательств при отягчающих обстоятельствах.

Из всего перечня преступлений, отнесенных к проявлениям терроризма, лишь террористический акт, террористический акт против представителя иностранного государства, захват заложников, угон воздушного судна, угроза совершить хищение радиоактивных материалов или использовать их, совершение взрыва, поджога или иных действий, посягающих на общественную безопасность либо угроза таковыми в действительности чаще всего проявляют себя как акты терроризма или террористические акты, да и то не всегда, поскольку: посягательства на жизнь государственного деятеля или представителя иностранного государства, которые согласно УК РБ называются террористическими актами, могут оказаться не террористическими актами, а политическими убийствами; угроза совершить похищение радиоактивных материалов или использовать их может быть высказана не публично, а конфиденциально в адрес того лица, от которого непосредственно зависит исполнение требований виновного; угон воздушного судна может быть осуществлен без создания обстановки страха, общей опасности и предъявления каких-то требований, например, экипажем того же судна; захват заложника

может быть осуществлен на узкобытовом уровне без каких-либо претензий на широкую огласку и запугивания населения; совершенные взрывов, поджогов или иных действий, посягающих на общественную безопасность, может быть не актом терроризма, а актом мести либо чисто диверсионным актом, который необходимо четко ограничивать от терроризма, но не причислять его к проявлениям терроризма. однако об их различиях будет сказано ниже.

Что же касается таких деяний, как умышленное убийство лица или его близких в связи с осуществлением им служебных обязанностей или выполнением общественного долга, угроза или насилие в отношении судьи или народного заседателя, должностного лица, работника милиции, народного дружинника, военнослужащего или иного лица в связи с выполнением ими служебных обязанностей или общественного долга, то они в редких случаях могут «дорастить» до террористического акта, поскольку, как правило, эти действия совершаются без лишней огласки и к созданию обстановки страха на социальном уровне, к запугиванию населения не приводят. Обычно они проявляют себя как преступления с признаками терроризирования на индивидуальном или узкогрупповом уровне, однако и этот признак в рассматриваемых деяниях может отсутствовать, если они совершены из мести и акт мести является конечной целью виновного. И заведомо ложные сообщения о готовящемся взрыве, пожаре или иных действиях, посягающих на общественную безопасность, чаще всего проявляют себя как разновидности элементарного хулиганства.

С другой стороны, если следовать положенной в основу Декрета логике определения проявлений терроризма, то становится неясным, почему тогда за рамками этого понятия оказались, к примеру, действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, хотя данная уголовно-правовая норма УК РБ (ст. 410) прямо указывает на терроризирование как одну из форм этого преступления, массовые беспорядки, а в разряд иных особо опасных преступлений отнесено создание преступной организации и участие в ней, тогда как эта организация может быть и сугубо террористической.

Весьма примечательно, что общее определение понятия терроризма дается в Декрете уже не путем перечисления тех или иных

деяний, а посредством выделения отличительных признаков этого явления. Безусловно, это позитивный момент, однако то, каким образом эти признаки перечислены, вызывает серьезные сомнения в точности установления рамок терроризма.

Согласно п. 1.1 Декрета «под терроризмом понимается применение насилия или угроз насилием в целях нарушения общественной безопасности, дестабилизации общественного порядка, запугивания населения или оказания влияния на принятие решений государственными органами или воспрепятствования политической или иной общественной деятельности». Как видно, признаки терроризма представлены в этом определении не во взаимосвязи и взаимообусловленности, а перечислены в альтернативном порядке, т. е. по существу здесь использован тот же метод дачи определений путем перечисления деяний, но не в конкретном, а в обобщенном варианте. По смыслу этого определения получается, что терроризм, оказывается, возможен и без нарушения общественной безопасности, и без запугивания населения, и без оказания влияния на принятие решений, если, к примеру, достигнута цель воспрепятствования общественной деятельности. То есть обычное воспрепятствование проведению собрания какой-либо религиозной общины или организации любителей бега или любителей пива и вообще любой срыв общественного мероприятия, совершенные подростками из хулиганских побуждений, полностью подпадают под данное определение терроризма. А такая альтернативно перечисленная в определении цель терроризма, как дестабилизация общественного порядка вообще позволяет отнести к терроризму любое насильственное преступление, ибо всякое преступление в той или иной мере дестабилизирует общественный порядок, и в особенности преступления против общественного порядка. Немудрено, что после такого общего определения терроризма под понятие «проявления терроризма» можно подвести довольно широкий спектр деяний.

Но если Декрет Президента Республики Беларусь дает общее определение терроризма все же лишь путем перечисления отличительных признаков, то в Федеральном законе РФ «О борьбе с терроризмом» определение терроризма представляет собой некий симбиоз и

перечисления альтернативных признаков и причисления сюда же еще конкретных деяний, предусмотренных статьями УК РФ. Так, ст. 3 Закона, в которой даются основные понятия, терроризм определен как «насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации, войны или осложнения международных отношений».

Анализ той части определения, которая состоит из общих признаков, показывает, что здесь под терроризм подпадает любое без исключения насильственное преступление. В самом деле, если эту часть определения несколько разрядить и из множества альтернативных признаков, приходящихся на каждый тезис определения, оставить по одному наиболее общему признаку, то получится следующее определение терроризма: «насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность... наступления... общественно опасных последствий, осуществляемые в целях удовлетворения... неправомерных имущественных и (или) иных интересов». Возможно ли найти такое насильственное преступление, которое не отвечало бы этим требованиям определения терроризма? Непонятно, для чего в данном определении нужно было перечислять какие-то конкретные деяния, если они и так

полностью охватываются той частью определения, которая, состоит из общих признаков.

Далее, в ст. 3 данного Закона содержится еще более широкое понятие — «преступления террористического характера», которое определено путем перечисления некоторых конкретных статей УК РФ и идущего следом тезиса такого содержания: «К преступлениям террористического характера могут быть отнесены и другие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, если они совершены в террористических целях». Думается, что такого рода тезис не только не вносит никакой ясности в данное определение, но и порождает дополнительные терминологические сложности. К примеру, что следует понимать под «террористическими целями»? В Законе на это ответа не дается, да и в науке вряд ли удастся его найти, поскольку сами по себе цели не могут быть террористическими или нетеррористическими, бандитскими или небандитскими, насильственными или ненасильственными, они лишь отражают характер действий, направленных на их осуществление, способы и средства их достижения.

Как видно, определение таких понятий, как «терроризм», «проявления терроризма», «преступления террористического характера» посредством перечисления конкретных составов преступлений или отдельных альтернативных признаков обречено на то, что терроризм вообще становится всеобъемлющим понятием, что вряд ли допустимо. Спору нет, терроризм действительно сложное и многомерное явление, и терроризирование как средство достижения цели может проявить себя в различных деяниях, но эти определения не учитывают одной существенной детали: тот факт, что практически все насильственные преступления, и даже ряд ненасильственных преступлений, при определенных обстоятельствах, в каком-то конкретном случае могут обрести свойство терроризирования, вовсе не означает, что все деяния того или иного рода, подпадающие под признаки того или иного состава, на этом основании нужно безоговорочно и без разбора относить к террористическим. Как совершенно точно подчеркивают Г. М. Миньковский и В. П. Ревин: «необходимо... разграничить случаи, когда захват заложников, наемничество и т. п. преступления являются самостоятельными, а в каких

случаях — способом террористических действий»⁷⁰. Примером такого четкого разграничения на законодательном уровне выступают составы ст. 421-1 и 421-2 УК Франции, которые, предусматривая признаки террористических актов, относят к ним посягательства на жизнь, умышленные посягательства на неприкосновенность человека, похищение или незаконное удержание человека в закрытом помещении, угон летательного аппарата, судна или любого другого средства транспорта, хищения, вымогательства, повреждение или порча, а также деяния в области информатики, изготовление или хранение смертоносных или взрывающихся машин и устройств, введение в атмосферу, в почву, в подпочву или в воды, включая территориальные морские воды, вещества, могущие создать опасность для здоровья людей или животных или природной среды, и т. п. действия, имеющие целью серьезно нарушить общественный порядок путем запугивания или террора. Хотя в этих составах существенно расширено понятие террористического акта за счет отнесения к нему и актов терроризма, и других преступлений террористического характера, вместе с тем здесь имеют место сущностные моменты, отражающие специфику деяния, а именно: направленность действий на устрашение для достижения иных, кроме насильственных действий, целей.

Стать преступлениями террористического характера деяния могут всякий раз, если они являются для виновного не самоцелью, а средством достижения другой цели, не находящейся в прямой и непосредственной связи с этими деяниями, когда они служат рычагом воздействия, запугивания и понуждения путем их совершения к принятию какого-либо решения либо воздержанию от него. Так, например, признаки терроризирования могут обретаь: похищение имущества или документов в целях использования этого обстоятельства в качестве средства воздействия на потерпевшего или его близких; совершение или попытка совершения в присутствии потерпевшего половых преступлений против его близких в целях склонения его к принятию какого-либо решения; организация разбойных нападений, поджогов и других насильственных действий в целях понуждения потерпевшего пойти на какое-то соглашение с виновным; ос-

⁷⁰ Миньковский Г. М., Ревин В. П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним // Государство и право. 1997. № 8. С. 87.

тавление человека без помощи в целях склонения заинтересованных лиц к выгодному для виновного поведению. Но это же вовсе не означает, что теперь нужно относить к преступлениям с признаками терроризирования любые похищения имущества или документов, разбойные нападения, поджоги, половые преступления, неоказание помощи человеку и т. д. Таковыми они станут лишь тогда, когда будут соответствовать совокупности вышеперечисленных признаков терроризма, террористического акта, преступлений с признаками терроризирования. Причем деяния, подпадающие под одни и те же составы преступлений, могут находиться на совершенно различных уровнях терроризирования либо вообще не быть таковыми. К примеру, посягательство на жизнь представителя власти общеопасным способом в общественном месте, сопряженное с предварительными и (или) последующими публично предъявляемыми требованиями к тому органу, который он представляет, есть терроризм; убийство представителя власти не общеопасным способом, сопряженное с предварительными и (или) последующими публично предъявляемыми требованиями к тому органу, который он представляет, есть террористический акт, не совпадающий по содержанию с актом терроризма; публичная угроза посягательством на жизнь в адрес представителя или представителей власти, сопряженная с предварительными и (или) последующими публично предъявляемыми требованиями к тому органу, который они представляют, есть террористическим актом; насилие в отношении представителя власти, сопряженное с конфиденциально высказанными требованиями к нему об использовании служебных полномочий в интересах виновных или конфиденциально высказанная угроза, сопряженная с требованиями непосредственно к этому представителю власти, есть преступление с признаками терроризирования; убийство представителя власти из мести за его деятельность без предъявления на этом фоне каких-либо требований к кому-то и без стремления к огласке, назидание кому-то, а равно убийство представителя власти с целью прекратить его деятельность и продолжить на его посту деятельность своего родственника — вообще не имеют никаких признаков терроризирования.

Несовершенство имеющихся в Декрете Президента Республики Беларусь и в Федеральном законе РФ определений терроризма в особенности дает себя знать тогда, когда становится необходимым установить содержание понятий «террористическая деятельность» и «террористические группы (организации)», а соответственно и смысл таких понятий, как «борьба с терроризмом», «контртеррористические операции». А коль согласно букве этих определений под понятие терроризма можно подвести практически любое насильственное преступление, то и под террористическую деятельность подпадает совершение любого насильственного преступления, а под террористическую группу (организацию) — любая преступная группа (организация). Но в чем же тогда смысл особой борьбы с терроризмом и какое поле деятельности следует очертить подразделениям, специально созданным для непосредственной борьбы с терроризмом?

Думается, что под террористической деятельностью, против которой и должна быть непосредственно направлена борьба с терроризмом как таковым, следует понимать круг деяний, обозначенный выше понятием «преступления террористической направленности в широком смысле» или «терроризм в самом широком смысле», т. е. это собственно терроризм, террористический акт, угроза террористическим актом и другие преступления террористического характера. Все остальные преступления с элементами терроризирования к собственно террористической деятельности не могут быть отнесены и борьбу с ними должны вести правоохранительные органы общей компетенции.

Предлагаемая позиция, как представляется, полностью согласуется и с таким проявлением терроризма, как террористические доктрины.

Впервые, пусть в далеко не совершенной форме, зачатки террористических доктрин обнаруживаются в сохранившихся письменных свидетельствах, относящихся к покушению на жизнь российского императора Александра II, совершенному 4 апреля 1866 г. Д. Каракозовым.

В прокламации «Друзьям-рабочим!», которую Д. В. Каракозов распространил накануне покушения и один экземпляр которой был обнаружен при его задержании у него в кармане, четко прослежива-

ется мотивация деяния, обусловленная стремлением к достижению политических целей на фоне устрашающего воздействия в интересах избранных им социальных групп⁷¹.

Но если в террористических действиях Каракозова целевая направленность была расплывчатой, аморфной и состояла в стремлении к достижению такого состояния общества, когда будет «настоящая воля», а сами действия даже в глазах его современников революционного толка выглядели как поступок какого-то фанатика⁷², то уже террористические акты народников, анархистов, эсеров служили средством достижения конкретных целей, четко сформулированных ими в соответствующей печатной продукции, содержащей ультимативные требования к правительству.

Так, в программе террористической фракции партии «Народная воля», написанной А. И. Ульяновым, прямо указывалось: «Являясь террористической фракцией партии, то есть принимая на себя дело террористической борьбы с правительством, мы считаем нужным подробнее обосновать наши убеждения в необходимости и продуктивности такой борьбы. ... Успех такой борьбы несомненен. Правительство вынуждено будет искать поддержки у общества и уступить ему наиболее ясно выраженным требованиям. Такими требованиями мы считаем: свободу слова, свободу мыслей и участие народного представительства в управлении страной»⁷³. И далее «с полной уверенностью» утверждалось, что всякая террористическая деятельность прекратится, если правительство гарантирует выполнение требований⁷⁴.

П. Н. Ткачев в своей статье «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России», опубликованной в сентябре 1881 г. в журнале «Набат», писал следующее: «...дезорганизовать и ослабить правительственную власть при существующих условиях политической и общественной жизни России возможно лишь одним способом: терроризирование отдельных личностей, воплощающих в себе в большей или меньшей степени пр

⁷¹ См.: История терроризма в России... С. 32.

⁷² Герцен А. И. Собр. соч. в 30 томах. М., 1960. Т. 19. С. 58.

⁷³ История терроризма в России ... С. 155–157.

⁷⁴ Там же. С. 157.

вительственную власть. Скорая и справедливая расправа с носителями самодержавной власти и их клеветами ... ослабляет эту власть, нагоняет на нее панику, расстраивает ее функции...»⁷⁵

То есть террористические доктрины имеют в виду не любое терроризирование, а лишь терроризирование на социальном уровне с целенаправленной широкой оглаской, с публично заявляемыми требованиями, соединенное с совершением и (или) угрозой совершения таких действий, которые заведомо могут вызвать состояние страха среди населения или у определенной его части.

Именно такой подход позволит провести четкое разграничение между террористическими и иными действиями и сосредоточить силы специальных антитеррористических подразделений на главном направлении их деятельности.

---

⁷⁵ Там же. С. 153.

Глава 2

ТЕРРОРИЗМ И ТЕРРОРИЗИРОВАНИЕ — КАК СВОЙСТВА ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ И КАК ПРИЗНАКИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРРОРИЗМА И ТЕРРОРИЗИРОВАНИЯ КАК СВОЙСТВ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ

Вопросы о том, какими должны быть составы терроризма, преступлений террористического характера с признаками терроризирования, какие существенные характеристики и элементы этих общественно опасных деяний должны найти отражение в их законодательных конструкциях — одни из самых важных и сложных в уголовно-правовой науке и законодательной деятельности. Решение этих вопросов имеет не только большое научно-теоретическое, но и практическое значение. «Именно дефиниции уголовного законодательства, — полагают Г. М. Миньковский и В. П. Ревин, — стимулируют активность использования непосредственных мер предупреждения, пресечения конкретных террористических преступлений, достаточное и справедливое наказание за них. Своевременное, достаточное, справедливое реагирование на предусмотренное уголовным законом преступление террористической направленности — одна из наиболее значимых форм, составляющих систему мер борьбы с терроризмом»⁷⁶. А это, в свою очередь, обуславливает необходимость исследования самих уголовно-правовых дефиниций на предмет их «соот-

⁷⁶ Миньковский Г. М., Ревин В. П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним // Государство и право. 1997. № 8. С. 87.

ветствия реальному терроризму»⁷⁷. Поэтому рассмотрение терроризма и других преступлений с признаками терроризирования как общественно опасных деяний тесно связано с уяснением сущности и структурных элементов такой категории, как преступное поведение и установление точного соответствия между преступлением как явлением реальной действительности, общим понятием преступления, общим, родовым, видовым понятием состава и конкретным составом преступления. «С реальными явлениями, — отмечает В. Н. Кудрявцев, — не следует смешивать понятия об этих явлениях. Понятие преступления так же как и понятие состава представляет собой научную абстракцию и, следовательно, включает признаки, общие для всех преступлений. При этом разница между понятием преступления и понятием состава преступления состоит в различном выборе и различной группировке существенных признаков преступного деяния»⁷⁸.

Вопрос же о том, какие признаки преступного деяния являются существенными, точнее сказать сущностными, а какие лишь дополняют основное содержание формальной окантовкой, решается путем установления соотношения между преступлением как конкретным актом волевого поведения человека и общим понятием преступления как системы признаков, нашедшей закрепление в уголовном законе.

Но так уж повелось в уголовно-правовой литературе, что основной упор при характеристике преступления делается, как правило, на признаках его общего понятия. Моменты же, характеризующие преступление как явление реальной действительности, обычно рассматриваются в рамках изложения общего понятия преступления, что вряд ли оправдано, поскольку представляет собой не что иное, как смешение реального явления и понятия о нем.

Таковой подход к рассмотрению преступления сложился еще в так называемый дореволюционный период, но тогда господствовало в уголовно-правовой науке формальное определение преступления, а потому и подход этот представлялся вполне логичным. «Понятие преступного деяния, — писал Н. Д. Сергеевский, — слагается ... из

⁷⁷ Мальцев В. В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования // Государство и право. 1998. № 8. С. 104.

⁷⁸ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. С. 44–45.

двух элементов: противоправности и наказуемости»⁷⁹. Л. С. Белогриц-Котляревский замечал: «С формальной стороны преступления может быть определено как виновное, неправомерное деяние, запрещенное законом под страхом наказания, или, говоря иначе, преступление есть виновное неправомерное нарушение уголовного закона»⁸⁰.

Но и тогда для ученых было очевидным, что раскрыть сущность преступления при помощи формальных признаков его понятия невозможно, поэтому вольно или невольно им приходилось обращаться к рассмотрению преступления как конкретного деяния, выраженного во вине и совершенного лицом, обладающим сознательной волей⁸¹.

В дальнейшем сущностные характеристики преступления, его внутреннее содержание были подробно раскрыты и всесторонне обоснованы в трудах советских ученых, в связи с чем общее понятие преступления наряду с формальными признаками (противоправность и наказуемость) обрело и признаки тех моментов преступления, которые указывают на его содержание и сущность (общественную опасность и виновность), и в настоящее время практически общепризнанно то, что общее понятие преступления составляют эти четыре признака: общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость⁸².

⁷⁹ Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая. СПб., 1913. С. 46.

⁸⁰ Белогриц-Котляревский Л. С. Очерки русского уголовного права. Общая и Особенная часть. Киев-Харьков: Южно-русское книгоизд-во Ф. А. Иогансона, 1896. С. 56.

⁸¹ См.: Таганцев Н. С. Лекции по уголовному праву. Часть Общая. Выпуск II. СПб., 1888. С. 618; Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. Киев, Издание Книгопродавца-издателя Ф. А. Иогансона, 1891. С. 235, 239, 313; Белогриц-Котляревский Л. С. Указ. соч. С. 59; Его же. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная часть. Киев; Петербург; Харьков, Южно-русское книгоизд-во Ф. А. Иогансона. 1903. С. 104; Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Выпуск первый. М., 1907. С. 101.

⁸² См., напр.: Уголовное право УССР. Общая часть / Под ред. проф. В. В. Сташиса и доц. А. Ш. Якупова. Киев, Вища школа, 1984. С. 69–73; Бажанов М. И. Уголовное право Украины. Общая часть. Днепропетровск, Пороги, 1992. С. 20–22; Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Б. В. Здравомыслова, Ю. А. Красикова, А. И. Рапога. М.: Юрид. лит., 1994. С. 64–74; Мороз В. В., Безлюдов О. А. Уголовное право Республики Беларусь (Общая часть): Учебник. Минск, БелНИУФЭ, 1997. С. 52–55; Уголовное право Украины. Общая часть: Учебник для студентов юрид. вузов и фак. / М. И. Бажанов, Ю. В. Баулин, В. И. Борисов и др.; Под ред. профессоров М. И. Бажанова, В. В. Сташиса, В. Я. Тацян. 2-е изд., перераб. и доп. Харьков, Право, 1998. С. 42–48; Уголовное право. Часть Общая

Однако основное внимание при рассмотрении преступления традиционно уделяется освещению признаков его общего понятия, а не раскрытию характерологических моментов преступления как явления реальной действительности, причем, если и есть какое-то касательство специфики преступного деяния как явления, а не понятия о нем, то все это соединено воедино с рассмотрением признаков преступления как общего понятия⁸³.

Несмотря на то, что преступление как реальное явление и общее понятие о нем находятся в тесной связи, вряд ли целесообразно их смешивать. Преступление как всякое явление объективной реальности имеет свою сущность, содержание и внутреннюю структуру, это системный объект, который «всегда характеризуется не только определенной структурой элементов, их образующих, но и взаимодействием данных элементов между собой и системным объектом в целом»⁸⁴, поэтому «традиционный логико-юридический анализ преступления на уровне «общего понятия» о нем еще не позволяет выяснить содержание и структурные элементы (структуру) преступления как явления реальной действительности и тем самым более глубоко изучить его»⁸⁵.

На необходимость более пристального внимания к преступлению как реальному явлению указывали многие ученые, но наиболее четко, обстоятельно и последовательно эта позиция выражена в научных трудах Н. Д. Дурманова⁸⁶, В. Н. Кудрявцева⁸⁷, Н. И. Панова⁸⁸.

Часть Особенная: Учебник / Под общ. ред. проф. Л. Д. Гаухмана, проф. Л. М. Колодкина и проф. С. В. Максимова. М.: Юриспруденция, 1999. С. 60–68; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. проф. Б. В. Здравомыслова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Юристъ, 2000. С. 48–61.

⁸³ См.: Кримінальне право України. Загал. частина: Підруч. для студентів юрид. вузів і фак. / Г. В. Андрусів, П. П. Андрушко, В. В. Бенківський та ін.; За ред. П. С. Матишевського та ін. Київ, Юрінком Інтер, 1997. С. 56–65; Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В. Н. Петрашева. М.: ПРИОР, 1999. С. 104–108.

⁸⁴ Панов Н. И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве. Диссертация ... докт. юрид. наук. Харьков, 1987. С. 27.

⁸⁵ Панов Н. И. Преступление: методологические аспекты исследования и отражения в уголовном законе // Проблемы законности. Выпуск 30. Харьков, Нац. юрид. акад. Украины, 1995. С. 121.

⁸⁶ Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

⁸⁷ См.: Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960.

⁸⁸ См.: Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков, Вища школа, 1982.

Удачно и убедительно, как представляется, подобная позиция выражена и в одном из последних учебников по Общей части уголовного права, подготовленном учеными московского университета⁸⁹.

Так в чем же суть преступления как явления реальной действительности?

Преступлением в научной литературе признается конкретный акт волевого поведения человека⁹⁰, совершенный под контролем его сознания, ибо всякому его действию «предшествует представление об этом действии в мозгу человека»⁹¹.

Воля — это решимость лица на совершение тех или иных действий⁹², а волевой процесс представляет собой психический процесс, начинающийся с осознания потребностей и заканчивающийся принятием решения, для которого характерны выбор между различными вариантами социально значимого поведения, между должным и желаемым, взвешивание соображений, говорящих в пользу решения или же против него⁹³.

«Источником любой деятельности человека, пишет В. П. Тихий, — в том числе и преступной, являются определенные потребности. Потребности, являясь объективной категорией, порождают, обуславливают интересы личности, которые, выражая потребности, в то же время раскрывают их содержание. Ощущение потребностей и интересов, их переживание и осознание приводит к появлению мотива деятельности человека»⁹⁴.

Мотив выступает побудителем и направляющим фактором любой деятельности человека и поэтому имеет в преступном поведении

⁸⁹ Курс уголовного права. Общая часть. Том. 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов. Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. Ф. Кузнецовой и канд. юрид. наук, доц. И. М. Тяжковой. М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. С. 120–167.

⁹⁰ Дурманов Н. Д. Указ. соч. С. 13; Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. М.: Госюриздат, 1963. С. 12; Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. С. 5.

⁹¹ Дурманов Н. Д. Указ. соч. С. 38.

⁹² Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 13; Его же. Причинность в криминологии. М.: Юрид. лит., 1968. С. 87; Панов Н. И. Указ. соч. С. 5.

⁹³ Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань, Изд-во Казанск. ун-та, 1965. С. 15–48; Панов Н. И. Указ. соч. С. 5.

⁹⁴ Тихий В. П. Проблемы уголовно-правовой охраны общественной безопасности (понятие и система преступлений, совершенствование законодательства). Диссертация докт. юрид. наук. Харьков, 1987. С. 292–293.

смыслообразующее значение и составляет внутренний стержень действия⁹⁵. Мотив базируется на мотивации преступления, которая «распадается на три элемента: потребность: имеющиеся возможности удовлетворения потребности; система ценностных ориентаций личности»⁹⁶, и при сочетании завышенных потребностей с незаконными возможностями их удовлетворения и искаженными ценностными ориентациями открывается путь к преступлению⁹⁷, что наиболее характерно именно для действий террористов. Мотив преступления тесно связан с целью деяния. Руководствуясь мотивом, лицо ставит себе ту или иную цель, которая тесно связана с его потребностями и интересами⁹⁸. Цель характеризует тот непосредственный результат, который стремится достигнуть лицо, совершая то или иное деяние⁹⁹ и представляет собой «предвидимый и желаемый результат действий, приближающий субъекта деятельности к удовлетворению актуальной потребности»¹⁰⁰. Целью рассматриваемых преступлений является понуждение к совершению каких-либо действий или отказу от них, благодаря чему могут быть удовлетворены потребности террористов, и эта цель обычно выражается посредством предъявления виновными соответствующих требований. Говоря об основаниях классификации проявлений терроризма, Г. М. Миньковский и В. П. Ревин справедливо замечают, что наряду с другими основаниями (по объему действий, по характеру последствий, мотивам и т. д.) их следует классифицировать также по «целям... или что то же самое, по характеру предъявляемых требований»¹⁰¹.

В то же время следует заметить, что в реальной действительности указанные требования не всегда предъявляются непосредственно исполнителями акта терроризма и иных преступлений террористического характера, при совершении конкретного преступления они могут быть выражены конклюдентно, а цели определяются исходя

⁹⁵ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 153.

⁹⁶ Кудрявцев В. Н. Современные проблемы борьбы с преступностью в России // Вестник Российской Академии наук. 1999. Том 69. № 9. С. 792.

⁹⁷ Там же. С. 793.

⁹⁸ Тихий В. П. Указ. соч. С. 293.

⁹⁹ Волков С. Б. Указ. соч. С. 84-85.

¹⁰⁰ Зелинский А. Ф. Криминология: Учебное пособие. Харьков: Рубикон, 2000. С. 88.

¹⁰¹ Миньковский Г. М., Ревин В. П. Указ. статья. С. 86.

из совокупности предшествующих и последующих факторов. Такое положение имеет место, например, при совершении данных преступлений организованными группами или террористическими организациями, когда лидеры преступных формирований предварительно выдвигают свои требования и предупреждают, что для достижения своих целей они совершат серию деяний террористического характера, если не будут удовлетворены их требования, после чего реально следуют некие «безмолвные» преступления, хотя их истинный смысл вполне узнаваем.

Как всякий акт волевого поведения преступление представляет собой психофизическое единство внутренней (психической) и внешней (физической) сторон деяния. Преступление — это акт поведения, который выражается во внешнем проявлении в форме действия или бездействия и направлен на изменение той или иной сферы жизнедеятельности людей. Основным элементом всякого внешнего действия в науке признается телодвижение, однако, как совершенно справедливо заметил Н. Д. Дурманов, «взятое само по себе, в отрыве от конкретных условий, в которых оно имело место, вне связи с орудиями, которые оно направляло, и в отрыве от тех изменений, которые оно вызвало, телодвижение представляет собой голую абстракцию»¹⁰². В самом деле, возможно ли представить себе акт терроризма без взрывчатых или других общеопасных веществ или способов исполнения, или же в условиях, заведомо не создававших опасности гибели людей или наступления иных тяжких последствий. И орудия совершения преступления, и условия, при которых совершаются действия, и те изменения, которые этими действиями вызываются, находятся здесь в неразрывном единстве.

Преступное действие в науке принято подразделять на простое и сложное.

Простое действие характеризуется тем, что оно состоит из одного акта поведения человека и его выполнение «означает одновременно причинение вреда объекту, ибо между ним и действием нет никаких посредствующих звеньев, лицу нет необходимости осуще-

¹⁰² Дурманов Н. Д. Указ. соч. С. 53. См. также: Ковалев М. И., Васьков П. Т. Причинная связь в уголовном праве. М.: Госюриздат, 1958. С. 41.

ствлять какие-то дополнительные действия для совершения преступления»¹⁰³. «Сложное действие, — отмечает Н. И. Панов, — характеризуется тем, что оно состоит из нескольких актов поведения человека, каждый из которых, взятый в отдельности, изолированно может быть признан в качестве простого действия. Однако, в отличие от последнего, акты поведения, входящие в сложное действие в качестве составных его элементов, в силу их внутреннего единства и неразрывной связи самостоятельного значения в пределах этого действия не имеют. Каждый из этих актов поведения в сложном действии может иметь соответствующую цель и объект преступления ... Цель сложного действия выступает общей и главной целью по отношению к целям действий, входящих в сложное действие, которые выполняют функции промежуточных целей»¹⁰⁴.

Именно к сложным действиям относятся терроризм и преступления с признаками терроризирования, которые состоят из нескольких актов поведения: совершение или угроза совершения деяний, направленных на устрашение; предъявление требований; понуждение к выполнению требований.

Указанные преступления могут быть совершены и в том случае, если в их основе будет бездействие или угроза таковым как средство устрашения и понуждения к выполнению каких-то требований виновного лица. Как заметил В. В. Мальцев, «террористическая акция иногда может быть осуществлена и путем бездействия (например, посредством невыполнения обязанностей, связанных со своевременным отключением производственных или технологических процессов в энергетике, на транспорте либо в добывающей промышленности)»¹⁰⁵.

Особенность этих сложных преступлений состоит в том, что в них одно действие (бездействие), направленное на устрашение, носит вспомогательный характер по отношению к основному действию — понуждению к выполнению требований, выступая «способом совершения основного действия»¹⁰⁶. При этом актам терроризма присуще именно гипертрофирование способа посягательства на раз-

¹⁰³ Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. С. 11.

¹⁰⁴ Там же. С. 12.

¹⁰⁵ Мальцев В. В. Указ. статья. С. 104.

¹⁰⁶ Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. С. 12.

личные объекты, причинение наиболее тяжких последствий, как правило, не в результате основного, а в результате вспомогательного действия, что обуславливает их многообъектность (полиобъектность) и отнесение к категории составных преступлений. Рассматривая в своем диссертационном исследовании особенности составных преступлений, И. А. Зинченко следующим образом характеризует их специфические признаки: «К объективным признакам этих преступлений относятся: 1) их многообъектность (полиобъектность); 2) предусмотренность каждого из деяний, входящих в составной деликт, в качестве самостоятельного состава преступления в Особенной части УК; 3) наличие внутренней, взаимной связи между деяниями, образующими составное преступление. Субъективный признак данных деликтов состоит в том, что в одно единое составное преступление могут быть объединены лишь умышленные деяния»¹⁰⁷.

И далее И. А. Зинченко совершенно точно констатирует, что для появления в законе соответствующего состава «нужно два обязательных условия. Во-первых, чтобы в объективной действительности сложилась та или иная устойчивая форма сложной преступной деятельности и, во-вторых, чтобы именно такую деятельность законодатель закрепил (предусмотрел) в одном составе»¹⁰⁸.

Преступления с признаками терроризирования, будучи сложными действиями, состоят из нескольких актов поведения человека, каждый из которых, взятый изолированно, представляет собой отдельное действие, но в силу их внутреннего единства и неразрывной связи самостоятельного значения в пределах данного действия не имеет. При этом преступления террористического характера от других преступлений с признаками терроризирования отличает то, что здесь существует сложность вспомогательного действия, обусловленная наличием двух уровней устрашения. Если при совершении других преступлений с признаками терроризирования устрашающее воздействие оказывается непосредственно на тех лиц, от которых зависит выполнение требований виновных, и не затрагивает интере-

¹⁰⁷ Зинченко И. А. Составные преступления в советском уголовном праве (понятие, виды, некоторые проблемы квалификации и построения санкций). Диссертация ... канд. юрид. наук. Харьков, 1990. С. 14.

¹⁰⁸ Там же. С. 67.

сов тех, кто не имеет вообще никакого отношения к конфликту, то при совершении преступлений террористического характера устрашающее воздействие на тех, от кого зависит принятие или непринятие того или иного решения, оказывается посредством устрашения значительной массы людей, не имеющих никакого отношения к существу происходящего. Поэтому вспомогательное действие здесь состоит из двух взаимосвязанных действий — первоочередного (совершение или угроза совершения каких-то действий) и последующего (доведение первоочередного действия до сведения широких слоев населения и порождение обстановки страха на социальном уровне). Собственно терроризм от других преступлений террористического характера в этой части отличается общей опасностью первоочередного вспомогательного действия.

В то же время следует отметить специфику терроризма и других преступлений с элементами терроризирования, позволяющую выделить их в особую группу в общей массе сложных или составных преступлений, в которых одно деяние выступает способом совершения основного действия. Если при совершении «обычных» сложных преступлений (например, разбоя) как вспомогательное, так и основное действие непосредственно выполняются самим виновным лицом либо основное действие сопряжено с принуждением потерпевшего к немедленному выполнению требований в условиях, исключающих какое-либо его альтернативное поведение, то при совершении преступлений с элементами терроризирования основное действие непосредственно выполняется как бы «чужими руками» вследствие понуждения к этому со стороны виновного лица. Устанавливая различия между понуждением и принуждением, Н. Н. Ярмыш совершенно справедливо отмечает: «Есть основания считать, что понуждение и принуждение — это две самостоятельные разновидности навязывания одним человеком своей воли другому. По нашему мнению, они отличаются между собой диапазоном свободы выбора вариантов поведения лицом, которое преступник использует для реализации собственных целей. Думается, что принуждение имеет место только в ситуации, когда “третьего не дано”. В остальных случаях можно говорить о понуждении. Именно в этом смысле употребляются слова “принуждение” и “понуждение” в обыденной жизни. Он же вкладывает

вается в некоторые законодательные построения. Нет сомнения, что на таком понимании основано, например, различие между изнасилованием с применением угрозы (принуждением) и понуждением женщин к вступлению в половую связь. Понуждением (в частности к передаче имущества) является вымогательство. ... Разбой, в отличие от вымогательства, — это принуждение, а не понуждение к передаче имущества. ... Воля принуждаемого предельно ограничивается, у него имеется выбор всего из двух вариантов: выполнить требуемое или подвергнуться тому, чем ему угрожают. Именно предельная скованность воли служит критерием отграничения принуждения от понуждения»¹⁰⁹. Если имеется хоть какой-то выбор в вариантах поведения (обратиться в соответствующие органы власти, принять какие-то другие адекватные меры), то речь может идти только о понуждении, склонении к осуществлению определенных действий или оказании влияния на ту или иную деятельность. Другой отличительной чертой, позволяющей отграничить принуждение от понуждения, является то, что принуждение возможно лишь в отношении физических лиц, тогда как при понуждении и вспомогательное, и основное действие могут осуществляться как в отношении физических лиц, так и в отношении различных организаций либо государства.

В уголовном законодательстве эти термины нередко употребляются как взаимозаменяемые слова-синонимы, и в ряде составов деяния, фактически представляющие собой понуждение, именуется принуждением, что вряд ли правильно не только в свете вышеизложенного, но и в связи с тем, что принуждение и понуждение представляют собой далеко не одинаковые по своей сути формы воздействия. Хотя стержнем принуждения и понуждения выступают угрозы (выраженные в словах или в действиях), тем не менее, они отличаются по самому характеру воздействия. Поскольку принуждение сопряжено лишь с угрозами в адрес физического лица, то и воздействие, направленное на его психику, представляет собой именно психическое воздействие. Понуждение же сопряжено с угро-

¹⁰⁹ Ярмыш Н. Н. Действие как признак объективной стороны преступления (проблемы психологической характеристики). Харків, Основа, 1999. С. 55-56.

зами не только в отношении физических лиц, но и в адрес государства, международной организации, юридического лица, т. е. тех реалий, которым не свойственна психика, а потому говорить лишь о психическом воздействии здесь было бы неправильным. В этой связи, обратив внимание на специфику угроз в адрес государства, международной или другой организации, И. В. Самощенко совершенно четко указывает на следующее: «Становится очевидным, что в таких случаях вести речь о каком-либо психическом воздействии не приходится. ... На данном уровне обобщения угроза является не более чем информационным воздействием. О психологическом воздействии можно вести речь применительно лишь к конкретным видам угроз, где потерпевшим является лишь физическое лицо (человек, группа лиц)»¹¹⁰. Таким образом, характеризуя понуждение как выраженное во вне действие, следует употреблять понятие более широкое, чем «психическое воздействие», а именно понятие «информационное воздействие».

Преступное деяние в его внешнем проявлении есть посягательство, а потому преступлением, как полагал С. В. Познышев, «может считаться лишь такое поведение человека, которое причиняет прямой вред другим людям тем, что посягает на какое-либо их благо или благо общее у них с преступником, разрушает, повреждает или поставляет это благо в опасное положение, или же состоит в несовершенности для других людей таких действий, совершать которые личность обязана в общих интересах»¹¹¹. На это же обстоятельство прямо указывал и А. Н. Трайнин. «Каждое преступление, — писал он, — выражается ли оно в действии или бездействии, всегда есть посягательство на определенный объект. Преступление, которое ни на что не посягает, в природе не существует»¹¹². Специфика рассматриваемых преступлений в том, что они посягают обычно не на один, а на два и более объектов.

Вред, причиняемый объектам внешним проявлением волевого акта, представляет собой последствия, которые могут выступать в

¹¹⁰ Самощенко И. В. Ответственность за угрозу по уголовному праву Украины (понятие, виды, спорные проблемы). Диссертация ... канд. юрид. наук. Харьков, 1997. С. 17.

¹¹¹ Познышев С. В. Учебник уголовного права. I. Общая часть. М.: Юриздат Наркомюста, 1923. С. 49–50.

¹¹² Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957. С. 122.

виде материального (имущественного, физического) и нематериального (психического, политического, идеологического) вреда¹¹³. Объект и последствия находятся в органичном единстве, как нет преступления без объекта, так нет и преступления без последствия¹¹⁴.

Сложность деяния при совершении преступлений с признаками терроризирования обуславливает и их многообъектность. Особенность же преступлений террористического характера состоит в том, что независимо от их целевой направленности при посягательствах на объекты, могущие удовлетворить потребности виновных, объектом последующего вспомогательного действия, способного вызвать устрашение населения, всегда является общественная безопасность, а при совершении актов терроризма общественная безопасность выступает объектом как первоначального, так и последующего вспомогательного действия.

Кроме того, преступное поведение всегда характеризуют также место, время, обстановка и способ совершения преступления.

Внешние и внутренние атрибуты конкретного волевого акта поведения человека, сознательно посягающего на конкретный объект и причиняющего вредные последствия определенным способом, с использованием определенных средств и в конкретных условиях места, времени и обстановки совершения деяния, в науке принято подразделять на структурные элементы преступления: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону преступления. Причем указанные элементы и наполняющие их объективные и субъективные моменты, относящиеся к акту волевого поведения человека, «присущи преступлению как явлению реальной действительности, имманентны ему безотносительно к тому, как, каким образом преступление описано в законе. Всякое преступление имеет указанный элементный состав»¹¹⁵.

¹¹³ Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М.: Госюриздат, 1958. С. 109; Михлин А. С. Последствия преступления. М.: Юрид. лит., 1969. С. 17.

¹¹⁴ См.: Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 140; Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. С. 134; Церетели Т. В. Указ. соч. С. 46; Курс советского уголовного права (Часть Общая). Т. 1. Л.: ЛГУ, 1968. С. 329–338.

¹¹⁵ Панов Н. И. Преступление: методические аспекты исследования и отражения в уголовном законе. Проблемы законности. Выпуск 30. С. 125.

В то же время раздельное рассмотрение субъективного и объективного содержания конкретного волевого поведения и структурных элементов преступления носит весьма условный характер, в действительности они находятся в тесной взаимосвязи и единстве, и это их неразрывное единство в особенности проявляется при образовании таких интегрированных сущностных свойств преступления, как общественная опасность и виновность, которые не могут быть сведены ни к одному из компонентов волевого поведения либо элементов преступления, а характеризуют преступное деяние в целом.

Общественную опасность в уголовно-правовой науке определяют как внутреннее, объективное сущностное, стержневое свойство преступления¹¹⁶, существующее в реальной действительности независимо от воли законодателя, в связи с чем задача последнего состоит в том, чтобы правильно оценить условия жизни общества на данном этапе и принять решение об отнесении деяния к числу преступлений¹¹⁷. Общественная опасность свойственна преступлению в целом и определяется всеми его элементами. «Общественная опасность преступления, — отмечает В. С. Прохоров, — это свойство совокупности всех объективных и субъективных признаков: объекта и объективной стороны, субъекта и субъективной стороны»¹¹⁸. Попытки представить общественную опасность как явление, входящее в структуру одного из элементов преступления¹¹⁹, не нашли поддержки в научной литературе.

И уголовную ответственность за терроризм и другие преступления террористического характера необходимо предусматривать в

¹¹⁶ Курс Уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. Ф. Кузнецовой и канд. юрид. наук, доц. И. М. Тяжковой. С. 135.

¹¹⁷ См., напр.: *Дурманов Н. Д.* Указ. соч. С. 96-97; *Герцензон А. А.* Уголовное право. Часть общая. М.: РИО ВЮА, 1948. С. 11; *Кудрявцев В. Н.* Объективная сторона преступления. С. 99; Курс советского уголовного права. (Общая часть). Т. I. С. 158; *Ковалев М. И.* Понятие и признаки преступления и их значение для квалификации. Свердловск, Свердл. юрид. ин-т, 1977. С. 4, 29; Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть общая / Отв. ред. Ф. Г. Бурчак. Киев, Наукова думка, 1985. С. 33; Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. докт. юрид. наук Б. В. Здравомыслов. М.: Юристъ, 1996. С. 53.

¹¹⁸ *Прохоров В. С.* Преступление и ответственность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984, С. 61.

¹¹⁹ *Пионтковский А. А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. С. 118.

законодательстве не потому, что так захотелось кому-то из народных депутатов, представителей исполнительной власти или юридической науки, а в связи с тем, что общественная опасность террористических проявлений стала очевидной и осязаемой и она «коренится в отношениях, существующих в самом обществе»¹²⁰. «Терроризм, — замечает В. С. Комиссаров, — имеет тенденцию к росту именно в переходные периоды и этапы жизни общества, когда в нем создается определенная эмоциональная атмосфера, а неустойчивость является основной характеристикой базовых отношений и социальных связей. Это является благодатной почвой для взращивания насилия и агрессивности в обществе, которые нередко становятся самодовлеющими ценностями. Все это приводит к тому, что та или иная экономическая, этническая, социальная, религиозная или другая группа пытается навязать свою волю обществу, используя при этом в качестве инструмента реализации своих устремлений насилие»¹²¹.

Характер общественной опасности терроризма и других преступлений террористического характера обусловлен важностью тех объектов, на которые они посягают, причем специфика их деяний состоит именно в их многообъектности. Они одновременно посягают на общественную безопасность, нормальное функционирование органов власти, жизнь и здоровье граждан, имущество физических и юридических лиц. Произошедшие в США 11 сентября 2001 г. события — явное тому подтверждение.

Вредные последствия либо возможность их наступления, оказывающие влияние на степень общественной опасности терроризма, иногда сравнивают с катастрофой всемирного значения. Так, С. А. Эфиоров приводит мнение одного из известных западных исследователей терроризма Б. Дженкинса, который предсказывает, что события будущего будут развиваться по самому угрожающему сценарию, по которому мир попадет под пяту террористических банд, государства распадутся, вернется полная раздробленность, население земного шара будет жить в постоянном страхе, фактически отданное на милость террористов, во-

¹²⁰ Ковалев М. И. Указ. соч. С. 25.

¹²¹ Комиссаров В. С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества. По новому УК РФ. М.: Кросна-Лекс, 1997. С. 61-62.

царятся насилие, бесправие, произвол¹²². Конечно, можно надеяться вместе с С. А. Эфировым, что «такое апокалипсическое видение будущего не реализуется», тем не менее в последнее время особую озабоченность мирового сообщества вызывает реальная возможность появления ядерного, технологического и других видов терроризма¹²³, а что касается такой разновидности терроризма, как компьютерный, то, как заметил Ю. В. Батурин, «компьютерный терроризм — реальность»¹²⁴. Причем, если до недавнего времени террористы в основном занимались «физическим разрушением компьютеров или массивов хранимых данных»¹²⁵, то в настоящее время, когда компьютеры «вообще постепенно становятся нервной системой современного общества»¹²⁶, они все более часто начинают использоваться как средства преступного воздействия на тот или иной объект. Еще в 1973 г. один любитель сумел подключиться к компьютерной сети Министерства обороны США АРПАНЕТ, а дело группы подростков из Милуоки, названной американскими средствами массовой информации «Клуб-414», получило столь широкую огласку, что вопрос слушался в Конгрессе США в одном из подкомитетов, поскольку они более 60 раз через систему ТЕЛЕНЕТ врываются в компьютеры различных ведомств США и других государств, в том числе в компьютер ядерного центра в Лос-Аламосе¹²⁷. То есть к многочисленным разновидностям прес-туплений в настоящее время «добавилась и компьютерная преступность, грозящая перерасти в проблему. экономические, политические и военные последствия которой могут стать катастрофическими»¹²⁸.

Огромна тяжесть последствий и при осуществлении так называемых традиционных форм и видов терроризма, которые приводят

¹²² Эфиров С. А. Современный терроризм как фактор социальной дезинтеграции // Терроризм: современные аспекты. Сборник научных статей. М.: Академия управления МВД России, 1999. С. 31.

¹²³ Бойнов Ю. И. Ядерный терроризм: аспекты, типология, профилактика // Терроризм: современные аспекты. С. 77–84; Микеев А. К. Технологический терроризм — современная реальность // Терроризм: современные аспекты. С. 16–27.

¹²⁴ Батурин Ю. В. Проблемы компьютерного права. М.: Юрид. лит., 1991. С. 130.

¹²⁵ Батурин Ю. В. Право и политика в компьютерном круге. М.: Наука, 1987. С. 26.

¹²⁶ Там же. С. 3.

¹²⁷ Там же. С. 82–84.

¹²⁸ Батурин Ю. В., Жодзишский А. М. Компьютерная преступность и компьютерная безопасность. М.: Юрид. лит., 1991. С. 7.

не только к многочисленным тяжким последствиям материального характера, но и к появлению среди населения чувства страха, незащищенности и тревоги за свою безопасность. К тому же серьезные проблемы и неблагоприятные последствия могут возникнуть в случае вынужденного удовлетворения требований террористов.

Степень общественной опасности собственно терроризма существенно повышает способ совершения этого деяния, поскольку террористами используются в этих случаях исключительно общепасные способы совершения насильственных посягательств, которые выступают в качестве средства запугивания населения и средства давления на определенных лиц, за счет действий которых террористы стремятся достигнуть своих целей, т. е., являясь элементом преступного поведения, выраженного вовне, способ здесь в полной мере «наполнен в то же время волевым (психическим) содержанием»¹²⁹.

Немалое влияние на степень общественной опасности терроризма оказывают место и время его осуществления, что может иметь прямое отношение и к тяжести наступивших последствий, поскольку в зависимости от времени и места акта терроризма будет зависеть количество его невинных жертв. Одно дело, когда, к примеру, взрыв производится в ночное время в частном жилом секторе, и другое дело, когда этот взрыв произошел в праздничный день в месте проведения общественных мероприятий.

Указанное, в свою очередь, повышает и степень вины террористов, поскольку характер деяния, его возможные последствия, способ, средства, место, время и обстановка его совершения, направленность действий на запугивание населения и предпочтительный для них результат ими обычно заблаговременно планируются и обстоятельно прорабатываются.

Мотивы и цели террористов могут быть самыми различными — от корыстного мотива и цели достижения материального благосостояния до мотива человеконенавистничества и цели уничтожения всей цивилизации, что также имеет определенное значение для степени общественной опасности деяний.

¹²⁹ Панов Н. И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве. Диссертация ... докт. юрид. наук. Харьков, 1987. С. 38.

Влияет на степень общественной опасности содеянного и личность преступника, ибо при прочих равных условиях весьма важное значение имеет то обстоятельство, совершается или готовится акт терроризма или другое преступление террористического характера новичком и дилетантом в этих вопросах или же лицом с богатым опытом террористической деятельности, «рядовым» гражданином или представителем властных структур.

Важное значение для характеристики любого преступного деяния имеет и то, как влияющие на его общественную опасность обстоятельства отражаются в сознании человека, совершающего преступление. Являются ли эти действия продуктом здравого рассудка или нарушенной психики, выполнены ли они сознательно или под воздействием непреодолимых факторов, имело ли лицо представление о возможных последствиях своего поступка более или менее точное, приблизительное или вообще о том не ведало — все эти и многие другие обстоятельства, отражающиеся в сознании лица, совершающего общественно опасное деяние, определяют такое сущностное свойство преступления, как виновность.

Виновность как сущностное свойство преступления необходимо отличать от вины в форме умысла или неосторожности как элемента субъективной стороны преступления. Виновность невозможно свести к вине в форме умысла или неосторожности, она представляет собой более сложную категорию, находящуюся в прямой и обратной связи с общественной опасностью, «основанием возникновения виновности является совершенное лицом преступление»¹³⁰, поэтому «виновность может быть определена как совокупность объективных и субъективных обстоятельств»¹³¹, и по своему содержанию она есть «совокупность элементов преступления, рассмотренная под углом зрения того, как они отражаются сознанием и как относится к ним воля виновного»¹³².

¹³⁰ Ной И. С. Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий // Советское государство и право. 1982. № 7. С. 94.

¹³¹ Сергеева Т. Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 34.

¹³² Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М.: Юрид. лит., 1975. С. 118.

Важнейшим компонентом виновности в первую очередь является способность лица ко вменению, которая заключается в достижении лицом определенного возраста и нахождении его в состоянии вменяемости. М. П. Киреев, исследовавший мотивы совершения преступлений так называемых воздушных террористов, приводит следующие данные: у 25% имела место политическая мотивация, у 25% — общеуголовная, в том числе корыстная, а 50% воздушных террористов имели психические отклонения¹³³. Правда, из приведенных данных невозможно уяснить, какого рода психические отклонения имели место у исследованного контингента: были ли это отклонения, порождающие невменяемость — и тогда ни о какой виновности, а соответственно, и преступлении речи быть не может, либо эти отклонения лишь затрудняли адекватное восприятие действительности, но не порождали невменяемого состояния — и тогда будет возникать вопрос лишь о степени виновности этих лиц.

Виновность лиц, совершающих акты терроризма, должна оцениваться с учетом многих других факторов субъективного и объективного свойства, характеризующих преступное деяние в целом.

Как деяние не может быть раскрыто вне связи с психическим отношением лица к нему, так и содержание психического отношения не может быть определено вне связи с характером деяния, объектом на который оно посягает, способом его совершения, последствиями и другими признаками¹³⁴.

Если общественная опасность и виновность — это свойства внутренне присущие преступлению как явлению реальной действительности, то противоправность и как следствие — наказуемость осуществляют формальное закрепление в уголовном законе необходимости борьбы с такого рода явлениями и ее интенсивности, и накладываются как бы за пределами самого преступного деяния, характеризуют лишь признаки преступления как общего понятия о нем.

¹³³ «Круглый стол» журнала «Государство и право» на тему: «Терроризм: психологические корни и правовые оценки» // Государство и право. 1995. № 4. С. 25.

¹³⁴ Кримінальне право України. Загальна частина: Підручник для студентів юрид. спеціальностей вищ. закладів освіти / М. І. Бажанов, Ю. В. Баулін, В. І. Борисов та ін.; За ред. професора М. І. Бажанова, В. В. Сташиса, В. Я. Тація. Київ; Харків, Юрінком Інтер — Право, 2001. С. 69.

В науке уголовного права противоправность принято называть формальным признаком преступления, который означает предусмотренность его в уголовном законе¹³⁵, при этом всегда подчеркивается, что лишь те деяния, которые представляют большую опасность для общества, должны быть поставлены под уголовно-правовой запрет, а наказание должно соответствовать тяжести содеянного и виновности.

Однако в ряде случаев уголовное законодательство в этом плане далеко от совершенства и порой деяния, не представляющие большой общественной опасности, ставятся в разряд уголовно наказуемых, а те, которые представляют большую общественную опасность, находятся за пределами уголовного преследования. Более того, могут иметь место случаи, когда уголовная противоправность существует при отсутствии какой бы то ни было общественной опасности деяния. На такого рода ситуацию обращал особое внимание Н. Д. Дурманов, указывая, что «следует считать правомерными деяния, не противоречащие повелительным и дозволительным нормам других отраслей права, хотя бы они и предусматривались уголовным законом, в случае абсолютного совпадения всех существенных элементов запрещаемого уголовным законом деяния и деяния, дозволяемого в другой области права»¹³⁶. Такое положение, к примеру, имело место в Украине в сфере предпринимательской деятельности. Если Закон Украинской ССР «О предпринимательстве» был принят 7 февраля 1991 года и введен в действие с 1 марта 1991 г. Постановлением Верховного Совета Украинской ССР от 26 февраля 1991 г.¹³⁷, то ст. 150 УК (занятие частнопредпринимательской деятельностью) и ст. 151 УК (коммерческое посредничество) были исключены из Уголовного кодекса Украины лишь 7 июля 1992 г. Законом Украины «О внесении дополнений и изменений в Уголовный кодекс Украины, Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР и Кодекс Украинской ССР об административных правонарушениях»¹³⁸.

¹³⁵ Там же. С. 69.

¹³⁶ Дурманов Н. Д. Указ. соч. С. 187.

¹³⁷ Відомості Верховної Ради Української РСР. 1991. № 4. Ст. 168, 169.

¹³⁸ Відомості Верховної Ради України. 1992. № 39. Ст. 570.

Итак, в течение почти полутора лет существовала уголовная противоправность деяний, которым не были присущи ни общественная опасность, ни виновность.

В то же время такие общественно опасные деяния, как терроризм и другие преступления террористического характера пока еще не получили достаточно адекватного отражения в уголовном законодательстве и особого внимания здесь требует формулировка специальной нормы, предусматривающей ответственность за терроризм как таковой, поскольку действия, имеющие характер терроризма и других преступлений с элементами терроризирования вообще и террористической направленности в частности, давно уже нашли то или иное отражение в соответствующих статьях уголовных кодексов. А это вызывает дополнительные трудности при разработке состава, предусматривающего ответственность за собственно терроризм. С одной стороны, терроризм, будучи ядром всех преступлений террористической направленности, по конструкции своего состава не должен существенно отличаться от конструкций родственных составов, т. е. здесь срабатывает известный принцип преемственности в праве. «Преемственность в праве, — отмечает М. И. Бажанов, — выступает в качестве закономерности его развития, движения»¹³⁹. С другой стороны, этот состав, близкий по своей конструкции к родственным составам, должен быть наделен и такими признаками, чтобы не вступать в конкуренцию с ранее принятыми составами, характеризующими те или иные проявления терроризма. Поэтому, как подчеркнул на научном семинаре (Харьков, 21 мая 1998 г.), посвященном проблемам борьбы с терроризмом и преступлениями террористической направленности, В. И. Борисов, «норма относительно терроризма будет выглядеть в законе не как общая, а как специальная среди норм, которые предусматривают ответственность за совершение преступлений террористической направленности. Можно с уверенностью прогнозировать значительные трудности, которые возникнут в теории и практике применения этой нормы, особенно при отграничении терроризма от смежных преступлений. Вместе с

¹³⁹ Бажанов М. И. К вопросу о преемственности в уголовном праве / Проблемы законности. Выпуск 30. Харьков, Нац. юрид. акад. Украины, 1995. С. 115.

тем не вводить такую норму в УК невозможно, ибо такое социально негативное явление, как терроризм, уже давно требует своего отображения в уголовном законодательстве»¹⁴⁰.

Но чтобы вновь введенная в УК норма порождала как можно меньше трудностей в правоприменительной практике, необходимо тщательнейшим образом изучить (и по возможности усовершенствовать) существующие нормы, предусматривающие ответственность за преступления с признаками (элементами) терроризирования, и на этой базе попытаться сконструировать состав терроризма, наиболее точно отражающий сущность негативного явления и в наименьшей степени подверженный конкуренции со смежными составами.

§ 2. СОСТАВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ПРИЗНАКАМИ ТЕРРОРИЗИРОВАНИЯ

Анализ составов, предусматривающих ответственность за преступления с элементами терроризирования, показывает, что по своей конструкции они неодинаковы и отличаются в зависимости от того, насколько в конструкциях этих составов преступлений выражены именно признаки терроризирования. В этой связи их можно подразделить на три группы¹⁴¹.

В первую группу входят составы преступлений, в которых терроризирование как свойство деяния выражено в обязательных признаках состава, т. е. оно предусмотрено непосредственно в самом составе и его отсутствие в деянии означает и отсутствие признаков данного состава преступления.

Эта группа подразделяется на две подгруппы. Одна подгруппа включает составы, в которых признаки терроризирования выражены безальтернативно, т. е. признаков других деяний, кроме как деяний с элементами терроризирования, эти составы не содержат.

¹⁴⁰ См.: Вісник Академії правових наук України. 1998. № 4. С. 223.

¹⁴¹ Настоящей классификацией не охвачены составы собственно терроризма (ст. 205 УК РФ; 258 УК Украины, 126, 289, 290 УК РБ; 88 Уголовного закона Латвии; 271 УК Туркменистана; 155 УК Узбекистана и т.д.), которые будут исследованы отдельно с позиции проведенного анализа остальных составов преступлений с признаками терроризирования.

Согласно УК Российской Федерации сюда относятся такие составы: принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120); понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133); воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо отказу от распространения информации (ст. 144); вымогательство (ст. 163); принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения (ст. 179); захват заложника (ст. 206); принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ч. 2 ст. 309).

По УК Украины в эту подгруппу входят следующие составы: пытки (ст. 127); захват заложников (ст. 147); понуждение к вступлению в половую связь (ст. 154); принуждение к участию в забастовке или воспрепятствование участию в забастовке (ст. 174); принуждение священнослужителя путем физического или психического насилия к проведению религиозного обряда (ч. 2 ст. 180); вымогательство (ст. 189); противодействие законной хозяйственной деятельности (ст. 206); угроза совершить похищение радиоактивных материалов (ч. 1 ст. 266); принуждение работника транспорта к невыполнению своих служебных обязанностей (ст. 280); сопротивление представителю власти, работнику правоохранительного органа, члену общественного формирования по охране общественного порядка и государственной границы или военнослужащему, соединенное с принуждением этих лиц путем насилия или угрозы применения такого насилия к выполнению явно незаконных действий (ч. 3 ст. 342); захват представителя власти или работника правоохранительного органа в качестве заложника (ст. 349); угроза в отношении должностного лица или гражданина, исполняющего общественный долг (ч. 1 ст. 350); получение незаконного вознаграждения путем вымогательства работником государственного предприятия, учреждения или организации (ст. 354); принуждение к выполнению или невыполнению гражданско-правовых обязательств (ст. 355); посягательство на жизнь представителя иностранного государства (ст. 443); преступления против лиц и учреждений, имеющих международную защиту (ст. 444).

В соответствии с УК Республики Беларусь к настоящей подгруппе возможно отнести такие составы: принуждение к даче органов или тканей для трансплантации (ст. 163); понуждение к действиям сексуального характера (ст. 170); принуждение (ст. 185); принуждение к участию в забастовке либо к отказу от участия в ней (ст. 200); вымогательство (ст. 208); принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения (ст. 246); принуждение лица к участию в преступной деятельности (ст. 288); захват заложника (ст. 291); захват зданий и сооружений (ст. 292); принуждение к выполнению обязательств (ст. 384).

Другая подгруппа первой группы включает составы, в которых признаки деяний с элементами терроризирования предусмотрены наряду с признаками других деяний в сложном составе с альтернативными деяниями.

Согласно УК РФ в данную подгруппу входят следующие составы: нарушение неприкосновенности жилища, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 2 ст. 139); воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, соединенные с подкупом, обманом, применением насилия либо с угрозой его применения (п. «а» ч. 2 ст. 141); принуждение к соавторству (ст. 147); воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них либо принуждение к участию в них (ст. 149); вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150); вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, совершенное неоднократно либо с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 3 ст. 151); монополистические действия и ограничение конкуренции, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, а равно с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения (ч. 3 ст. 178); вымогательство ядерных материалов либо радиоактивных веществ (ст. 221); вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 226); вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229); склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (п. «г» ч. 2 ст. 230); вовле-

чение в занятие проституцией (ст. 240); возбуждение национальной расовой или религиозной вражды с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 2 ст. 282); получение взятки, сопряженное с ее вымогательством (п. «в» ч. 4 ст. 290); принуждение к даче показаний (ст. 302); дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321); сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы (ст. 333).

УК Украины к этой подгруппе позволяет отнести следующие составы: доведение до самоубийства вследствие принуждения к противоправным действиям (ст. 120); умышленное средней тяжести телесное повреждение с целью запугивания или принуждения к определенным действиям (ч. 2 ст. 122); незаконное проведение опытов над человеком путем принуждения (ч. 2 ст. 142); изъятие у человека путем принуждения органов либо тканей с целью их трансплантации (ч. 2 ст. 143); насильственное донорство (ст. 144); воспрепятствование осуществлению избирательного права (ст. 157); нарушение законодательства о референдуме (ст. 160); нарушение равноправия граждан в зависимости от их расовой, национальной принадлежности или отношения к религии, соединенное с насилием или угрозами (ч. 2 ст. 161); нарушение неприкосновенности жилища, соединенное с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 2 ст. 162); грубое нарушение трудового соглашения путем принуждения к выполнению работы, не обусловленной соглашением (ст. 173); насилие, причинение ущерба или угроза ими с целью искусственного изменения или искусственного фиксирования цен (ч. 2 ст. 228); вымогательство огнестрельного оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств или радиоактивных материалов (ст. 262); принуждение либо вовлечение в занятие проституцией (ч. 2 ст. 303); вымогательство наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 308); вымогательство прекурсоров (ст. 312); вымогательство оборудования, предназначенного для изготовления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 313); вымогательство документов, штампов, печатей (ст. 357); вымогательство компьютерной информации (ст. 362); по

лучение взятки, сопряженное с вымогательством (ч. 2 ст. 368); воспрепятствование явке свидетеля, потерпевшего, эксперта, принуждение их к отказу от дачи показаний или заключения, а также к даче заведомо ложных показаний или заключения (ст. 386); действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений (ст. 392); сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей (ст. 404); вымогательство военным служащим оружия, боевых припасов, взрывчатых или иных боевых веществ, средств передвижения, военной и специальной техники либо иного военного имущества (ст. 410).

На основании УК РФ к рассматриваемой подгруппе возможно отнести такие составы: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления с применением насилия или с угрозой его применения либо совершенное родителем, педагогом или иным лицом, на которого возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 172); вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение с применением насилия или с угрозой его применения либо совершенное родителем, педагогом или иным лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 173); воспрепятствование осуществлению избирательных прав либо работе комиссий по выборам, референдуму или отзыву депутата с применением насилия, угрозы, обмана, подкупа или иным способом (ст. 191); воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них либо принуждение к участию в них (ст. 196); воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста либо принуждение его к распространению или отказу от распространения информации (ст. 198); принуждение к соавторству (ст. 201); установление или поддержание монопольных цен, сопряженные с принуждением или применением насилия в отношении конкурентов (ч. 2 ст. 245); ограничение конкуренции, совершенное с применением насилия или угрозой его применения (ч. 2 ст. 247); вымогательство огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ (ст. 294); вымогательство радиоактивных материалов (ст. 323); угроза опасным использованием радиоактивных материалов (ст. 324); вымогательство наркотических средств, психотропных веществ или

прекурсоров (ст. 327); склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их препаратов (ч. 2 ст. 331); террористический акт (ст. 359); насилие либо угроза применения насилия в отношении работника милиции (ст. 364); вмешательство в деятельность работника милиции (ст. 365); насилие либо угроза в отношении должностного лица, выполняющего служебные обязанности, или иного лица, выполняющего общественный долг (ст. 366); насилие в отношении судьи или заседателя (ст. 388); принуждение к даче показаний (ст. 394); принуждение свидетеля, потерпевшего, эксперта к отказу от дачи показаний или заключения, подкуп этих лиц либо угроза мстью за ранее данные показания или заключение (ст. 404); действия, дезорганизующие работу мест лишения свободы (ст. 410); получение взятки, сопряженное с вымогательством (ч. 2 ст. 430); сопротивление начальнику либо принуждение его к нарушению служебных обязанностей (ст. 440).

Во вторую группу входят составы преступлений, в конструкции которых признаки деяний с элементами терроризирования выражены факультативно. Деяния с подобными элементами также охватываются рамками этих составов, но в отличие от первой группы для квалификации не имеет принципиального значения, сопряжены они или нет с терроризированием, которое может как присутствовать так и отсутствовать в деянии виновного в равной степени вероятно. Особенность этих составов заключается в том, что в них терроризирование не является обязательным и определяющим признаком для квалификации, но на возможность его присутствия имеется прямое или косвенное указание в самом составе. В связи с этим данную группу также можно разделить на две подгруппы.

В одну подгруппу входят составы, в которых терроризирование как факультативный признак прямо выражено в словах «воздействие», «воспрепятствование», «вмешательство», «ограничение», «прекращение», «с целью воспрепятствования» и т. п. В отличие от составов первой группы, где может встречаться аналогичная терминология, в составах, составляющих настоящую подгруппу, нет прямых указаний на то, что эти действия сопряжены именно с понуждением к чему-то.

В свете УК РФ эту подгруппу составляют такие составы: воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ч. 1 ст. 141); воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148); воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 169); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277); воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294); посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317); нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360).

Согласно УК Украины сюда входят составы: воспрепятствование законной деятельности профсоюзов, политических партий, общественных организаций (ст. 170); воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ч. 1 ст. 171); воспрепятствование осуществлению религиозного обряда (ч. 1 ст. 180); захват государственных или общественных зданий либо сооружений (ст. 341); вмешательство в деятельность работника правоохранительного органа (ст. 343); вмешательство в деятельность государственного деятеля (ст. 344); принуждение к даче показаний (ст. 373); вмешательство в деятельность судебных органов (ст. 376); вмешательство в деятельность защитника или представителя лица (ст. 397).

По УК РБ к этой подгруппе возможно отнести составы: террористический акт против представителя иностранного государства (ст. 124); нападение на учреждения, пользующиеся международной защитой (ст. 125); вербовка, обучение, финансирование и использование наемников (ст. 132); воспрепятствование законной деятельности общественных организаций (ст. 194); воспрепятствование законной деятельности религиозных организаций (ст. 195); воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 232); вмешательство в разрешение судебных дел (ст. 390); воспрепятствование явке свидетеля, потерпевшего либо даче ими показаний (ст. 403).

К другой подгруппе второй группы относятся составы, в которых возможность обретения предусмотренными ими деяниями

свойств терроризирования выражена косвенно посредством словосочетания «в связи с».

К данной подгруппе согласно УК РФ относятся такие составы: убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 105); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «а» ч. 2 ст. 111); умышленное, причинение средней тяжести вреда здоровью в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 112); истязание в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 117); посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295); угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296); клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя (ст. 298); применение насилия либо угроза применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318); насильственные действия в отношении начальника (ст. 334).

По УК Украины к этой подгруппе возможно отнести следующие составы: посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 112); умышленное убийство лица либо его близкого родственника в связи с выполнением этим лицом служебного или общественного долга (п. 8 ч. 2 ст. 115); умышленное тяжкое телесное повреждение с целью запугивания (ч. 2 ст. 121); побои и истязание с целью запугивания (ч. 2 ст. 126); преследование журналиста за выполнение профессиональных обязанностей, за критику (ч. 2 ст. 171); угроза или насилие в отношении работника правоохранительного органа (ст. 345); угроза или насилие в отношении государственного либо общественного деятеля (ст. 346); умышленное уничтожение

или повреждение имущества работника правоохранительного органа (ст. 347); посягательство на жизнь работника правоохранительного органа, члена общественного формирования по охране общественного порядка и государственной границы или военнослужащего (ст. 348); насилие в отношении должностного лица либо гражданина, исполняющего общественный долг (ч. 2, 3 ст. 350); умышленное уничтожение или повреждение имущества должностного лица или гражданина, исполняющего общественный долг (ст. 352); угроза или насилие в отношении судьи, народного заседателя или присяжного (ст. 377); умышленное уничтожение или повреждение имущества судьи, народного заседателя или присяжного (ст. 378); посягательство на жизнь судьи, народного заседателя или присяжного (ст. 379); угроза или насилие в отношении защитника или представителя лица (ст. 398); умышленное уничтожение или повреждение имущества защитника или представителя лица (ст. 399); посягательство на жизнь защитника или представителя лица (ст. 400); угроза или насилие в отношении начальника (ст. 405).

В соответствии с УК РБ эта подгруппа включает в себя такие составы: убийство лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. 10 ч. 2 ст. 139); убийство лица или его близких за отказ этого лица от участия в совершении преступления (п. 11 ч. 2 ст. 139); умышленное причинение тяжкого телесного повреждения в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. 5 ч. 2 ст. 147); преследование граждан за критику (ст. 197); убийство работника милиции (ст. 362); угроза в отношении судьи или заседателя (ст. 389); насильственные действия в отношении начальника (ст. 441); угроза начальнику (ст. 442).

Третью группу представляют составы преступлений, предусматривающие ответственность за деяния, которые в отдельных случаях и при определенных обстоятельствах могут обретать характер терроризирования. Сама конструкция этих составов не позволяет усматривать в них указания (прямые или косвенные) на признаки терроризирования в квалифицируемых по данным статьям УК деяниях. Статье преступлениями с элементами терроризирования такие

деяния могут всякий раз, когда они служат рычагом запугивания, и как результат — воздействия, понуждения к принятию какого-либо решения или воздержанию от него. Как уже отмечалось ранее, практически любое насильственное преступление и ряд умышленных ненасильственных могут обрести подобное качество, однако для одних составов этой группы степень вероятности наличия такого признака деяния, как терроризирование, довольно велика, для других же (их подавляющее большинство) она совершенно незначительна. А потому в данной группе можно выделить составы, в которых хотя и нет никаких прямых или косвенных указаний на терроризирование как свойство предусмотренных ими деяний, однако из смысла состава он как бы угадывается, просматривается, и деяния, квалифицируемые по этим статьям, во многих случаях в действительности представляют собой не что иное, как разновидность терроризирования, а порой — и терроризма. т. е., как отмечает В. Н. Курдювцев, «уяснение “латентных” и “подозреваемых” признаков состава пока является неизбежным»¹⁴². К таковым составам с «латентными» признаками терроризирования вообще и терроризма в частности можно отнести: угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава; блокирование транспортных коммуникаций; массовые беспорядки; заведомо ложное сообщение об акте терроризма (об опасности); похищение человека; незаконное лишение свободы; угроза убийством; доведение до самоубийства.

Таким образом, уровень терроризирования, присущий тем или иным деяниям, и степень выраженности признаков терроризирования в соответствующих составах преступлений не находятся в прямой зависимости, что вряд ли можно считать позитивным моментом в уголовном законодательстве, а это, в свою очередь, сказывается и на конструировании основной нормы, предусматривающей ответственность за собственно терроризм. В этой связи особого внимания требуют те составы, в которых и степень выраженности признаков терроризирования, и уровни терроризирования предусмотренных ими деяний близки, так сказать, к «чистому», классическому варианту.

¹⁴² Курдювцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1999. С. 86.

К числу таких составов, в которых признаки терроризирования сформулированы безальтернативно, относится, в первую очередь, состав, предусмотренный ч. 1 ст. 266 УК Украины, выраженный в диспозиции статьи следующим образом: «Угроза совершить похищение радиоактивных материалов с целью принудить физическое или юридическое лицо, международную организацию или государство совершить какое-либо действие или воздержаться от него, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы».

Указанное в ч. 1 ст. 266 УК Украины деяние полностью соответствует всем признакам преступления с элементами терроризирования. Здесь деяние (угроза) и возникающая обстановка страха не служат для виновного самоцелью, а являются средством достижения другой цели — понуждения к принятию какого-либо решения или отказу от него. Обстановка страха, по расчету виновного лица, должна иметь на адресата угрозы не парализующее, а своеобразное «мобилизующее» воздействие, способствующее выработке, хотя и вынуждено, но собственного решения, которое сможет удовлетворить предъявленные требования. Угроза и требования здесь обычно обращены к одним лицам, а предмет осуществления угрозы находится в ведении других лиц. По смыслу статьи угроза адресуется государству (высшим органам власти или управления), международной организации, физическому лицу (гражданину Украины, иностранному гражданину, лицу без гражданства), юридическому лицу (предприятию, учреждению, организации, зарегистрированным как юридические лица в Украине или за границей), т. е. адресат, в отношении которого направлены угроза и требования, может находиться как на территории Украины так и за ее пределами, тогда как предмет возможного похищения (радиоактивные материалы) должен находиться на территории Украины, хотя не исключается и совпадение в пределах Украины адресата угрозы и требований, а также субъекта, в ведении которого находятся радиоактивные материалы, в одном лице. Конечные цели, к которым стремится виновный, совершая это деяние, могут иметь как преступный, так и неправомерный характер, и выражаться в предъявленных требованиях, касающихся политических (принять правительственное постановление или отменить таковое, отказаться от выдвижения кандидатуры на

выборах и т. п.), правовых (принять соответствующее судебное решение, освободить кого-либо из под стражи), экономических (разрешить экспорт или импорт, выделить кредит) и личных вопросов (разрешить эмигрировать, уволить с работы или принять на работу, выплатить определенную денежную сумму).

Предусмотренные ч. 1 ст. 266 УК Украины деяния в подавляющем большинстве случаев по уровню терроризирования представляют собой классические варианты внутрисоциального или международного терроризма. Они имеют общеполитический характер; угрозы и требования до адресата могут быть доведены публично (через другие государства, международные организации либо с помощью средств массовой информации), т. е. способны породить состояние страха на социальном уровне; требования и угрозы могут выражаться открыто, демонстративно; выполнение требований обычно зависит не от тех лиц, которым может быть причинен непосредственный вред похищением.

В то же время по рассматриваемому составу будут квалифицироваться и угрозы совершить похищение, выраженные не публично, а конфиденциально, причем с предъявлением требований в адрес того лица, в ведении которого находятся радиоактивные материалы.

Таким образом, одним составом охвачены признаки деяний, совершенно различных по своей общественной опасности — от открытого терроризма до тихого сведения личных счетов, что, безусловно, снижает уровень борьбы с наиболее опасными деяниями подобного рода. При наличии в УК Украины состава терроризма, именуемого как «террористический акт» (ст. 258), такой состав неизбежно будет вступать с ним в конкуренцию, и вопрос здесь должен решаться, по-видимому, следующим образом: если угроза похищения радиоактивных материалов содержит все признаки терроризма, то деяние должно квалифицироваться как терроризм, и только в том случае, если для квалификации по составу «террористического акта» признаков недостаточно, квалифицировать по составу угрозы совершить похищение радиоактивных материалов, поскольку терроризм является более тяжким преступлением и квалификация актов терроризма по составам с более мягкой санкцией, чем

в составе, предусматривающем ответственность за собственно терроризм, повлечет незаслуженное смягчение наказания лицам, совершившим фактически гораздо более опасное преступление.

Подобная ситуация имеет место в УК Республики Беларусь, где наряду со ст. 290, предусматривающей ответственность за угрозу совершением акта терроризма, существует ст. 324 следующего содержания: «Угроза опасным использованием радиоактивных материалов в целях понуждения государства, международной организации, физического или юридического лица к совершению какого-либо действия или воздержанию от него либо в иных целях, если имелись основания опасаться этой угрозы». Однако здесь вышеуказанный принцип квалификации будет иметь свои особенности. Поскольку санкция ст. 324 УК РБ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет, а санкция ч. 1 ст. 290 УК РБ в связи с тем, что в УК РБ установлена раздельная ответственность за терроризм как таковой и угрозу совершением акта терроризма, альтернативная и предусматривает наказание в виде ареста на срок до шести месяцев или ограничения свободы на срок до пяти лет или лишения свободы на тот же срок, то деяния, одновременно подпадающие под указанные составы, должны квалифицироваться по ст. 324 УК РБ. В то же время в ч. 2 ст. 290 УК РБ предусмотрены квалифицирующие признаки состава и установлена санкция от трех до восьми лет лишения свободы, тогда как ст. 324 УК РБ квалифицирующих признаков не содержит, поэтому угроза опасным использованием радиоактивных материалов, подпадающая под признаки угрозы совершением акта терроризма с отягчающими вину обстоятельствами, по-видимому, должна квалифицироваться по ч. 2 ст. 290 УК РБ.

Состав ст. 324 УК РБ сконструирован преимущественно как «террористический», признаки альтернативных деяний предусмотрены здесь за счет указания на иные, кроме понуждения, цели, которые могут возникать на почве мести, из хулиганских побуждений и т. п., т. е. не иметь ничего общего с терроризированием как таковым.

В то же время состав ч. 2 ст. 266 УК Украины, предусматривающий ответственность за аналогичные деяния, сформулирован таким образом, что в нем вообще нет никаких указаний на признаки

собственно терроризирования: «Угроза использовать радиоактивные материалы с целью причинения гибели людей или иных тяжких последствий, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы», а потому данный состав можно отнести лишь к третьей группе предложенной классификации, т.е. к той группе составов, где признаки терроризирования находятся в «латентном» состоянии.

В безальтернативном порядке все признаки терроризирования содержатся в составах захвата заложников, которые ведены в уголовное законодательство государств в соответствии с Международной конвенцией о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 года. Сами деяния, предусмотренные настоящими составами, могут достигать самого опасного уровня терроризирования, а потому в преамбуле Конвенции о захвате заложников они отнесены к разновидностям международного терроризма. При захвате заложников требования предъявляются открыто, нередко субъект намеренно стремится придать им широкий резонанс, выступив с «заявлением», предъявив ультиматум и т. д.¹⁴³

Захват заложников обычно относят к разновидностям терроризма, что требует некоторого уточнения. Терроризм отличается общей опасностью для неопределенного круга людей в результате совершения или угрозы совершения общеопасных действий, тогда как при захвате заложников такая ситуация складывается довольно редко и как правило, в подобных случаях захват заложников выступает как составная часть другой преступной деятельности (терроризма, захвата воздушного судна и т. д.). Что же касается захвата заложников, то, как по смыслу Конвенции, так и по смыслу уголовного законодательства, ни в чем другом, кроме своеобразной формы насильственного лишения свободы потерпевших и сопряженных с этим действий и последствий, насилие здесь не должно выражаться. В то же время расположение этого состава в уголовных кодексах государств осуществляется неодинаковым образом.

¹⁴³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Изд. 3-е, изм. и доп. / Под общей редакцией Генерального прокурора Российской Федерации профессора Ю. И. Скуратова и Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева. М.: НОРМА — ИНФРА-М, 2000. С. 500.

Так, в УК Российской Федерации (ст. 206), Республики Беларусь (ст. 291), Узбекистана (ст. 245) данный состав наряду с составом терроризма расположен среди предусматривающих ответственность за преступления против общественной безопасности. В УК Грузии состав захвата заложника (ст. 329) расположен в гл. XXXVIII «Терроризм», которая входит в разд. 11 «Государственные преступления», тогда как в Уголовном законе Латвии (ст. 154), УК Туркменистана (ст. 130) данный состав отнесен к категории преступлений против свободы, чести и достоинства личности. В УК Украины один состав захвата заложников (ст. 147) находится в разд. III «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», другой (ст. 349) — в разд. XV «Преступления против авторитета органов государственной власти, органов местного самоуправления и объединений граждан». Неоднозначный подход к данному составу в части расположения его в системе норм УК, очевидно, вызван многоуровневостью самого деяния, т. е. проявлением его на различных уровнях терроризирования — от сферы решения мелких бытовых проблем до грандиозного политического скандала, поэтому в одних случаях это деяние будет выступать как преступление с элементами терроризирования, в других — как форменный терроризм.

Особенность украинского законодательства, как видно, состоит в том, что в новом УК Украины содержится две нормы о захвате заложников — общая (ст. 147) и специальная (ст. 349), предусматривающая ответственность за захват в качестве заложника представителя власти или работника правоохранительного органа, диспозиция которой сформулирована следующим образом: «Захват или удержание в качестве заложника представителя власти, работника правоохранительного органа либо их близких родственников с целью понуждения государственного либо иного учреждения, предприятия, организации или должностного лица совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника». Думается, что в существовании такого специального состава нет никакой необходимости, на что автором настоящего издания уже обращалось внимание¹⁴⁴. Усилить ответст-

¹⁴⁴ См.: Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования (уголовно-правовое исследование). М.: NOTA BENE, 2000. С. 146.

венность за захват в качестве заложников указанных здесь лиц вполне возможно, предусмотрев в ст. 147 УК Украины соответствующий квалифицирующий признак состава. Наличие же в УК параллельных составов захвата заложников, с одной стороны, порождает сложности, связанные с их разграничением, с другой стороны, искусственно создает идеальную совокупность, а соответственно и необоснованное усиление наказания, если среди группы заложников окажутся лица, как подпадающие, так и не подпадающие под перечень, указанный в специальной норме.

В частности, сразу же возникает вопрос, относится ли к предусмотренной ст. 349 УК категории заложников, например судья, поскольку согласно концептуальным положениям Кодекса все виды посягательств на судей отдельно предусмотрены в разд. XVIII «Преступления против правосудия», в котором подобного состава не содержится, а, значит, и захват в качестве заложника судьи должен будет квалифицироваться по ст. 147 УК Украины. Аналогичным образом будет квалифицироваться и захват в качестве заложника, к примеру, руководителя политической партии, генерала армии, директора атомной электростанции и т. п., которые в свете нового УК Украины оказываются теперь в менее защищенном положении, чем бабушка инспектора рыбохраны. Кроме того, не все родственники указанных в ст. 349 УК Украины лиц защищаются этим составом, а только близкие родственники. Воздействие на представителя власти или работника правоохранительного органа путем захвата или удержания в качестве заложника его знакомого или родственника, не являющегося близким, квалифицируется по ст. 147 УК Украины¹⁴⁵, т. е. в случае захвата в качестве заложника близкого и другого родственника, квалификация будет осуществляться по совокупности ст. 147 и 349 УК.

На несовершенство ст. 349 УК Украины прямо указывает и то обстоятельство, что, в отличие от ст. 147 УК, здесь не содержится квалифицирующих признаков, т. е. ответственность не дифференцируется в зависимости от общественной опасности и тяжести содеянного.

¹⁴⁵ См.: Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України від 5 квітня 2001 року / За ред. М. І. Мельника, М. І. Хавронюка. Київ, Каннон, А.С.К., 2001. С. 873.

Сказанное в полной мере свидетельствует об искусственности и ненужности специальной статьи, предусматривающей ответственность за захват в качестве заложника представителя власти, работника правоохранительного органа или их близких родственников, поэтому данная статья должна быть исключена из УК Украины.

В то же время следует заметить, что некоторые недостатки обнаруживает и существующая в УК Украины общая норма (ст. 147) об ответственности за захват заложника, которая сформулирована следующим образом: «Захват или удержание лица в качестве заложника с целью понуждения родственников задержанного, государственного либо иного учреждения, предприятия или организации, физического либо должностного лица к совершению или воздержанию от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника».

Как усматривается из диспозиции ст. 147 УК в качестве адресатов требований виновных лиц указываются наряду с другими также «родственники задержанного» и «физическое лицо». Думается, что в специальном указании на родственников заложника в данном составе нет никакой необходимости, поскольку эта категория лиц полностью охватывается понятием физического лица и не требует отдельных упоминаний.

С понятием «захват заложника» тесно связано «похищение человека». Однако близость этих понятий далеко не во всех случаях означает их совпадение, и не всегда захват заложника сопряжен с его похищением, а похищение человека не всегда выражается в захвате его в качестве заложника.

Похищение человека по существу является одной из форм его незаконного лишения свободы, хотя и наиболее опасных форм, поэтому необходима разработка критериев, позволяющих отграничить похищение человека от незаконного лишения свободы, захвата заложников и других смежных составов.

Под похищением человека Комментарий к УК РФ понимает «противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым либо с помощью обмана завладением (захватом) живым человеком, изъятием его из естественной микросоциальной среды, перемещением его с места его постоянного или временного пребывания с

последующим удержанием помимо его воли в другом месте»¹⁴⁶. Примерный Уголовный кодекс США дает определение похищения человека в тексте ст. 212.1. следующим образом: «Лицо виновно в похищении человека, если оно неправомерно перемещает другое лицо с места его проживания или занятий или на значительное расстояние от места, где оно находится, или если оно неправомерно помещает другое лицо на значительный период времени в изолированном месте»¹⁴⁷. Как видно, основное отличие состоит в том, что незаконное лишение свободы осуществляется без перемещения человека из одного места в другое и без его предварительного захвата.

Проводя различие между данными составами, В. И. Зубкова и И. М. Тяжкова замечают: «Здесь основное отличие состоит в том, что похищение всегда сопряжено с захватом (насильственным и без такового) и последующим... удержанием помимо воли в изоляции. Одно лишь содержание потерпевшего в неволе, если ему не предшествовало завладение (захват), состава похищения человека не образует, а такие действия следует рассматривать как незаконное лишение свободы»¹⁴⁸.

При похищении человека предполагается совокупность трех последовательно совершаемых действий — захват, перемещение и последующее удержание потерпевшего¹⁴⁹.

Этим похищение человека отличается не только от незаконного лишения свободы, но и от захвата заложника, который может осуществляться и без перемещения заложника в другое место.

В свою очередь похищение, а также незаконное лишение свободы следует отличать от захвата заложника.

В основном отличие здесь состоит в том, что при захвате заложника виновного не столько интересует сама по себе личность потерпевшего,

¹⁴⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Изд. 3-е, изм. и доп. С. 288.

¹⁴⁷ Примерный Уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права / Пер. с англ. канд. юрид. наук А. С. Никифорова; Под ред. и с предисловием докт. юрид. наук Б. С. Никифорова. М.: Прогресс, 1969. С. 132–133.

¹⁴⁸ Зубкова В. И., Тяжкова И. М. Ответственность за похищение человека по уголовному законодательству России // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1996. № 2. С. 60.

¹⁴⁹ Мартыненко Н. Э. Похищение человека: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 12, 13.

сколько возможность использовать его в качестве средства давления на адресат, в то время как при похищении человека и незаконном лишении свободы личность потерпевшего персонифицирована. Виновные лица не имеют к заложникам никаких претензий и судьба последних им безразлична, тогда как при похищении и незаконном лишении свободы виновные заинтересованы в судьбе потерпевших (например, при взыскании долга, устранении конкурента и т. п.).

От захвата заложника рассматриваемые деяния отличаются и тем, что факт захвата и насильственного удержания потерпевшего, а также предъявленных требований здесь не афишируются. Требование выкупа, которое может быть адресовано близким потерпевшего, осуществляется тайно, скрытно от других лиц и тем более от соответствующих государственных органов: в тайне обычно сохраняется и место удержания похищенного человека; круг лиц, к которым предъявляются противоправные требования, ограничен (сам потерпевший, его близкие родственники, друзья, коллеги по работе).

При захвате заложников, наоборот, виновные стремятся к обнаружению своих целей, чтобы усилить эффект, использовать более мощный действенный рычаг воздействия. «Очевидно, — отмечают В. И. Зубкова и И. М. Тяжкова, — что захват заложника характеризуется более высокой степенью общественной опасности, поскольку совершается более дерзко, факт захвата, так же как и характер требований, не содержатся в тайне, они сразу же сообщаются физическим или юридическим лицам, органам государственной власти или правительственным органам»¹⁵⁰.

То есть похищение человека и незаконное лишение свободы при определенных обстоятельствах могут обретать черты преступлений террористической направленности, но стать актами терроризма — никогда, поскольку они не содержат каких-либо отличительных признаков этого публично совершаемого общеопасного деяния.

По степени выраженности террористической направленности в признаках этих составов согласно УК РФ (ст. 126), УК Украины (ст. 146); УК РБ (ст. 182), УК Узбекистана (ст. 137) их можно отне-

¹⁵⁰ Зубкова В. И., Тяжкова И. М. Указ. соч. С. 55. См. также: Комиссаров В. Захват заложников: происхождение нормы, вопросы совершенствования // Законность. 1995. № 3. С. 45–46.

сти к третьей группе вышеприведенной классификации, поскольку в их конструкциях не усматривается ни прямых, ни косвенных отражений того, в связи с чем, в каких целях и ради удовлетворения каких интересов совершаются предусмотренные ими деяния.

Однако в ст. 153 Уголовного закона Латвии этот состав сформулирован таким образом, что его вполне можно отнести ко второй подгруппе первой группы, поскольку признаки терроризирования здесь прямо указаны в составе с альтернативными деяниями: «Захват лица, с использованием насилия, угроз или обмана (похищение лица) с целью мести, из корысти или с целью шантажа». По тому же принципу сформулирован состав похищения человека в ст. 212.1. Примерного УК США, поскольку в качестве целей похищения лица предусматривает:

а) задержать его на предмет выкупа или вознаграждения или в качестве прикрытия или заложника; или

б) облегчить совершение какой-либо felonии или бегства после ее совершения; или

с) причинить телесное повреждение потерпевшему или другому лицу или вызвать у них страх; или

д) воспрепятствовать осуществлению какой-либо государственной или политической функции»¹⁵¹.

А в ст. 126 УК Туркменистана тот же состав содержит признаки терроризирования в безальтернативном порядке: «Похищение человека с целью получения выкупа, совершения или несовершения в интересах похитителя или другого лица каких-либо действий». Аналогичным образом сформулированы признаки похищения человека, например, в ст. 164 УК Испании, где указывается следующее: «Похищение человека с требованием выполнить определенные условия его освобождения»¹⁵².

В безальтернативном порядке признаки терроризирования содержат и предусмотренные в УК Украины составы, устанавливающие ответственность за посягательство на жизнь представителя ино-

¹⁵¹ Примерный Уголовный кодекс США. С. 133.

¹⁵² Уголовный кодекс Испании. Под редакцией и с предисловием доктора юридических наук, профессора Н. Ф. Кузнецовой и доктора юридических наук, профессора Ф. М. Решетникова. М.: ЗЕРЦАЛО, 1998. С. 57.

странного государства (ст. 443) и преступления против лиц и учреждений, имеющих международную защиту (ст. 444). На фоне этого непонятным представляется исключение из нового УК РФ состава посягательства на жизнь представителя иностранного государства, хотя в прежнем УК РСФСР такой состав имел место (ст. 67). На данный факт автор уже обращал внимание в своих работах¹⁵³. Уголовно-правовая охрана лиц, пользующихся международной защитой, осуществляется на основании ст. 360 УК РФ, однако под признаки этого состава не подпадают случаи причинения указанным в нем лицам смерти или тяжкого вреда здоровью, в связи с чем российская уголовно-правовая наука довольно неоднозначно комментирует создавшуюся ситуацию. Так, М. П. Киреев считает, что «новый УК РФ не препятствует признанию потерпевшими по статье о террористическом акте (ст. 277) государственных деятелей зарубежных государств, а также общественных деятелей международных и иностранных общественных организаций, если деятельность указанных лиц в нашей стране осуществляется в соответствии с Конституцией РФ и российским законодательством»¹⁵⁴. Комментарий к УК РФ дает такое разъяснение: «В случаях, когда нападение на такое лицо повлекло за собой преднамеренную смерть его или причинение ему тяжкого вреда здоровью, содеянное следует квалифицировать по совокупности ст. 105 или 111 и ст. 360 УК. Если нападение повлекло за собой похищение потерпевшего, содеянное следует квалифицировать по совокупности ст. 126 и 360 УК»¹⁵⁵.

Очевидно, было бы более верным охватить все эти деяния и последствия самим специальным составом, как это сделано в УК Украины (ст. 443, 444), УК РБ (ст. 124), Уголовном законе Латвии (ст. 87), УК Туркменистана (ст. 170). Одновременно представляются нуждающимися в уточнении формулировки целей, если в составах указывается, что данные деяния возможны лишь в целях провокации войны или осложнения международных отношений. Этими целями

¹⁵³ См.: Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. С. 152; Его же. Уголовная ответственность за терроризм и преступления с признаками терроризирования. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2001. С. 25, 33.

¹⁵⁴ Киреев М. П. Проблемы борьбы органов внутренних дел с актами терроризма // Терроризм: современные аспекты. С. 15.

¹⁵⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Изд. 3-е, изм. и доп. С. 863.

далеко не исчерпываются действия террористов и других преступников, а потому многие посягательства на жизнь или здоровье представителей иностранных государств невозможно будет квалифицировать по рассматриваемым составам, если они совершены в других целях.

Думается, что в данном случае возможны два оптимальных варианта: либо вообще не указывать на цель посягательства, как это сделано в ст. 87 Уголовного закона Латвии, либо представить эти цели в беспробельном варианте, как это сделано в ст. 443 и 444 УК Украины. В частности, в ст. 443 УК Украины предусмотрено следующее: «Убийство или покушение на убийство представителя иностранного государства либо иного лица, пользующегося международной защитой, с целью оказания влияния на характер их деятельности либо на деятельность государств или организаций, которые они представляют, либо с целью провокации войны или международных осложнений».

Позитивным моментом УК Украины является и то, что здесь в ч. 2 ст. 444 впервые устанавливается ответственность за угрозы нападением на лиц или учреждения, пользующихся международной защитой, в целях оказания влияния на характер их деятельности либо деятельности государств или организаций, которые они представляют, т. е. в законодательном порядке формулируются признаки состава угрозы совершением террористического акта. Однако уже при сопоставлении ст. 443 и 444 УК Украины невольно возникает вопрос: коль скоро устанавливается ответственность за угрозы теми действиями, которые перечислены в ч. 1 ст. 444, то почему тогда не криминализованы угрозы теми действиями и в тех целях, которые предусмотрены в ст. 443 УК и которые представляют собой деяния гораздо большей общественной опасности, нежели деяния, указанные в ч. 2 ст. 444 УК Украины. В этой связи, естественно, напрашивается вывод, что ст. 443 УК Украины нуждается в дополнении частью второй, устанавливающей ответственность за угрозу предусмотренными частью первой деяниями в тех же целях. Аналогичные дополнения целесообразно внести и в УК других государств. Одновременно возникает вопрос также о специальной криминализации

угроз террористического характера в отношении государственных деятелей собственного государства, ибо стабильность и надежность государственной власти во многом зависит от того, насколько эффективно она охраняет своих представителей и представителей иностранных государств от преступных посягательств на них и их деятельность. Устанавливая в специальных нормах суровую ответственность за посягательства на жизнь государственного деятеля или представителя иностранного государства, законодатель тем самым подчеркивает важность охраняемого блага, его государственное значение. Вместе с тем в последнее время участились случаи угроз посягательством на жизнь или иными формами насилия в отношении государственных деятелей или лиц, пользующихся международной защитой, в целях оказания влияния на их деятельность. Порой эти угрозы носят открытый, публичный характер, что вызывает беспокойство не только тех, в адрес кого они высказаны, но и среди населения, поскольку порождают чувства незащищенности и неуверенности в способности властных структур противостоять преступным элементам. Особое беспокойство среди населения вызывают угрозы в отношении первых лиц в системе центральных органов государственной власти, управления, правосудия. Серьезную опасность представляют собой и угрозы в целях оказания воздействия на лиц, пользующихся международной защитой. Но вряд ли можно считать, что уголовное законодательство всегда и в полной мере соответствует необходимости эффективного противостояния этим общественно опасным деяниям террористической направленности.

Также вряд ли можно считать оптимальным вариантом то, что, например, согласно ст. 176 УК Туркменистана и ст. 158 УК Узбекистана за посягательство на жизнь и здоровье Президента, а также за оскорбление или клевету в отношении Президента ответственность наступает по специальной норме, а за угрозы в адрес Президента — на общих основаниях.

В этом плане как позитивный момент в законодательстве можно отметить то, что, например, в ч. 2 ст. 366 УК РБ установлена отдельная ответственность за насилие либо угрозу насилием, уничтожением или повреждением имущества в отношении Президента Республики Беларусь, однако новый УК РБ, по-видимому, только бы

выиграл от того, если бы в нем имело место установление ответственности за угрозы в адрес лиц, пользующихся международной защитой.

В свете изложенного, думается, можно предложить, чтобы составы, в которых предусматривается ответственность за посягательства на жизнь, здоровье, свободу, достоинство, имущество государственных деятелей или лиц, пользующихся международной защитой, дополнить соответствующими частями статей, в которых установить ответственность за угрозы теми же действиями в отношении указанных лиц в целях оказания влияния на характер их деятельности либо деятельности государства или органов, которые они представляют. Такие новеллы позволят устранить встречающуюся еще пробельность в уголовном законодательстве и осуществлять правоприменительную практику единообразно и в точном соответствии с законом.

Необходимость подобных новелл неоднократно аргументировалась в публикациях автора¹⁵⁶ и как позитивный момент следует отметить появление в новом УК Украины, наконец, появилась норма такого содержания:

«Статья 346. Угроза или насилие в отношении государственного либо общественного деятеля

1. Угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества, а также похищением или лишением свободы в отношении Президента Украины, Председателя Верховной Рады Украины, народного депутата Украины, Премьер-министра Украины, члена Кабинета Министров Украины, Председателя или судьи Конституционного Суда Украины или Верховного Суда Украины или высших специализированных судов Украины, Генерального прокурора Украины, Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека, Председателя Счетной палаты, Председателя Национального банка Украины, руководителя поли-

¹⁵⁶ См.: *Ємельянов В. П.* Кримінальна відповідальність за злочини терористичної спрямованості проти державних діячів // *Право України.* 2000. № 1. С. 99; *Его же.* Ответственность за угрозу террористическим актом в России и Украине: сравнительный анализ // *Российская юстиция.* 2000. № 5. С. 30; *Его же.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования. С. 155.

тической партии Украины, а также в отношении их близких родственников, совершенная в связи с их государственной или общественной деятельностью, —

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

2. Умышленное причинение лицам, указанным в части первой настоящей статьи, средней тяжести телесных повреждений либо легких телесных повреждений, нанесение побоев либо совершение иных насильственных действий в связи с их государственной или общественной деятельностью, —

наказывается лишением свободы на срок от четырех до семи лет.

3. Умышленное причинение лицам, указанным в части первой настоящей статьи, тяжких телесных повреждений в связи с их государственной или общественной деятельностью, —

наказывается лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет».

Для того чтобы обеспечить единообразную и четкую правоприменительную деятельность, необходимо иметь точное и непротиворечивое законодательство. В особенности это важно, когда речь идет об уголовной ответственности и о квалификации действий виновного по конкретному составу преступления. Однако в уголовном законодательстве имеют место составы, далекие от однозначного понимания и порождающие тем самым противоречивую правоприменительную практику. В частности, серьезное противоречие заложено между названием ст. 207 УК РФ и ст. 272 УК Туркменистана («Заведомо ложное сообщение об акте терроризма») и признаками данного состава, сформулированными в диспозиции статьи.

Если из названия статьи однозначно усматривается, что ею устанавливается ответственность лишь за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, т. е. о деянии, подпадающем под признаки ст. 205 УК РФ (ст. 271 УК Туркменистана) — и только, тогда как из конструкции ст. 207 УК РФ (ст. 272 УК Туркменистана) усматривается совсем иное, поскольку здесь речь идет о заведомо ложном сообщении о готовящемся взрыве, пожаре или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий и никаких оговорок относительно того, что имеются в

виду лишь деяния террористического характера, не делается. Возникает вопрос, как квалифицировать заведомо ложное сообщение, к примеру, об акте диверсии, вандализма, пиратства, бандитизма, захвата заложников, воздушного судна, зданий или сооружений и т. п. Если исходить из названия статьи, то все подобные сообщения находятся за рамками данного состава, ибо это не сообщения об акте терроризма. В то же время признаки состава (как они сформулированы в диспозиции) позволяют квалифицировать по данной статье любые заведомо ложные сообщения о готовящемся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий. Но в таком случае заведомо ложное сообщение об акте диверсии, вандализма, пиратства, бандитизма и т. д. либо о готовящемся поджоге или взрыве дачи соседа, согласно названию этой статьи, есть заведомо ложное сообщение об акте ... терроризма(!?). Противоречие очевидное, к тому же ведущее не только к противоречивой практике, но и к безгранично расширительному толкованию самого понятия терроризма, а значит к схоластическим спорам в уголовно-правовой науке.

Как ни парадоксально, но такая же неточность воспроизводилась вплоть до принятия во втором чтении и в соответствующей статье проекта УК Украины, хотя в действовавшем на тот момент Кодексе имел место аналогичный состав (ст. 206²), название которого в полной мере соответствовало совокупности его признаков («Заведомо ложное сообщение об угрозе безопасности граждан, уничтожения или повреждения объектов собственности»), поэтому вряд ли было целесообразно апробированный и структурно целостный состав менять на внутренне противоречивый, и на это также обращалось особое внимание в публикациях автора¹⁵⁷.

В проекте УК Украины, подготовленном к третьему чтению, название рассматриваемой статьи стало идентичным тому, которое имело место в ст. 206² действовавшего УК Украины и воспроизведено в ст. 259 нового УК, что представляется совершенно правильным.

¹⁵⁷ См.: Емельянов В. Ответственность за ложное сообщение об акте терроризма в России и Украине: сравнительный анализ // Российская юстиция. 2000. № 1. С. 50.

Устранить противоречие между наименованием и содержанием ст. 207 УК РФ (ст. 272 УК Туркменистана) возможно двояким образом.

Один вариант заключается в том, чтобы в тексте статьи сделать оговорку о том, что здесь имеются в виду заведомо ложные сообщения о деяниях, подпадающих именно под признаки состава терроризма (ст. 205 УК РФ; ст. 271 УК Туркменистана). Однако, хотя этот вариант и устраняет противоречивость статьи УК, он неприемлем. Во-первых, в данном случае за рамками уголовно-правового поля остаются заведомо ложные сообщения о других не менее опасных деяниях, чем терроризм, а, во-вторых, во главу угла ставится понятие терроризма — не устоявшееся, малоизученное, имеющее множество смысловых оттенков и являющееся предметом оживленных дискуссий в науке, тогда как уголовное право должно оперировать точными и однозначными понятиями.

Другой вариант состоит в приведении названия статьи в соответствие с признаками состава путем исключения из названия термина «терроризм» и употребления понятий, действительно соответствующих содержанию и смыслу диспозиции, что довольно наглядно демонстрируют ст. 259 УК Украины («Заведомо ложное сообщение об угрозе безопасности граждан, уничтожения или повреждения объектов собственности»), ст. 340 УК Республики Беларусь («Заведомо ложное сообщение об опасности») или же ст. 250.3. Примерного УК США, которая называется «Фальшивая публичная тревога». При таком подходе не только устраняется рассматриваемое противоречие, но и удастся избежать ряда процессуальных трудностей, связанных с возбуждением и рассмотрением дела по данной статье, ибо на момент его возбуждения в редких случаях можно достоверно констатировать, что заведомо ложное сообщение сделано о действиях террористического характера либо иного свойства, а установить истинный смысл такого сообщения зачастую возможно лишь в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. Кроме того, предлагаемый вариант устраняет пробел в уголовном законе, когда по совершенно непонятным причинам заведомо ложное сообщение об акте терроризма преследуется законом, а заведомо ложное сообщение о взрыве, поджоге и проч. (нетеррористического характера) оказывается уголовно не наказуемым.

Таким образом, наиболее точным, оптимальным, не порождающим противоречий и пробела в законе представляется следующее название ст. 207 УК РФ (ст. 272 УК Туркменистана): «Заведомо ложное сообщение об угрозе безопасности граждан и объектов собственности», поскольку сама конструкция состава не выделяет признаки терроризирования, а, напротив, имеет их в качестве «латентных» признаков наряду с признаками деяний, не имеющих ничего общего с терроризированием как таковым и проявляющих себя чаще всего как разновидности хулиганских действий.

В уголовно-правовой науке неоднократно указывалось на недопустимость употребления в диспозициях разных статей УК одних и тех же понятий в различном значении, ибо это затрудняет понимание закона и применение его на практике. В частности, по мнению Я. М. Брайнина, «следует стремиться к тому, чтобы те или иные понятия употреблялись в диспозициях уголовных законов в тождественном значении. Нарушение этого требования создает затруднения в судебной практике и приводит в теоретической литературе к возникновению бесплодных дискуссий»¹⁵⁸, а потому понятие «заведомо ложное сообщение об акте терроризма» не должно быть шире самого понятия «терроризм».

Образцы взвешенного подхода к терминологии существуют и в самом уголовном законодательстве. В частности, общеизвестно, что чаще всего в наибольшей степени террористический характер деяния проявляется при совершении такого преступления, как угон или захват воздушного или водного судна либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ; ст. 278 УК Украины; ст. 311 УК РБ), однако термин «терроризм» в данном составе отсутствует, а признаки терроризирования содержатся в «латентном» порядке, ибо предусмотренные настоящим составом деяния в действительности могут либо иметь террористический характер либо не напоминать о нем даже отдаленно. В первоначальной редакции этой статьи устанавливалась ответственность лишь за угон воздушного судна, нахо-

¹⁵⁸ Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М.: Юрид. лит., 1967. С. 53; См. также: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. С. 72.

дящегося на земле или в полете, а само принятие ее было обусловлено выработкой международным сообществом коллективных мер по борьбе с этим опасным преступлением, выступающим нередко в качестве одного из способов совершения актов международного терроризма. Поэтому угону самолетов как разновидности преступлений международного характера международной общественностью было уделено достаточно внимания. «Часто угон самолетов, — отмечает И. И. Карпец, — по существу есть не что иное, как разновидность терроризма. Очевидно, так следует квалифицировать многие из этих преступных актов. Однако этот вид преступной деятельности имеет свои особенности, он представляет повышенную опасность для нормального сотрудничества государств, для жизни многих людей, даже не будучи актом терроризма. Вот почему встал вопрос о выделении такой преступной деятельности в самостоятельный вид, о заключении международных соглашений по борьбе с угонем самолетов»¹⁵⁹. И теперь с введением в УК состава терроризма также возникает проблема разграничения этих составов. Думается, что следует согласиться с И. И. Карпцом, и в тех случаях, когда рассматриваемые деяния представляют собой не что иное, как составную часть терроризма, их необходимо квалифицировать как терроризм и лишь при отсутствии признаков терроризма — по статье УК, предусматривающей ответственность за угон или захват воздушного или водного судна либо железнодорожного подвижного состава.

Террористическая направленность довольно часто может проявляться и при совершении такого деяния, как блокирование транспортных коммуникаций (ст. 267 УК РФ; ст. 279 УК Украины; ст. 310 УК РБ). И хотя в составе данного преступления нет каких-либо упоминаний о том, с какой целью и в связи с чем оно осуществляется, тем не менее это не исключает большой степени вероятности совершения его не в порядке самоцели, а в виде средства оказания влияния на органы власти и управления, вынуждения их к принятию какого-либо решения либо воздержанию от него.

Деяния, подпадающие под признаки остальных составов рассматриваемых групп, обычно проявляют себя не на общесоциаль-

¹⁵⁹ Карпец И. И. Преступления международного характера. М.: Юрид. лит., 1979. С. 99.

ном, а на узкогрупповом или индивидуальном уровне, хотя признаки терроризирования в составах также могут быть выражены как в обязательном, так и факультативном либо «латентном» порядке. Стержнем данных преступлений также являются угрозы (словесные или действием), направленные на запугивание, сопряженные с соответствующими требованиями и целью понуждения к каким-либо действиям или отказу от них.

Между тем изучение соответствующих статей, к примеру УК России, Украины, Беларуси, позволяет обнаружить множество вариантов формулировок с тем или иным «набором» угроз, выступающих в качестве признаков состава большого числа преступлений. Их анализ показывает отсутствие какого-либо логического смысла в том, что в одних случаях уголовно наказуемо понуждение под угрозой насилем, в других — под угрозой насилем или причинением имущественного вреда, в третьих — под угрозой насилем, причинением имущественного вреда или оглашением каких-то сведений, в четвертых — под угрозой насилем, причинением имущественного вреда, оглашением сведений, а также ущемлением прав и законных интересов. Можно встретить и указание на угрозу как таковую без конкретизации ее признаков. Говорится в уголовном законе и об угрозе убийством или причинением тяжких телесных повреждений, об угрозе убийством или насилем, об угрозе убийством или причинением вреда здоровью, об угрозе насилем. Имеются составы преступлений с уголовно наказуемой угрозой уничтожения имущества, уничтожения или повреждения имущества, уничтожения, повреждения или изъятия имущества либо с угрозой причинения вреда без обозначения его признаков. В некоторых статьях речь идет об угрозе в отношении личного имущества, в других — как личного имущества, так и имущества, находящегося в ведении или под охраной. Можно найти упоминания об угрозе разгласить позорящие сведения, в других составах — сведения, которые желают сохранить в тайне, в третьих — сведения, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам. Встречаются составы преступлений, где предусмотрена уголовная ответственность за угрозы лишь в адрес потерпевших, в других — как потерпевших, так и их близких.

Более того, согласно новому УК Украины перечень лиц, угрозы которым приравниваются к угрозам в адрес потерпевших, весьма далек от единообразия и по совершенно непонятным причинам в кодексе употребляются четыре различных по объему и кругу лиц понятия — «близкие родственники», «родственники», «близкие» («близкие лица»), «иные (другие) лица». При этом разные понятия употребляются в однотипных составах, что, безусловно, создает дополнительные трудности в правоприменительной практике.

Так, в составах, устанавливающих ответственность за преступления против здоровья в качестве квалифицированных составов предусмотрены: умышленное тяжкое телесное повреждение с целью запугивания потерпевшего или *иных лиц* (ч. 2 ст. 121); умышленное средней тяжести телесное повреждение с целью запугивания потерпевшего либо его *родственников* (ч. 2 ст. 122); побои и истязания с целью запугивания потерпевшего или его *близких* (ч. 2 ст. 126). Возможно ли здесь установить какую-либо логическую связь?

Далее, согласно ст. 350 УК Украины угроза или насилие в отношении должностного лица или гражданина, исполняющего общественный долг, наказуемы как в случае совершения этих действий против указанных лиц, так и их *близких*, тогда как умышленное уничтожение или повреждение имущества, совершенное в связи с деятельностью тех же самых лиц согласно ст. 352 УК наказуемо, если оно совершено против этих лиц или их *близких родственников*. С другой стороны, угроза или насилие в связи с деятельностью работника правоохранительного органа (ст. 345), государственного или общественного деятеля (ст. 346), судьи, народного заседателя или присяжного (ст. 377) наказуемы, если они направлены против этих лиц или их *близких родственников*. Спрашивается: почему близкие лица этих работников оказались в менее защищенном положении от угроз и насилия, чем близкие должностного лица или гражданина, исполняющего общественный долг?

И еще: весьма сложно уразуметь, почему противодействие законной хозяйственной деятельности (ст. 206) и принуждение работника транспорта к невыполнению своих служебных обязанностей (ст. 280) наказуемо при совершении указанных действий как против потерпевшего, так и его *близких*, а вымогательство во всех его фор-

мах и видах (в УК Украины 9 составов вымогательства: 1 общий и 8 специальных) будет иметь место лишь в случаях совершения этих действий против потерпевшего или его *близких родственников*?

Вполне очевидно, что необходимо в срочном порядке избавиться УК Украины от этой терминологической неразберихи и оставить из четырех какой-то один термин. Наиболее удачным и апробированным в уголовном законодательстве является термин «близкие» («близкие лица»), который в однозначном порядке употребляется в УК РФ и УК Республики Беларусь во всех составах с признаками терроризирования.

Что же касается понятий «близкие родственники», «члены семьи», то они уместны в УК лишь применительно к специальным случаям освобождения от уголовной ответственности, например, за отказ от дачи показаний (примечание к ст. 308 УК РФ; ч. 2 ст. 385 УК Украины; примечание к ст. 402 УК РБ), за недонесение (примечание к ст. 406 УК РБ), за заранее не обещанное укрывательство (примечание к ст. 316 УК РФ) и т. п.

С учетом изложенного представляется также вполне возможным и необходимым произвести унификацию формулировок угроз в уголовном законодательстве, что позволит сделать уголовный закон еще более научно выверенным и удобным для правоприменительной практики¹⁶⁰. Думается, что все угрозы можно разделить на две разновидности: угрозы, направленные на понуждение (принуждение, воздействие, воспрепятствование) и иные угрозы (из мести, в связи с осуществленной деятельностью).

В зависимости от того, к какой разновидности угроз относится предусмотренная составом преступления угроза, возможно предложить следующие варианты унифицированных формулировок.

В тех случаях, когда угроза сопряжена с понуждением к совершению каких-либо действий или отказу от них, в составах преступлений можно предусмотреть следующий единообразный блок угроз: «Под угрозой насилием над потерпевшим или его близкими, ущемлением прав или законных интересов этих лиц, причинением вреда в от-

¹⁶⁰ См.: Емельянов В., Лукашов А. Не пора ли унифицировать формулировки угроз в уголовном законодательстве? // Судовы веснік. 1998. № 4. С. 58.

ношении их имущества либо имущества, находящегося в их ведении или под охраной, либо разглашением сведений, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне».

Если же угроза не сопряжена с понуждением, то в криминализации, безусловно, нуждается гораздо меньший блок угроз и здесь будет вполне достаточным установление уголовной ответственности за угрозу насилем над потерпевшим или его близкими или причинением вреда в отношении имущества потерпевшего или его близких.

Конечно, некоторые составы в силу их специфики невозможно будет подвести под указанные схемы, но в большинстве своем составы, содержащие признаки деяний с элементами терроризирования, от унификации обрели бы только более совершенный и законченный вид.

Следует заметить, что новый УК Республики Беларусь уже сделал серьезный шаг к унификации составов преступлений с признаками терроризирования. Хотя белорусский законодатель и не пошел по пути унификации отдельных составов, зато ввел в УК РБ общий унифицированный состав — ст. 185 (принуждение), диспозиция которого гласит: «Принуждение лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия, совершенное под угрозой применения насилия к нему или его близким, уничтожения или повреждения их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, либо под угрозой ущемления прав, свобод и законных интересов этих лиц, при отсутствии признаков более тяжкого преступления».

Подобная норма имеет место, например, и в Примерном УК США, где в ст. 212.5. (преступное принуждение) указывается следующее: «Лицо виновно в совершении преступного принуждения, если с целью неправомерно ограничить свободу действий другого лица в ущерб ему оно угрожает:

- а) совершить какое-либо преступное посягательство; или
- б) обвинить кого-либо в совершении преступного посягательства; или
- в) разгласить какую-либо тайну, с тем, чтобы навлечь на какое-либо лицо ненависть, презрение или подвергнуть его насмешкам или

подорвать оказываемое ему доверие или его деловую репутацию; или

д) в качестве должностного лица совершить акцию или воздержаться от ее совершения, или сделать так, чтобы какое-либо должностное лицо совершило акцию или воздержалось от ее совершения»¹⁶¹.

УК ФРГ в § 240 (принуждение) провозглашает: «Кто с применением насилия или с угрозой причинения значительного вреда противоправно принуждает другого человека к совершению действия, допущению действия или к бездействию, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом»¹⁶².

В ст. 143 УК Республики Болгария зафиксировано следующее: «Кто принудит другого совершить или не совершить либо претерпеть что-либо вопреки его воле, применив для этого насилие, угрозу или злоупотребив властью, наказывается лишением свободы до шести лет»¹⁶³.

Эффект от такой уголовно-правовой нормы двоякий: во-первых, она служит своеобразным эталоном для тех специальных составов, в которых имеется указание на принуждение (понууждение), но не указывается, в чем оно должно выражаться, а, во-вторых, она устраняет пробельность уголовного законодательства, когда в тех или иных составах преступлений с признаками терроризирования перечень угроз ограничен отдельными конкретными разновидностями.

При всей позитивности такой законодательной новеллы, очевидно, что ее следует рассматривать как определенный промежуточный этап осуществления более обстоятельной унификации составов и ликвидации пробельности в самих признаках конкретных составов, дабы за счет формальных признаков искусственно не разрывать по существу тождественные деяния и не квалифицировать их по различным составам.

В особенности это касается такого состава преступления с признаками терроризирования, как вымогательство. В уголовном законода-

¹⁶¹ Примерный Уголовный кодекс США. С. 135.

¹⁶² Уголовный кодекс ФРГ / Пер. с нем. М.: ЗЕРЦАЛО, 2000. С. 138.

¹⁶³ Уголовный кодекс Республики Болгария / Ред. кол.: А. И. Лукашов (науч. ред.) и др.; Пер. с болг. Д. В. Милушева, А. И. Лукашова; Вступ. ст. Й. И. Айдарова. Минск, Тесей, 2000. С. 71.

тельстве, например, России и Туркменистана при некоторых нюансах состав вымогательства сформулирован примерно одинаково — как требование передачи чужого имущества или права на имущество либо совершения иных действий имущественного характера под угрозой насилия над потерпевшим или его близкими, уничтожения или повреждения чужого имущества, либо разглашения позорящих сведений или иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. В УК России и Туркменистана речь идет о требовании передачи чужого имущества под угрозой уничтожения или повреждения «чужого» имущества. Такая формулировка представляется излишне широкой, поскольку понятие угрозы в отношении «чужого» имущества может охватить различные случаи угроз, в том числе и не имеющих отношения к имуществу, в котором потерпевший или его близкие каким-то образом заинтересованы. Ведь вымогательство сконструировано как «формальный» состав и по формальным основаниям состав преступления налицо с момента предъявления требований под угрозой уничтожения или повреждения чужого имущества, а должно ли иметь это имущество какое-то отношение к потерпевшему или его близким — из статьи закона (ст. 163 УК РФ, ст. 232 УК Туркменистана) усмотреть невозможно. Правда, в источниках, комментирующих этот состав, указывается, что здесь имеются в виду угрозы уничтожить или повредить имущество, принадлежащее потерпевшему или его близким либо вверенное им¹⁶⁴, но это больше похоже на дань традиции, в конструкции же самого состава достаточно резервов для расширительного толкования.

В то же время традиционные указания на уголовную наказуемость лишь тех угроз в отношении имущества, в которых речь идет о его уничтожении или повреждении, необоснованно оставляют за рамками состава случаи вымогательства, сопряженные с иными формами угроз, но способных оказать воздействие на потерпевшего в не меньшей, а может быть и в большей степени, чем традиционно выраженные в составе вымогательства угрозы. Так, в современной действительности требования передачи какой-либо части имущества

¹⁶⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С. И. Никулина. М.: Изд-во «Менеджер» совместно с изд-вом «Юрайт», 2000. С. 485.

под угрозой организации хищения более значительной части (или серии таковых) не менее реальны и опасны, чем угрозы, касающиеся уничтожения или повреждения имущества либо разглашения каких-то сведений. Также вполне реальны угрозы не в отношении имущества, а в отношении имущественных и других прав и интересов потерпевшего или близких ему лиц, что может иметь место при взаимодействии вымогателей с коррумпированными или запуганными ими чиновниками, когда, к примеру, условия аренды помещения и само право нахождения в этом помещении либо на данном участке земли будет зависеть от волеизъявления криминальных элементов. Думается, что формулировка состава вымогательства должна быть такой, чтобы под нее попадали не только требования передачи чужого имущества, сопряженные с угрозой уничтожения или повреждения имущества, но также и сопряженные с угрозой похищения, незаконного завладения или иных незаконных действий в отношении имущества, а равно с угрозой ущемления прав или законных интересов потерпевшего или его близких. Попытки совершенствования состава вымогательства в этом плане уже предпринимаются на законодательном уровне. Так, в ст. 183 Уголовного закона Латвии наряду с другими угрозами в адрес потерпевшего или его близких предусмотрены угрозы «причинения им иного существенного вреда», в ст. 165 УК Узбекистана предусмотрено также вымогательство «путем создания обстановки, вынуждающей потерпевшего передать имущество или право на имущество», а в ст. 213^a УК Республики Болгария — вымогательство, сопряженное с угрозой «другим противозаконным действием с тяжкими последствиями» для потерпевшего или его родственников.

В противном случае собственник оказывается незащищенным от вымогателей, которым не представляет большого труда «вычислить»: сопряженность с какими угрозами сделает незаконное требование о передаче чужого имущества ненаказуемым в уголовном порядке.

Согласно уголовному законодательству Украины собственник не защищен в случае предъявления требований передачи принадлежащего ему имущества под угрозой в отношении близких ему лиц, не относящихся к категории близких родственников, хотя в целом

состав вымогательства в ст. 189 УК сформулирован (за исключением указанного недостатка) фактически беспробельно: «Требование передачи чужого имущества либо права на имущество или совершения каких-либо действий имущественного характера под угрозой насилия над потерпевшим или его близкими родственниками, ограничения прав, свобод или законных интересов этих лиц, повреждения либо уничтожения их имущества или имущества, находящегося в их ведении либо под охраной, или разглашения сведений, которые потерпевший либо его близкие родственники желают сохранить в тайне (вымогательство)».

Серьезный пробел, как представляется, допущен и в новой формулировке вымогательства, имеющей место в ст. 208 УК Республики Беларусь: «Требование передачи имущества или права на имущество либо совершения каких-либо действий имущественного характера под угрозой применения насилия к потерпевшему или его близким, уничтожения или повреждения их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне (вымогательство)». Таким образом, независимо от формы собственности на истребуемое имущество вымогательство согласно ст. 208 УК РБ будет иметь место лишь в случае сопряженности требований с угрозами в отношении имущества потерпевшего или его близких («их имущества») — и только, а угрозы в отношении государственного или коллективного имущества из этого состава уже исключены. Получается, что огромная часть опаснейших случаев вымогательства, сопряженных с угрозами в отношении государственного или общественного имущества, по существу декриминализована(?!). Хотя в УК РБ и существует для случаев незаконного принуждения универсальный состав (ст. 185), но его санкция не идет ни в какое сравнение с санкциями, предусмотренными в составе вымогательства, что, безусловно, позволит лицам, фактически совершившим тяжкие преступления, уходить от заслуженного наказания, «спрятавшись» за ст. 185 УК РБ.

Думается, что оптимальным вариантом здесь может быть совершенствование в этой части состава вымогательства и устранение пробельности в его признаках. Поэтому в порядке рабочей гипотезы

предлагается следующая формулировка статьи, предусматривающей ответственность за вымогательство:

Требование передачи чужого имущества или права на имущество, либо совершения иных действий имущественного характера под угрозой насилия над потерпевшим или его близкими, ущемления прав или законных интересов этих лиц, причинения вреда в отношении их имущества или имущества, находящегося в их ведении или под охраной, либо разглашения сведений, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне (вымогательство).

Предлагаемая формулировка устраняет не только пробельность в уголовном законодательстве, но и существующее в настоящий момент в ряде УК несоответствие между понятиями вымогательства имущества и вымогательства взятки, что особенно важно в связи с тем, что в уголовном законодательстве имеют место также специальные составы, предусматривающие ответственность за вымогательство конкретных предметов — огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ; радиоактивных материалов, наркотических средств, психотропных веществ или прекурсоров, а потому необходимо единообразное толкование самого понятия «вымогательство».

Вымогательство специальных предметов, а равно вымогательство взятки как деяния с признаками терроризирования, хотя и выражены в составах самостоятельно, но наряду с признаками других деяний (как правило, хищения, а вымогательство взятки — в качестве одного из квалифицирующих признаков) в сложных составах с альтернативными деяниями, которые составляют вторую подгруппу первой группы предложенной выше классификации.

Особое внимание в этой подгруппе привлекает состав, содержащий признаки действий, дезорганизирующих работу исправительно-трудовых учреждений (мест лишения свободы, учреждений по исполнению наказаний), поскольку в ряде УК присутствует в этом составе термин «терроризирование», а объективная сторона может выражаться в четырех формах: 1) терроризирование в местах лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления; 2) нападение на администрацию; 3) организация преступной группировки.

4) активное участие в такой группировке. Каждая из форм преступной деятельности может осуществляться самостоятельно и отдельно квалифицироваться по соответствующей статье УК (ст. 392 УК Украины; ст. 410 УК РБ; ст. 220 УК Узбекистана). При этом отсутствие террористической направленности в действиях, хотя формально и подпадающих под первую из рассматриваемых разновидностей, означает отсутствие этой формы преступной деятельности в целом и невозможность квалификации по данной статье УК. Остальные формы преступной деятельности подпадают под признаки рассматриваемого состава независимо от того, совершены ли они с террористической направленностью или без таковой.

Как было показано ранее, понятие «терроризирование», содержащееся в настоящем составе, подвергнуто расширительному толкованию высшими судебными инстанциями за счет отнесения к терроризированию насильственных действий, совершенных из мести, когда акт мести выступает в качестве конечной цели виновного.

Думается, что судебные инстанции вслед за Пленумом Верховного Суда СССР¹⁶⁵ пошли на расширительное толкование понятия «терроризирование» вследствие не совсем удачной конструкции соответствующей статьи УК. Невольно возникает вопрос: а нужен ли здесь этот термин, содержание которого является предметом дискуссий и точные смысловые очертания которого еще только предстоит определить. Ведь основное назначение этой статьи состоит в усилении ответственности за любые противодействия достижению целей наказания, и какая в принципе разница — совершено ли это деяние с террористической направленностью или без таковой, а потому, видимо, Пленум Верховного Суда и охватил понятием «терроризирование» также случаи совершения подобных действий из мести. С другой стороны, акцентирование внимания в диспозиции статьи на терроризировании заключенных как бы затушевывает тот непреложный факт, что с террористической направленностью могут со-

¹⁶⁵ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1962 г. «О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2. М.: Известия, 1978. С. 144—145.

вершаться деяния и против представителей администрации мест лишения свободы.

Представляется, что совершенствование диспозиции этой статьи может идти в одном из трех направлений: либо по пути уточнения понятия «терроризирование» и придания ему собственного значения, исключающего возможность расширительного толкования, либо по пути указания терроризирования в качестве квалифицирующего признака данного состава, либо по пути отказа от самого термина «терроризирование» как пока не устоявшегося и еще дискуссионного.

Думается, что наиболее оптимальным будет третий вариант. Он нашел применение в ст. 321 УК РФ и ст. 213 УК Туркменистана, в диспозиции которых собственно терроризирование, т. е. действия с целью воспрепятствовать исправлению осужденного, отделено от действий из мести за исполнение им общественной обязанности, в связи с чем предлагается следующая редакция диспозиции настоящей статьи:

Насилие или угроза применения насилия в отношении сотрудника исправительных учреждений, а также в отношении осужденного с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за исполнение им общественной обязанности, а также организация для совершения указанных действий преступной группировки либо активное участие в такой группировке, совершенные лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы.

Однотипным является и состав преступления, устанавливающий ответственность военнослужащего за сопротивление начальнику, а также иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности по военной службе, или принуждение его к нарушению этих обязанностей.

Здесь свойства терроризирования в деянии отражаются указанием в статье закона на принуждение к нарушению обязанностей, что отдельно выделено в признаках состава.

В соответствии со ст. 333 УК РФ и ст. 338 УК Туркменистана принуждение может быть сопряжено с насилием или с угрозой его применения в отношении самого начальника. В то же время ст. 337 Уголовного закона Латвии, ст. 281 УК Узбекистана, ст. 404 УК Ук

раины упоминают лишь о принуждении, не раскрывая, каким образом оно должно быть осуществлено.

В Научно-практическом комментарии к Уголовному кодексу Украины указывается, что для состава принуждения необходимо наличие следующих обязательных признаков: а) применение к начальнику или иному лицу, исполняющему обязанности по военной службе, психического или физического насилия; б) предъявление к указанным лицам конкретных требований, направленных на противозаконное приостановление или изменение характера их служебной деятельности¹⁶⁶.

Остается неясным: что понимать под психическим принуждением, то ли угрозы насилием лишь в адрес самого начальника, либо также и близких ему лиц. Между тем в современных условиях армейская жизнь не столь автономна, как это имело место до распада Советского Союза, когда военнослужащие срочной службы были практически изолированы от своей микросреды в силу хотя бы значительной удаленности места службы от места жительства. В настоящее время (особенно в территориально небольших государствах), когда семья и другие близкие лица как самого военнослужащего, так и его начальника могут находиться недалеко от места срочной службы, в случае конфликтной ситуации вполне реально возникновение любых вариантов угроз с целью понуждения к нарушению обязанностей. В этой ситуации военачальники оказываются в менее защищенном уголовным законом положении, чем другие граждане. Поэтому в целях обеспечения, лучшей защищенности военачальников и их близких представляется необходимым дополнить рассматриваемую статью указанием о том, понуждение в какой форме и каким образом здесь имеется в виду — путем насилия или угрозы насилием над потерпевшим или его близкими, а также путем иных угроз, содержащихся в предложенной выше унифицированной формулировке. Необходимость в таком дополнении отсутствует лишь применительно к УК Республики Беларусь, в котором ст. 440 хотя и содержит указание на принуждение начальника без каких бы то ни было уточнений о формах его проявления, тем не менее, об-

¹⁶⁶ Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України від 5 квітня 2001 року. С. 992

роризирования, так и те, которые таковых не имеют, т. е. терроризирование имеет место в данном случае в качестве факультативного признака, а такого рода составы входят во вторую группу предложенной классификации, и в частности, в ее первую группу.

В составах первой подгруппы второй группы, хотя в них имеется прямое указание на вмешательство, воспрепятствование, принуждение и т. п., факультативность терроризирования обусловлена тем, что достижение предусмотренных в этих составах целей возможно также либо с помощью действий, не направленных на устрашение, либо с помощью непосредственного насилия без стремления к какому-либо понуждению.

Так, по смыслу статей УК, предусматривающих ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, воздействие на судей, прокуроров, следователей или лиц, производящих дознание с целью воспрепятствовать исполнению ими своих служебных обязанностей и добиться неправомερных решений может иметь разные формы: оказание услуг, обещание каких-либо преимуществ или помощи в продвижении по службе, угрозы способствовать увольнению с должности или наступлению иных неблагоприятных обстоятельств как для потерпевшего, так и для его близких. Характер терроризирования указанные деяния имеют в случае выражения угроз с целью воздействия в любой подпадающей под эти статьи форме (т. е. за исключением тех, которые прямо предусмотрены в составах, устанавливающих ответственность за угрозы в адрес этих лиц). Воздействие путем обещания либо предоставления каких-то услуг или преимуществ к терроризированию отнести невозможно, но квалифицируется оно по тем же статьям.

Из отнесенных к рассматриваемой подгруппе составов воспрепятствования какой-либо деятельности либо прекращения ее также усматривается, что эти деяния могут как содержать элементы терроризирования, так и вести к достижению цели виновных самим фактом физического воздействия.

Составы другой группы второй подгруппы, хотя их конструкции и однотипны, тем не менее они содержат признаки деяний, ко

торые в реальной действительности свойства терроризирования могут проявлять с неодинаковой степенью вероятности. Так, наибольшая вероятность сопряженности деяния с терроризированием в таких преступлениях, как преследование граждан за критику (ст. 197 УК РБ) причинение вреда здоровью с целью запугивания (ч. 2 ст. 121, ч. 2 ст. 126 УК Украины) и наименьшая — в посягательстве на жизнь судьи, работника правоохранительного органа и других лиц в связи с их служебной деятельностью, поскольку, посягая на чью-то жизнь, виновное лицо уже не рассчитывает на то, чтобы как-то воздействовать на деятельность потерпевшего. Здесь терроризирование может быть адресовано третьим лицам, как физическим, так и юридическим и имеет определенное отношение к потерпевшему лишь тогда, когда лишения жизни фактически не последовало.

Под признаки указанных составов подпадают и те, которые предусматривают ответственность за угрозу или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования, направленные в отношении соответствующих должностных лиц или их близких. Деяния, квалифицируемые по этим составам, в равной степени вероятности могут быть как направленными к понуждению, так и выступать в качестве самоцели, поэтому при той конструкции, которая типична для этих составов, их унификацию можно осуществить либо в соответствии со второй предложенной выше формулировкой угроз, либо предусмотреть в отдельных составах угрозы, сопряженные с понуждением, и угрозы, не связанные с понуждением к чему-то, что представляется более правильным, поскольку степень общественной опасности этих видов угроз различна.

Несмотря на то, что в деяниях, предусмотренных рассматриваемыми составами, угроза нередко служит средством воздействия, понуждения к каким-либо действиям, их конструкции не представляется возможным без серьезных изменений привести в соответствие с первой схемой унификации угроз, поскольку при таком подходе будут подвергнуты излишней криминализации те угрозы, которые не сопряжены с понуждением, а значит представляют меньшую опасность, но которые тоже подпадают под эти составы. В качестве примера такого искусственного расширения сферы уголовной репрессии

выступает ст. 389 УК Республики Беларусь, которая гласит: «Угроза убийством, насилием, уничтожением или повреждением имущества в отношении судьи, заседателя или их близких либо угроза распространением клеветнических или оглашением иных сведений, которые эти лица желают сохранить в тайне, совершенная в связи с осуществлением судьей или заседателем правосудия». Понятно, что для тех случаев, когда угрозы сопряжены со стремлением как-то воздействовать на судью или заседателя, есть необходимость в криминализации всех предусмотренных составом вариантов угроз. Но если угроза не сопряжена ни с каким понуждением, установление уголовной ответственности за угрозу, скажем, разгласить какие-то сведения, представляется совершенно излишним.

Для того чтобы избежать, с одной стороны, искусственного расширения сферы уголовной репрессии, а, с другой стороны, необоснованного смягчения ответственности за опасные преступления, сопряженные с откровенным терроризированием, представляется необходимым в рассматриваемых составах в отдельном порядке предусмотреть ответственность за угрозы, сопряженные с понуждением (принуждением, воздействием), и угрозы, не направленные на понуждение, а значит не являющиеся терроризированием в собственном значении этого понятия.

Такой подход имеет место, в частности, в ст. 309 УК РФ, предусматривающей раздельную ответственность за подкуп свидетеля, потерпевшего, переводчика или эксперта и за принуждение их к тем или иным действиям, и в УК Китайской Народной Республики, в ст. 307 которого установлена ответственность за принуждение свидетеля к даче ложных показаний путем насилия, угроз или иными способами, а в ст. 308 — за избиение свидетеля «ради сведения с ним счетов»¹⁶⁷, что представляется совершенно правильным. Более того, подобный подход нуждается в дальнейшем развитии и активном внедрении в уголовное законодательство, ибо, как показал проведенный выше анализ составов, в редких случаях деяния с элемен-

¹⁶⁷ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Под ред. и с предисл. проф. А. И. Коробеева; Пер. с кит. Д. В. Вичикова. Владивосток, Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 118–119.

тами терроризирования выражены в них, так сказать, в «чистом» виде. напротив, эти составы, как правило, содержат «примеси» признаков других деяний.

В этой связи возникает вопрос об определении на основе проведенного анализа составов преступлений, содержащих признаки деяний с элементами терроризирования, родового понятия (родового состава) преступлений с признаками терроризирования и видового понятия состава (видового состава) преступлений террористического характера (террористической направленности), которому соответствует понятие терроризма в самом широком смысле, что базируется на существующем в уголовно-правовой науке общем, родовом и видовом понятии состава преступления (общем, родовом и видовом составе преступления). «Как понятие преступления, так и понятие состава преступления, — отмечает В. Н. Кудрявцев, — могут быть абстракциями различных степеней. Например, мы говорим о краже и составе кражи. Более высокой степенью обобщения будут понятие хищения... и понятие состава хищения. Наконец, наивысшей степенью абстракции применительно к преступным деяниям будет общее понятие преступления... которому соответствует общее понятие состава преступления»¹⁶⁸.

Сама правомерность существования указанных категорий в науке уголовного права практически никем не оспаривается, споры вызывает лишь терминологический аспект проблемы, т. е. какое понятие является более точным — «общий (родовой, видовой) состав» или «общее (родовое, видовое) понятие состава».

Таким образом, общее понятие преступления образуют такие сущностные и формальные признаки деяния, как общественная опасность, противоправность, виновность и угроза наказанием, а общее понятие состава преступления — признаки структурных элементов преступного деяния (объекта, субъекта, объективной и субъективной стороны). «Общее понятие состава преступления и материальное понятие преступления, — отмечают В. В. Мороз и О. А. Безлюдов, — тесно связаны между собой, но не тождественны. Они различным образом выражают существенные признаки одних и

¹⁶⁸ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. С. 45.

тех же негативных явлений общественной жизни — преступлений. В материальном понятии преступления раскрывается его социальная значимость как общественно опасного деяния... Оно охватывает лишь наиболее характерные и существенные признаки, присущие каждому деянию... Общее понятие состава преступления — научный инструмент познания конкретных составов. Включая в себя основные объективные и субъективные признаки, присущие каждому составу преступления, оно раскрывает общие черты юридической структуры конкретных составов преступлений»¹⁶⁹. Таким образом, общее понятие состава преступления является не пустой абстракцией, а необходимой ступенью, предпосылкой к познанию конкретных составов преступлений¹⁷⁰.

Наряду с общим понятием состава в современной науке выделяют также родовое понятие состава (родовой состав)¹⁷¹. Нередко последнее понятие называют также общим составом или общими признаками той или иной категории преступлений.

Так, В. М. Чхиквадзе, рассматривая «состав воинского преступления», обращает внимание на следующее: «Состав воинского преступления можно определить как совокупность основных признаков, образующих то или иное воинское преступление. Признаки воинского преступления могут быть общими, т. е. присущими всем воинским преступлениям, и специальными, т. е. присущими лишь отдельным, конкретным воинским преступлениям»¹⁷².

Б. С. Утевский в монографии, посвященной рассмотрению должностных преступлений, часть вторую этой монографии назвал «Общий состав должностного преступления»¹⁷³. В то же время

¹⁶⁹ Мороз В. В., Безлюдов О. А. Уголовное право Республики Беларусь (Общая часть). Учебник. Минск, БелНИУФЭ, 1997. С. 59–60.

¹⁷⁰ Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М.: Юрид. лит., 1963. С. 95.

¹⁷¹ См.: Курс советского уголовного права (Часть Общая). Т. 1. Л.: ЛГУ, 1968. С. 250–260. Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть Общая / Отв. ред. Ф. Г. Бурчак. Киев, Наукова думка, 1985. С. 63–65.

¹⁷² Чхиквадзе В. М. Военно-уголовное право. Часть I — Общая. М.: РИО ВЮА КА, 1948. С. 160.

¹⁷³ Утевский Б. С. Общее учение о должностных преступлениях. М.: Юриздат Министрств ССРСР, 1948. С. 292–400.

Б. А. Куринов при исследовании уголовной ответственности за хищение останавливается на понятии хищения, раскрывая его признаки¹⁷⁴, а при исследовании преступлений против жизни Н. И. Загородников говорит об общих признаках¹⁷⁵, М. К. Аниязц — общей характеристике преступлений против жизни¹⁷⁶. Говоря о том же, В. Н. Кудрявцев упоминает о признаках состава хищения¹⁷⁷ и состава умышленного убийства¹⁷⁸, а А. В. Наумов выделяет и рассматривает признаки состава насильственных преступлений¹⁷⁹. То есть по существу различия носят опять-таки сугубо терминологический характер, поскольку во всех рассматриваемых случаях речь идет об однотипных уголовно-правовых категориях, порожденных той или иной степенью научной абстракции. Исследуя соотношения подобных категорий на примере объективной стороны преступления, В. Н. Кудрявцев сделал такое заключение: «На ступени единичного конкретного преступления понятие “объективная сторона преступления” шире объективной стороны как элемента состава, так как оно включает не только те признаки, которые являются общими для всех преступлений данного вида... но и индивидуальные признаки, свойственные только данному случаю. На всех последующих ступенях абстракции (вида, рода, общего понятия преступления) понятия объективной стороны преступления и состава теоретически совпадают. Поэтому в указанных случаях вполне правомерно употреблять в совершенно одинаковых значениях термины “объективная сторона состава” и “объективная сторона преступления”, так как оба эти понятия включают соответственно одни и те же признаки (видовые, родовые, общие признаки преступления)»¹⁸⁰.

¹⁷⁴ Куринов Б. А. Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества. М.: Госюриздат, 1954. С. 16–52.

¹⁷⁵ Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. С. 26–74.

¹⁷⁶ Аниязц М. К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М.: Юрид. лит., 1964. С. 10–28.

¹⁷⁷ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. С. 47.

¹⁷⁸ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. С. 82.

¹⁷⁹ См.: Насильственная преступность / Под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. М.: Спарк, 1997. С. 60–62.

¹⁸⁰ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. С. 45–46.

Родовое понятие состава (родовой состав) — это абстракция, которой не знает закон¹⁸¹. В то же время вызывает возражение вывод М. П. Карпушина и В. И. Курляндского о том, что «выделение родового состава теоретически возможно, но для практических нужд вряд ли целесообразно»¹⁸². Указанный вывод противоречит их же утверждению: «Общие понятия преступления и состава преступления необходимы для более глубокого уяснения смысла конкретных преступлений и конкретных составов преступлений»¹⁸³. Но если для глубокого уяснения смысла конкретных преступлений и их составов полезно общее понятие состава, то тем более полезно уяснение этого смысла на родовом и видовом уровнях. «Все, что может быть изменено количественно как единичное, видовое, родовое и всеобщее, — замечает М. И. Ковалев, — может быть определено понятием на различных ступенях абстракции»¹⁸⁴.

Понятие родового (видового) состава имеет не только теоретическое, но и практическое значение, и не только в том смысле, что позволяет глубже понять существующие составы, но и в большей мере в том плане, что позволяет вырабатывать признаки вновь вводимых в УК конкретных составов с большей точностью и научной выверенностью, служа определенным ориентиром. Таким ориентиром для построения конкретного состава терроризма могут быть родовый состав (родовое понятие состава) преступлений с признаками терроризирования и видовой состав (видовое понятие состава) преступлений террористического характера, признаки которых совпадают теоретически и практически с рассмотренными выше признаками соответственно преступлений с признаками (элементами) терроризирования и терроризма в самом широком смысле. В этой связи такие понятия, как «видовой состав преступлений террористического характера» и «видовой состав терроризма» представляется возможным употреблять как взаимозаменяемые.

¹⁸¹ Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть Общая. С. 65.

¹⁸² Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М.: Юрид. лит., 1974. С. 163.

¹⁸³ Там же. С. 166.

¹⁸⁴ Ковалев М. И. Понятие и признаки преступления и их значение для квалификации: Учеб. пособие. Свердловск, Свердл. юрид. ин-т, 1974. С. 57.

Пренебрежение канонами родового (видового) понятия состава приводит к тому, что в конкретных составах, относящихся к соответствующему роду (виду), либо присутствуют признаки деяний, не имеющих прямого отношения к данной категории преступлений, либо, наоборот, упускаются из виду признаки тех деяний, которые по сути идентичны с данной категорией преступлений, и это в той или иной мере характерно для всех вновь принятых составов терроризма.

В частности, ст. 155 УК Узбекистана гласит следующее:

«*Статья 155. Терроризм*

Действия, направленные на понуждение государства, международной организации, физического или юридического лица совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия, соединенные с угрозой убийством или применением насилия, захватом или удержанием собственности или лица в качестве заложника, нападением на служебные помещения представительств иностранных государств или международных организаций, пользующихся международной защитой, на принадлежащие или арендуемые ими жилые помещения, в целях осложнения международных отношений, провокации войны или дестабилизации обстановки в Республике Узбекистан, —

наказываются лишением свободы от восьми до десяти лет с конфискацией имущества.

Покушение на жизнь, причинение телесного повреждения государственному или общественному деятелю или представителю власти, совершенное в связи с их государственной или общественной деятельностью с целью дестабилизации обстановки или воздействия на принятие решений государственными органами либо воспрепятствования политической или иной деятельности, —

наказывается лишением свободы от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

Действия, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, повлекшие:

- а) смерть человека;
- б) иные тяжкие последствия, —

наказываются лишением свободы от пятнадцати до двадцати лет или смертной казнью с конфискацией имущества».

Как видно, под специальную норму о терроризме здесь угодили в основном действия, лишь отдаленно напоминающие собственно терроризм, т. е. различные преступления с элементами терроризирования либо вообще не имеющие никакой террористической направленности, в частности, убийство государственного или общественного деятеля или представителя власти с целью воспрепятствования его политической или общественной деятельности самим фактом убийства, а не посредством какого-либо понуждения. Рассматриваемый состав не представляет собой органичного единства признаков, характеризующих преступления определенного вида. По существу здесь содержится два самостоятельных состава с признаками альтернативных деяний, искусственно сведенных в одну статью, имеющую название, не соответствующее сути и характеру описанных в ней деяний.

В части первой устанавливается ответственность за нападение на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой. Такого рода деяния, конечно, могут иметь элементы терроризирования, но могут и не иметь таковых, а возможность стать актами терроризма у них не столь велика, чтобы все их относить к разряду терроризма. Поэтому совершенно верно, как отмечалось ранее, в других государствах составы, устанавливающие ответственность за нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, предусмотрены в самостоятельном порядке отдельно от составов терроризма.

В части второй рассматриваемого состава терроризма определяется ответственность за посягательство на жизнь, причинение телесного повреждения государственному или общественному деятелю или представителю власти, но и эти деяния, как было показано ранее, могут быть проявлением терроризирования, а могут и не быть, и в редких случаях они становятся террористическими актами или актами терроризма. Таким образом, согласно конструкции ст. 155 УК Узбекистана состав терроризма содержит здесь признаки деяний не одного вида, а различных, весьма далеких друг от друга видов преступлений, описанных, в особенности в первой части, с излишней детализацией, что не в полной мере соответствует научным

представлениям о конструировании диспозиций статей уголовного закона. «При конструировании описательных диспозиций, — указывает Я. М. Браинин, — целесообразно в одинаковой мере избегать как чрезмерно обобщенного описания в них составов преступлений, так и казуистической их обрисовки. ...Описательная диспозиция должна, таким образом, содержать родовые признаки данного вида преступления, т. е. такие признаки, которые встречаются во всех конкретных формах данного вида преступления»¹⁸⁵. Как отмечает Н. И. Панов, «состав преступления могут образовывать лишь признаки, которые в своей совокупности отражают сущность преступлений данного вида, свидетельствуют в общих чертах о его общественной опасности»¹⁸⁶. «Состав, — замечает В. Н. Кудрявцев, — это не только совокупность, а строгая система признаков преступления. Состав отражает характерные для преступления внутренние связи образующих его элементов»¹⁸⁷.

В то же время при всей чрезмерной широте и детализации рассматриваемого состава в нем отсутствуют специфические признаки собственно терроризма, выражающегося в совершении общеопасных действий (взрывов, поджогов и т. д.), направленных на запугивание населения или какой-то его части в целях понуждения к каким-либо действиям или отказу от них.

Более четкой и лаконичной представляется конструкция состава терроризма, сформулированная в диспозициях ст. 205 УК РФ и ст. 271 УК Туркменистана. Части первые настоящих статей идентичны и гласят следующее:

«Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях, —

¹⁸⁵ Браинин Я. М. Уголовный закон и его применение. С. 68.

¹⁸⁶ Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. С. 87.

¹⁸⁷ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. С. 59.

наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет».

Однако и эта конструкция состава не лишена недостатков, которые состоят в следующем.

С одной стороны, признаки состава терроризма в указанной формулировке представляются чрезмерно расширенными за счет указания на возможность совершения любых «иных действий» и наступления любых «иных общественно опасных последствий», ибо такой признак характерен для любого преступления, поскольку всякое преступление потому и общественно опасно, что влечет общественно опасные последствия либо создает возможность их наступления. «Преступление, — констатирует А. С. Михлин, — это определенное общественно опасное действие или бездействие. Общественно опасными не могут быть признаны действия, которые не причиняют и не могут причинить никаких последствий. Выяснив, что то или иное действие представляет опасность, так как причиняет значительные вредные последствия или создает возможность их наступления, законодатель запрещает такое действие»¹⁸⁸. Думается, что в составе терроризма речь должна идти о возможности наступления не любых общественно опасных последствий, а иных тяжких последствий и в результате не любых «иных действий», а именно общепасных действий.

В этой связи М. П. Киреев считает, что содержащаяся в ст. 205 УК РФ «характеристика иных возможных последствий терроризма — “общественно опасные” — требует ограничительного толкования»¹⁸⁹.

С другой стороны, рамки рассматриваемого состава представляются искусственно зауженными за счет указания на то, что данные действия могут совершаться в целях оказания воздействия на принятие решений лишь «органами власти», поскольку в реальной действительности террористы оказывают воздействие не только на органы власти, но и на международные и другие организации, на физических лиц (политиков, бизнесменов). Тем более нелогичным

¹⁸⁸ Михлин А. С. Последствия преступления. М.: Юрид. лит., 1969. С. 28.

¹⁸⁹ Киреев М. П. Проблемы борьбы органов внутренних дел с актами терроризма // Терроризм: современные аспекты. С. 6.

последнее положение ст. 205 УК РФ (ст. 271 УК Туркменистана) выглядит на фоне ст. 206 УК РФ (ст. 130 УК Туркменистана), предусматривающей ответственность за захват заложника в целях похищения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения, так как по международным стандартам захват заложника рассматривается как разновидность терроризма, поэтому и состав терроризма должен содержать признаки всех адресатов воздействия террористов, поскольку с учетом интеграции «в мировое и европейское сообщество особое значение приобретает принцип соответствия национального законодательства и мер воздействия на преступность международно-правовым актам»¹⁹⁰.

Попытка избежать указанных недостатков предпринята при конструировании соответствующего состава под названием «террористический акт»¹⁹¹ в ст. 258 УК Украины. Диспозиция данной статьи проекта УК Украины гласит: «Террористический акт, то есть применение оружия, совершение взрыва, поджога или иных действий, создававших опасность для жизни или здоровья человека либо причинения значительного материального ущерба или наступления иных тяжких последствий, если такие действия были совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, провокации военного конфликта, международного осложнения, или в целях воздействия на принятие решений либо совершения или несовершения действий органами государственной власти или органами местного самоуправления, должностными лицами этих органов, объединениями граждан, юридическими лицами, или привлечения внимания общественности к определенным политическим, религиозным либо иным взглядам виновного (террориста), а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

¹⁹⁰ Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель. М.: НОРМА, 1997. С. 30.

¹⁹¹ Весьма примечательно, что на всем протяжении работы над проектом Уголовного кодекса Украины и вплоть до принятия его Верховной Радой Украины во втором чтении рассматриваемый состав назывался «терроризм», однако к третьему чтению он был представлен под названием «террористический акт», что вряд ли можно считать удачным и точным названием данного состава.

Однако уже при чисто внешнем восприятии состава терроризма («террористического акта»), предусмотренного ст. 258 УК Украины, обращает на себя внимание его очевидная громоздкость и чрезмерная перегруженность ненужной информацией детализирующего характера¹⁹², тогда как в уголовно-правовой науке постоянно утверждается, что всякий состав преступления должен быть точным, лаконичным и выверенным подобно математической формуле, здесь не должно присутствовать ничего лишнего и ничто существенное не должно быть упущено. При научном подходе составы конструируются на базе «обобщения признаков всех преступлений данной разновидности. В результате мы получаем экономное, краткое и достаточно четкое описание их основных свойств»¹⁹³, что «обеспечивает разграничение преступлений различных категорий»¹⁹⁴. Но это никоим образом не характерно для настоящего состава.

В частности, совершенно излишним представляется указание в качестве цели террористических действий «привлечение внимания общественности к соответствующим политическим, религиозным или иным взглядам виновного (террориста)», поскольку всякое привлечение внимания к себе служит для террориста не самоцелью, а средством достижения цели оказания воздействия на кого-либо с тем, чтобы эти лица или органы своими действиями удовлетворили его интересы. «Привлечение внимания» есть лишь один из этапов «оказания воздействия», полностью охватывается последним понятием и не нуждается в существовании в качестве самостоятельного признака состава. Также излишними видятся цели «провокации гражданского или военного конфликта, международных осложнений, поскольку, во-первых, никакие конфликты и осложнения не служат для террористов самоцелью, а являются средством достижения цели оказания какого-либо воздействия, а, во-вторых, они могут

¹⁹² На указанные недостатки состава терроризма («террористического акта») автор также обращал внимание в своих публикациях (См., напр.: Емельянов В. Понятие терроризма в уголовном законодательстве России и Украины: сравнительный анализ // Российская юстиция. 1999. № 11. С. 42-43; Емельянов В. Склад злочину "тероризм" в проекті Кримінального кодексу України // Українське право. 1999. № 2. С. 81-83).

¹⁹³ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. С. 60.

¹⁹⁴ Там же. С. 61.

выступать и в качестве иных тяжких последствий», к каковым приведут действия террористов. Излишне детализированной представляется и формулировка «с целью воздействия на принятие решений или совершение либо несовершение действий», поскольку в данном контексте «принятие решений» и «совершение либо несовершение действий» вполне могут рассматриваться как взаимозаменяемые, ибо ничего нельзя сознательно совершить, не приняв решения.

Нет необходимости также при перечислении адресатов воздействия террористов наряду с органами государственной власти или местного самоуправления указывать еще и на должностных лиц этих органов, так как без должностных лиц органы сами по себе не существуют и никаких решений не принимают. Излишним в данном составе является и указание на такое последствие, как опасность «причинения значительного материального ущерба», поскольку такое последствие полностью охватывается понятием «иных тяжких последствий». И уж тем более не было никакой необходимости состав преступления, содержащий фактически признаки терроризма, называть «террористическим актом», поскольку так уж исторически сложилось, что под террористическим актом обычно понимаются целенаправленные посягательства на конкретных лиц, что и нашло соответствующее закрепление в УК Российской Федерации и УК Республики Беларусь.

Кроме того, во всех рассматриваемых составах (ст. 205 УК РФ, ст. 271 УК Туркменистана, ст. 258 УК Украины) неудачным является указание в качестве цели терроризма «нарушение общественной безопасности», поскольку все они расположены в главах «Преступления против общественной безопасности», исходя из чего предельно ясно, что именно общественная безопасность является объектом всех преступлений, составы которых предусмотрены в них. И коль скоро ни в каких других расположенных здесь составах нет никаких упоминаний о том, что их целью является нарушение общественной безопасности, то нет смысла в этом и в составах терроризма. Указание же в статье на то, что объект преступления является еще и целью, во-первых, никакой дополнительной смысловой нагрузки не несет, а, во-вторых, выглядит типичной тавтологией, как если бы диспозицию статьи об ответственности за убийство сформулировать

примерно так: «умышленное убийство в целях лишения жизни», а об ответственности за кражу — «тайное похищение чужого имущества в целях посягательства на собственность».

В этой связи несколько точнее представляется формулировка состава терроризма, имеющая место в ст. 289 УК Республики Беларусь: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений, причинения ущерба в крупном размере или наступления иных тяжких последствий, в целях устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений государственными органами, либо воспрепятствования политической или иной общественной деятельности (терроризм)». Здесь уже не только нарушение общественной безопасности не фигурирует в качестве цели, но и вместо опасности наступления любых последствий указано на опасность наступления «иных тяжких последствий», что, безусловно, является позитивным моментом этого состава. Вместе с тем собственно террористическая направленность здесь выражена лишь в целях «оказания воздействия на принятие решений государственными органами». Цель же «воспрепятствования политической или иной общественной деятельности» может достигаться как путем понуждения к чему-то представителей соответствующих организаций, т. е. методом терроризирования, так и действиями, не имеющими террористической направленности, когда воспрепятствование этой деятельности получается само по себе в результате действий виновных лиц (например, совершение взрыва в типографии, вследствие чего не вышел номер газеты, но это и было конечной целью виновных). Представляется неверным также отсутствие в составе адресатов воздействия физических лиц. Данное обстоятельство не только не согласуется с действительностью, но и с другими родственными составами — ст. 291 УК РБ (захват заложника) и ст. 324 УК РБ (угроза опасным использованием радиоактивных материалов). То же самое относится и к формулировке состава терроризма, содержащейся в ст. 258 УК Украины, которая не соответствует в части адресатов воздействия виновных лиц составу захвата заложников (ст. 147) и угрозы совершить хищение радиоактивных материалов (ч. 1 ст. 266). В диспози-

циях статей, предусматривающих ответственность за захват заложников и угрозы опасным обращением с радиоактивными материалами в точном соответствии с международными конвенциями в качестве адресатов воздействия указываются государство, международная организация, физическое или юридическое лицо или группа лиц. Поскольку указанный перечень адресатов воздействия при характеристике деяний террористического свойства представляет собой международный стандарт, нашедший отображение в других статьях уголовных кодексов, то он не может игнорироваться и при конструировании состава терроризма.

Но самым серьезным недостатком рассматриваемых формулировок терроризма является то, что в них цели оказания воздействия (понууждения) и направленность действий на устрашение населения представлены не во взаимосвязи и взаимообусловленности, а в качестве альтернативных признаков состава (альтернативных целей), что сделало указанные составы всеобъемлющими и всепоглощающими, конкурирующими практически со всеми составами с признаками насилия, понуждения и даже с признаками ненасильственных преступлений с элементами понуждения. Указанный недостаток усугубляется и тем, что при формулировании объективных признаков состава наряду с совершением или угрозой совершения взрыва, поджога и т. д. сюда отнесено совершение «иных» действий, могущих повлечь «иные» последствия (в украинском и белорусском вариантах — «иные тяжкие последствия»). Более широких формулировок представить просто невозможно. Они пригодны для большинства преступлений. В результате получается, что если согласно данным составам рассматривать терроризм как оказание воздействия с помощью «иных» действий, могущих повлечь иные последствия, и без признаков устрашения населения, то под такое определение терроризма подпадают все составы с признаками терроризирования.

Но если рассматривать терроризм как устрашение населения с помощью «иных» действий, могущих повлечь «иные» последствия и без признаков оказания воздействия или понуждения к чему-то, то в этой части составом терроризма охватывается еще более широкий круг преступных деяний, и в особенности хулиганство, а также все иные преступления против общественной безопасности, которые «ставят в опасность жизнь, здоровье, права и законные интересы

неопределенно большого круга лиц»¹⁹⁵. «Преступления против общественной безопасности, — отмечает В. П. Тихий, — создают состояние общей опасности, угрозу насильственного причинения вреда правоохраняемым интересам... они порождают психологическую атмосферу подавленности, напряженности, неуверенности в надежной защите правоохраняемых интересов, общественного беспокойства, нарушают безопасное течение жизни граждан и ... организаций, предприятий, учреждений»¹⁹⁶.

Таким образом, создание обстановки страха, подавленности, запугивания может быть присуще многим преступлениям против общественной безопасности, поэтому выделение в качестве цели терроризма устрашение населения вряд ли что дает для отграничения его от других преступлений против общественной безопасности и общественного порядка. Устрашение населения, как и вообще всякое устрашение в преступлениях террористической направленности, не является самоцелью, а служит средством достижения цели, «средством воздействия»¹⁹⁷, посредством которого осуществляется склонение соответствующих лиц к выгодному для виновных поведению или решению. Бесцельное, немотивированное устрашение ради него самого в большей мере свидетельствует о том, что здесь присутствует не акт терроризма, а какое-то другое преступление (бандитизм, хулиганство, преступление против личности и т. п.)¹⁹⁸.

Устрашение населения — это комплексный объективно-субъективный признак терроризма, выражающий его сущность, а не какая-то его отдельная цель. «Выражая сущность терроризма, — отмечает В. Ф. Антипенко, — устрашение несет в себе социально-

¹⁹⁵ Матышевский П. С. Ответственность за преступления против общественной опасности, общественного порядка и здоровья населения. М.: Юрид. лит., 1964. С. 9.

¹⁹⁶ Тихий В. П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности. Харьков: Вища школа, 1981. С. 26.

¹⁹⁷ Шишов О. Ф. Уголовная ответственность за терроризм и захват заложников // Современные проблемы борьбы с транснациональной преступностью: Материалы международной научно-практической конференции (г. Сочи, 9–12 октября 2000 г.). Краснодар: Изд-во Кубанского ун-та, 2000. С. 144.

¹⁹⁸ См.: Самощенко И. В. Ответственность за угрозу по уголовному праву Украины (понятия, виды, спорные проблемы). Диссертация ... канд. юрид. наук. Харьков, 1997. С. 20; Иванов В. Ф. Практика применения законодательства Казахской ССР об ответственности за преступления против личности: Учебное пособие. Караганда: ВШ МВД СССР, 1975. С. 79.

деструктивную функцию, проявляясь одновременно и в объективной стороне преступления как способ его совершения и в субъективной стороне состава как промежуточная цель»¹⁹⁹. Устрашение при терроризме выступает не самоцелью, а способом достижения цели оказания воздействия на принятие какого-либо решения, поэтому В. Ф. Антипенко совершенно справедливо предостерегает «от возведения устрашения и насилия как доминант терроризма в самоцель этого преступления»²⁰⁰.

Столь широкая формулировка целей терроризма в ст. 205 УК РФ, ст. 258 УК Украины, ст. 289, 290 УК РБ, ст. 271 УК Туркменистана приведет, как представляется, к его расширительному толкованию, а соответственно и к дополнительным трудностям при квалификации деяний и отграничении состава терроризма от смежных составов.

Более того, под «иные» действия, могущие повлечь «иные» (в том числе тяжкие) последствия, совершенные в целях устрашения населения, но без цели понуждения к чему-то, вполне можно подвести и те деяния, которые в сущности преступлениями не являются (например, распространение слухов о приближении «конца света», или государственного переворота, либо нового «скачка цен»).

Ясно, что такого рода «безразмерные» составы — путь к произволу и беззаконию в правоприменительной практике. Для того, чтобы состав терроризма отражал сущность этого явления и по всем своим признакам отличался от всех других составов преступлений террористического характера, с признаками терроризирования или насилия и т. д., он должен содержать во взаимосвязи и взаимозависимости совокупность следующих сущностных признаков.

Во-первых, объективные признаки состава наряду с совершением или угрозой совершения взрыва, поджога должны содержать указание не на любые «иные» действия, а именно общепасные деяния, совершаемые способом, опасным для жизни и здоровья неопределенного количества невинных жертв, т. е. деяния, адекватные взрыву и поджогу (отравления, затопления, технологические или экологические катастрофы и т. д.). Вместе с тем представляется возмож-

¹⁹⁹ Антипенко В. Ф. Терроризм — кримінологічна та кримінально-правова характеристика. Київ: НБУВ, 1999. С. 50.

²⁰⁰ Там же. С. 46.

ным в диспозиции статьи не упоминать ни о каких конкретных способах общеопасного воздействия (взрыв, поджог и т. д.), и в целях устранения излишней детализации ограничиться формулировкой «совершение или угроза совершения общеопасных деяний».

Во-вторых, устрашение населения должно быть не альтернативным, а конструктивным, связующим, «цементирующим» признаком состава. Без целенаправленного устрашения нет никакого терроризма. Это совершенно бесспорно для современных международных представлений и на этот признак как признак международного терроризма прямо указано в ст. 24 проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, разработанного в рамках ООН.

В-третьих, в качестве цели терроризма выступает понуждение, оказание воздействия на кого-либо на фоне устрашения населения посредством совершения или угрозы совершения общеопасных действий.

В свете изложенного автором настоящего издания в ранее опубликованных работах был предложен следующий вариант состава терроризма:

Терроризм, то есть совершение или угроза совершения могущих повлечь гибель людей или иные тяжкие последствия общеопасных действий, направленных на устрашение населения или социальных групп, в целях понуждения государства, международной организации, физического или юридического лица или группы лиц к принятию какого-либо решения или отказу от него²⁰¹.

Предложенная формулировка состава терроризма была представлена для обсуждения на научном семинаре по проблемам борьбы с терроризмом и преступлениями террористической направленности, состоявшемся 21 мая 1998 года в г. Харькове, где автор выступал с основным докладом²⁰².

В ходе обсуждения участниками семинара предлагались и иные формулировки, однако их внимательное рассмотрение показывает,

²⁰¹ См.: Емельянов В. П. Терроризм и преступления террористической направленности. Харьков, Рубикон, 1997. С. 154; Его же. Кримінально-правова характеристика злочинів терористичної спрямованості. // Використання досягнень науки і техніки у боротьбі зі злочинністю: Матеріали науково-практичної конференції 19 листопада 1997 р., м. Харків / Відп. ред. проф. В. С. Зеленецький, доц. Л. В. Дорош. Харків, Право, 1998. С. 44.

²⁰² См.: Вісник Академії правових наук України, 1998. № 4. С. 207–223.

по самой конструкции состава они существенно не отличаются от обсуждаемой формулировки, а разнятся лишь в деталях, которых либо нейтральны, либо вызывают определенные возражения.

Так, А. П. Богданов предложил изложить диспозицию соответствующей статьи УК в следующей редакции:

«Устрашение лица, группы лиц или населения путем физического или психического насилия, опасного для жизни и здоровья, с целью понуждения государства, международной организации, физического или юридического лица или группы лиц совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия, а равно захват или удержание с этой целью заложников»²⁰³.

В приведенной формулировке представляется совершенно излишним упоминание о захвате заложников, поскольку, во-первых, захват заложников предусмотрен в уголовном законодательстве в качестве самостоятельного состава, а, во-вторых, тот факт, что захват заложников может выступать в качестве структурного элемента терроризма как деяния, не дает оснований для включения признаков состава захвата заложника в состав терроризма, ибо, как было показано выше, структурным элементом терроризма могут быть и другие деяния — захват и угон воздушного судна, угроза использовать радиоактивные материалы, убийство государственного деятеля и т. д. и если следовать в этой части логике предложенной А. П. Богдановым редакции, то придется включать сюда весь бесконечный ряд проявлений терроризма в реальной действительности.

Кроме того, чрезмерно расширенной выглядит в данной редакции направленность устрашения не только в отношении населения, но и отдельного лица или группы лиц. При совершении терроризма в адрес отдельного лица или группы лиц может быть направлено понуждение к каким-либо действиям или отказу от них, а устрашение всегда носит публичный, но не индивидуальный или узкогрупповой характер.

А с указанной формулировкой устрашения под состав терроризма будет попадать любое из рассмотренных выше преступлений с элементами терроризирования.

²⁰³ Там же. С. 219.

Более точна в этом плане формулировка состава терроризма, которую предложил на научном семинаре В. А. Липкан:

«Терроризм, то есть применение или угроза применения насилия, создающего опасность жизни или здоровью лица или нескольких лиц, причинения имущественного вреда или наступления иных общественно опасных последствий, направленного на подрыв атмосферы покоя, дестабилизацию, устрашение или подавленность общества, с целью повлиять на принятие государством, международной организацией, физическим или юридическим лицом какого-либо решения или воздержание от него»²⁰⁴.

Согласно данной В. А. Липканом формулировке, устрашение при терроризме может быть направлено только в отношении общества, с чем трудно не согласиться, в то же время представляется излишним указание на дестабилизацию как направленность действий террористов. Средством воздействия для террористов служит именно устрашение населения, а дестабилизация — это уже следствие устрашения, но не само средство воздействия. Не отвечающим характеру и степени общественной опасности терроризма представляется указание на возможность причинения любого имущественного вреда или иных общественно опасных последствий. Терроризм тем и опасен, что ведет не к любым, а именно к тяжким последствиям, к любым последствиям могут вести преступления с признаками терроризирования и все прочие преступления. Кроме того, акцентирование внимания на насилии или угрозе его применения в отношении конкретного лица существенно расширяет рамки терроризма и позволяет подвести под данное В. А. Липканом определение терроризма не только собственно терроризм, но и террористический акт, и угрозу совершения террористического акта, т. е. превращает конкретный состав терроризма в видовое понятие состава преступлений террористического характера (видовое понятие состава терроризма).

В редакциях состава терроризма, предложенных А. П. Богдановым и В. А. Липканом отсутствует один из важнейших признаков терроризма — создание общей опасности для неопределенного круга лиц. Не любые насильственные и общественно опасные действия

²⁰⁴ Там же. С. 221.

могут стать актом терроризма, а именно общеопасные действия, ведущие или могущие привести к неопределенному количеству невинных жертв. Как совершенно верно подметил в своем выступлении на том же научном семинаре В. Н. Киричко, «следует критично оценивать предложения относительно терроризма только как действий, которые совершаются с целью понуждения государства, международной организации, физического или юридического лица или группы лиц к принятию какого-либо решения или отказу от него. Не это определяет характер общей опасности террористических действий. ...В определении терроризма основное внимание должно уделяться отображению особенностей объективной стороны террористических действий, а также причиненного ими вреда»²⁰⁵. По мнению В. Ф. Антипенко, поскольку терроризм «обуславливает угрозу наступления гибели людей, не имеющих прямого отношения к предмету конфликта», то «понятие “невинные жертвы” составляет сущностную характеристику терроризма»²⁰⁶.

В то же время, несмотря на отмеченные недостатки, данные А. П. Богдановым и В. А. Липканом формулировки состава терроризма обладают неоспоримыми преимуществами, поскольку представляют собою не простой набор альтернативных признаков, а стройную систему взаимосвязанных признаков, которые лишь в своем неразрывном единстве характеризуют деяние как терроризирование и не позволяют подвести под данные определения какие-либо другие преступления, кроме преступлений террористической направленности.

Общим для всех трех определений состава терроризма, прозвучавших на научном семинаре 21 мая 1998 г., является то, что они исходят из неразрывного единства следующих признаков состава: 1) совершение насильственных действий или угроз таковыми, 2) направленность деяний на устрашение населения, 3) с целью понуждения государства, международной организации, физического или юридического лица или группы лиц к принятию какого-либо решения или отказу от него.

²⁰⁵ Там же. С. 216.

²⁰⁶ Антипенко В. Поняття тероризму (кримінально-правове визначення) // Право України. 1999. № 2. С. 93.

Согласно этим определениям насилие и устрашение не выступают самоцелью актов терроризма, а являются средствами достижения целей террористов. Причем устрашение населения определено здесь не в качестве альтернативного, а в качестве конструктивного признака состава, обязательного для всех случаев терроризма и выступающего как бы связующим звеном между насильственными действиями и целями террористов.

Не соглашаясь с авторами трех рассмотренных определений терроризма, П. П. Андрушко полагает, что нельзя в данном составе в качестве адресатов воздействия террористов указывать на физическое лицо, поскольку в этом случае, по его мнению, терроризм невозможно будет отличить от таких, к примеру, преступлений, как противодействие законной предпринимательской деятельности, принуждение к выполнению или невыполнению гражданско-правовых обязательств и других, в основе которых лежит понуждение к выполнению (невыполнению) соответствующих действий²⁰⁷. Но в том-то и дело, что стать актами терроризма эти деяния смогут лишь тогда, когда их неотъемлемым атрибутом станет устрашение населения, когда цель будет достигаться не только посредством устрашения тех лиц, к кому непосредственно обращены требования, но и путем воздействия на этих лиц посредством деяний, направленных на устрашение населения. В упоминаемых же П. П. Андрушко составах признаков устрашения населения не предусмотрено, а значит, и отличить их от терроризма не составит никакого труда, если, конечно, направленность действий на устрашение населения будет предусмотрена в составе терроризма не в качестве альтернативного, а в качестве связующего признака.

Соглашаясь с высказанной в публикациях позицией автора издания относительно связующей роли в составе терроризма признака направленности действий на устрашение населения, В. А. Липкан отметил, что заслуживает внимания впервые осуществленная дифференциация «направленности» и «целей»²⁰⁸. А в словаре кримино-

²⁰⁷ Андрушко П. П. Питання законодавчого формування складу злочину «тероризм» // Тероризм і боротьба з ним. Аналітичні розробки, пропозиції наукових та практичних працівників. Том 19. Київ, 2000. С. 401.

²⁰⁸ Липкан В. Щодо поняття тероризму // Право України. 2000. № 7. С. 67.

логических и статистических терминов указанная дифференциация нашла отражение в определении терроризма, которое дано здесь в следующем виде: «Терроризм — совершение или угроза совершения общественно опасных деяний (взрывов, поджогов, уничтожение людей или вещей), посягающих на общественную безопасность и направленных на создание обстановки страха, беспокойства, подавленности в целях прямого или косвенного воздействия на принятие какого-либо решения либо отказа от него»²⁰⁹.

С учетом изложенного наиболее оптимальным представляется следующий вариант состава терроризма:

Терроризм, то есть совершение или угроза совершения взрыва, поджога или иных общеопасных деяний, могущих повлечь гибель людей или иные тяжкие последствия и направленных на устрашение населения в целях понуждения государства, международной организации, физического или юридического лица или группы лиц к совершению или отказу от совершения какого-либо действия.

В предложенном варианте отражается сущность терроризма как деяния, имеющего общеопасный характер, направленного на устрашение населения и совершаемого в целях понуждения определенных органов и лиц к каким-либо действиям или отказу от них. Лишь в совокупности и взаимосвязи этих признаков состав терроризма становится единственным в своем роде, не содержит «примесей» признаков других составов и позволяет довольно четко отграничить его от других смежных составов преступлений как с признаками терроризирования, так и без таковых.

Сущности терроризма, а также характеру и степени его общественной опасности должны соответствовать и санкции, предусмотренные в соответствующих частях статьи, с тем, чтобы максимально уменьшить случаи квалификации деяния по совокупности статей, предусматривающих ответственность за терроризм и за те деяния, которые могут выступать в качестве структурного элемента акта терроризма, ибо все содеянное в ходе такого сложного преступления, как терроризм, должно квалифицироваться по составу терроризма и

²⁰⁹ Словарь криминологических и статистических терминов / Составители Кальман А. Г., Христюк И. А. Харьков: ИИПП АГРН Украины, изд-во «Гимназия», 2001. С. 84.

лишь в тех случаях, когда что-то из фактически совершенного в процессе террористических действий влечет более суровую санкцию, чем собственно терроризм, возникает необходимость в квалификации по совокупности составов преступлений.

Тяжести содеянного и сущности терроризма должны соответствовать и квалифицирующие признаки состава, однако этот принцип не всегда выдерживается в полной мере. В частности, согласно ч. 3 ст. 205 УК РФ такие последствия актов терроризма, как смерть человека или иные тяжкие последствия предусмотрены в качестве квалифицирующих признаков, порожденных неосторожной формой вины. Думается, подобное положение вряд ли оправдано, поскольку при терроризме такого рода последствия обычно наступают не в результате неосторожной формы вины, а как следствие прямого или (чаще всего) косвенного умысла. «Трудно представить себе ситуацию, — замечает О. Ф. Шишов, — когда террорист, взрывая жилой дом, относится по неосторожности к такому последствию, как смерть находящихся в нем людей»²¹⁰. Квалифицировать же умышленное причинение вреда в процессе акта терроризма иным объектам по другим статьям УК, по совокупности с терроризмом значит искусственно создавать идеальную совокупность при наличии органически единого сложного преступления. При таком подходе любое последствие, возникшее в момент акта терроризма, в результате умышленной формы вины будет требовать квалификации деяния по совокупности с соответствующими статьями о преступлениях против личности, собственности и т. д. Но тогда невольно возникает сомнение относительно надобности самостоятельного состава терроризма в Уголовном кодексе, которое было выражено А. В. Наумовым в 1994 г. в ходе дискуссии по проблемам терроризма²¹¹. Коль терроризм как самостоятельный состав преступления практически не может существовать без совокупности с другими составами, то в чем же тогда его надобность? Не лучше ли предусмотреть совершение преступления с террористической направленностью в качестве отягчающего вину обстоятельства в Общей части Уголовного кодек-

²¹⁰ Шишов О. Ф. Указ. соч. С. 145.

²¹¹ См.: Государство и право. 1995. № 4. С. 33–34.

са? Однако в действительности терроризм не такой уж «беззубый», каким он представлен в ст. 205 УК РФ, по конструкции которой получается, что собственно терроризм выражается лишь в угрозах и опасности наступления последствий, а сами последствия находятся за рамками состава, если они возникли не в результате неосторожности. В реальной жизни терроризм чаще всего сопряжен с совершением общеопасных действий, неминуемо ведущих к гибели людей или наступлению иных тяжких последствий. Но учитывать такое положение, по-видимому, нужно не путем квалификации единых действий по совокупности статей, а путем приведения санкций, предусматривающих наказания за подобные сложные преступления, в соответствие с характером и тяжестью содеянного.

Поэтому представляются более верными в этой части те формулировки, которые содержатся в УК Украины, Республики Беларусь, Узбекистана, Туркменистана, где указывается на деяния, повлекшие смерть человека или иные тяжкие последствия, без уточнения формы вины по отношению к данным последствиям и устанавливается самая суровая санкция. Одновременно примечательно и то, что, например, в ст. 271 УК Туркменистана вообще отсутствует такой квалифицирующий признак, как «иные тяжкие последствия», традиционно имеющий место в составах подобного рода, а в ч. 3 ст. 289 УК РФ в качестве квалифицирующего признака значится также сопряженность деяний «с убийством человека».

Указанные формулировки отягчающих ответственность обстоятельств исключают надобность в квалификации единых террористических действий по совокупности составов преступлений, что, безусловно, следует рассматривать как оптимальный вариант.

В официальной и научной литературе случаи квалификации деяний по совокупности составов преступлений обычно называются квалификацией «по совокупности преступлений». Последнее понятие, как представляется, можно с полным основанием назвать неправильным терминологическим штампом. В самом деле, как можно квалифицировать преступление по совокупности преступлений, а проще — преступление квалифицировать... по преступлению (?!). По своему смыслу подобная формулировка представляет собой обычную тавтологию, к тому же противоречащую самой сути ква-

лификации преступлений. Ведь в научной и учебной литературе под квалификацией преступления единодушно понимается установление точного соответствия совершенного виновным общественно опасного деяния составу конкретного преступления, закрепленного в уголовном законе²¹², а потому квалифицировать преступление возможно лишь по составу преступления, по статье закона, а множественность преступлений — по совокупности составов преступлений, статей закона, но не по совокупности преступлений. Следовательно, не может быть идеальной или реальной совокупности преступлений, а может быть идеальная или реальная совокупность составов преступлений, поскольку совокупность как уголовно-правовая категория характеризует не саму множественность преступлений как деяний, а квалификацию этих деяний по нескольким статьям уголовного закона, потому-то и возможны случаи, когда фактическая множественность деяний (тождественных преступлений) не влечет квалификации по совокупности и, напротив, когда фактически единое деяние квалифицируется по двум или нескольким статьям закона (идеальная совокупность).

Таким образом, повторность, неоднократность, систематичность характеризуют преступление как реальное явление действительности, тогда как совокупность говорит о квалификации одного или нескольких деяний по двум или нескольким составам преступлений, а понятия «квалификация по совокупности преступлений», «идеальная или реальная совокупность преступлений» есть результат смешения категорий преступления как реального явления действительности и состава преступления как системы признаков, сформулированных в законе, которые, как было показано выше, довольно-таки часто не совпадают по объему, т. е. в ряде случаев признаки состава неадекватно отражают свойства, имманентно присущие тому или иному деянию.

---

²¹² См., напр.: Кудряцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. С. 5; Тарарухин С. А. Квалификация преступлений в судебной практике. Киев, Юринком, 1995. С. 8; Емельянов В. П. Кваліфікація злочинів проти власності. Навчальний посібник. Харків, Рубікон, 1996. С. 7; Кримінальне право України. Загальна частина: Підручник для студентів юрид. спец. вищ. закладів освіти / М. І. Бажанов, Ю. В. Баулін, В. І. Борисов та ін.; За ред. професорів М. І. Бажанова, В. В. Сташиса, В. Я. Тація. Київ-Харьков, Юрінком Інтер — Право, 2001. С. 87.

Также не всегда совпадают по объему отдельные элементы преступления и конкретные признаки состава преступления (объект, субъект, объективная и субъективная сторона преступления и их описание в законе), поэтому приведение признаков составов к той форме, которая наиболее адекватно отражает содержание и сущность элементов реального деяния, является одной из насущных задач уголовно-правовой науки и законотворческой деятельности.

Глава 3

ЭЛЕМЕНТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРИЗНАКИ СОСТАВА ТЕРРОРИЗМА И ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

То обстоятельство, что террористическая направленность может проявиться в различных деяниях, обуславливает трудности не только при конструировании самостоятельного состава терроризма, но и при определении его места в системе уголовно-правовых норм, поэтому совокупность объективных и субъективных признаков состава необходимо сформулировать таким образом, чтобы они максимально отражали сущность этого деяния и исключали возможность расширительного толкования и охвата этим составом деяний, как весьма далеких по своей сути от терроризма, так и смежных с ним. В этой связи следует определить основные признаки состава терроризма и преступлений террористического характера, которые могли бы характеризовать его объект, объективную и субъективную стороны и субъекта преступления с наибольшей полнотой и адекватностью. В то же время состав преступления как бы полно он ни был сконструирован, естественно, не может включать в себя все без исключения признаки, характеризующие преступное деяние. «Такой перечень, — замечает А. Н. Трайнин, — невыполним, ибо неисчислимы признаки, характеризующие любое явление. Отсюда совершенно неизбежен вывод, что, определяя состав того или иного преступления, законодатель неизменно производит и должен производить отбор из массы... признаков наиболее типичные и существенные»²¹³. На этой основе А. Н. Трайнин рассматривает отдельно элемен-

²¹³ Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957. С. 59.

ты преступления как деяния и элементы, характеризующие их в составе преступления. «На деле, — пишет он, — в преступлении можно и должно различать объект и объективную сторону, субъекта и субъективную сторону; в преступлении, а не в составе. Поскольку состав преступления призван раскрыть конкретное содержание преступления, в составе можно и должно различать элементы, характеризующие объект преступления и его объективную сторону, субъекта преступления и его субъективную сторону»²¹⁴. При всей точности мысли А. Н. Трайнина обращает на себя внимание некоторое неудобство, связанное с употреблением одного термина «элемент» при рассмотрении структуры преступления как явления реальной действительности и при анализе совокупности признаков состава, характеризующих тот или иной элемент преступления, и, как представляется, совершенно верно в уголовно-правовой науке предложено термин «элемент» употреблять в тех случаях, когда речь идет о преступлении как реальном деянии, а термины «признаки», «совокупность признаков» и т. п. — в тех случаях, когда речь идет о составе преступления. «Во избежание путаницы, — заключает В. Н. Кудрявцев, — следовало бы термином «элемент» обозначить только четыре составные части преступления (объект преступления, субъект и т. д.), а применительно к содержанию состава использовать слова «признак» или «группа признаков». С этой точки зрения состав содержит четыре группы признаков, характеризующих четыре соответствующих элемента преступления; это и является его структурной основой»²¹⁵. Употребление одних и тех же терминов при характеристике преступления и состава преступления невольно ведет и к смешению этих категорий, поэтому при дальнейшем изложении материала термин «элемент» будет использоваться применительно к рассмотрению преступления как реального деяния, а термины «признаки», «совокупность признаков» — применительно к составу терроризма и других преступлений террористического характера.

²¹⁴ Там же. С. 120.

²¹⁵ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 1999. С. 73–74. См. также: Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М.: Юрид. лит., 1974. С. 168–169, 174, 176–177; Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 36.

§ 1. ОБЪЕКТ ТЕРРОРИЗМА И ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Одним из важнейших элементов преступления, а соответственно и признаков состава является объект преступления. Учение об объекте преступления — это краеугольный камень отечественной уголовно-правовой науки, однако, как ни парадоксально, именно в этом вопросе меньше всего проявляют единство взглядов его исследователи. Безусловно, все согласны, что объект преступления — это то, на что посягает преступное деяние, чему оно причиняет или может причинить вред. Но на этом всякое единство и заканчивается. Вопрос же о том, чему именно преступное деяние причиняет или может причинить вред, является одним из самых спорных в науке, и рассмотрение этого вопроса имеет, безусловно, прямое отношение к вопросу об объекте терроризма и других преступлений террористического характера. В настоящее время в отечественной науке уголовного права существует два диаметрально противоположных концептуальных подхода к проблеме объекта. Согласно одной концепции объектом преступлений являются блага, ценности, интересы, согласно другой — совокупность общественных отношений. Обе концепции имеют свои исторические корни и современных последователей.

Родоначальником теории объекта как «правового блага» признается Р. Иеринг²¹⁶. Он определил право как «юридически защищенный интерес», а сама его концепция получила развитие как теория «интереса», т. е. защищаемого правом юридического блага. Сторонники этой теории не усматривали принципиальной разницы между благом и интересом и чаще всего употребляли эти понятия как синонимы.

Так, Ф. Лист, анализируя разновидности вторжения преступного деяния в сферу защищаемых благ, указывал на следующее:

«Вторжение в сферу юридических благ возможно в тройкой форме:

1. Как нарушение жизненного интереса людей, защищаемого правом порядком.

²¹⁶ Шершеневич Г. В. Общая теория права. М.: Изд-во бр. Башмаковых, 1911. С. 603–604.

2. Как конкретное причинение опасности для юридического блага...

3. Как абстрактное причинение опасности для юридического блага»²¹⁷.

Однако чуть позднее у сторонников теории объекта как «правового блага» понятие «интерес» практически исчезает из поля зрения. Так, С. В. Познышев следующим образом осуществляет деление преступлений по объекту:

«Все правовые блага, на которые направляются преступные посягательства, можно подразделить на три категории:

1) Блага личные, неразрывно связанные с личностью их обладателей, причем обладателями их могут быть только физические лица, каждое в отдельности; таковы: жизнь, честь, здоровье и т. д.

2) Блага общественные, заключающиеся в осуществлении или правильном функционировании различных общественных союзов и тех или иных элементов их организации или отдельных сторон их жизни. Сюда принадлежат разные посягательства на разные части государственного механизма.

3) Блага имущественные, которые могут быть в обладании как отдельных лиц, так и коллективных единиц»²¹⁸.

В то же время в рамках рассматриваемой теории постепенно начинали возникать зачатки теории объекта как общественного отношения. «В современном праве, — замечал Н. Д. Сергеевский, — выдвигается сознание о том, что всякое нарушение права отдельного лица есть вместе с тем правонарушение общественное, поэтому всякое причинение вреда в наше время мыслится как преступное деяние против всего общества, хотя бы оно нарушалось ближайшим образом только интересы частного лица. Новое время постепенно, хотя и со значительными колебаниями, несет с собою ограничение области частных преступных деяний, и в будущем, по всей вероятности, во всякой неправде будут видеть вред всему обществу»²¹⁹. Слова Н. Д. Сергеевского оказались пророческими и вскоре «Руководящие

²¹⁷ Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. М.: Тов-во типографии А. И. Мамонтова, 1903. С. 146.

²¹⁸ Познышев С. В. Учебник уголовного права. I Общая часть. М.: Юриздат Наркомюста, 1923. С. 57.

²¹⁹ Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая. СПб., 1913. С. 51–52.

начала по уголовному праву РСФСР» (1919 г.) преступлением называли «нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом»²²⁰, а чуть позднее это положение нашло свое концептуальное воплощение в учебнике А. А. Пионтковского, где четко указывалось, что объектом всякого преступления являются общественные отношения, охраняемые аппаратом уголовно-правового принуждения²²¹.

С тех пор признание общественных отношений объектом преступных посягательств до недавнего времени считалось в нашей науке единой и единственной точкой зрения²²². Впервые эту концепцию как «искусственную конструкцию» с «ярко выраженным идеологическим подходом» к понятию объекта преступления подверг резкой критике С. Б. Гавриш²²³. По его мнению, с позиции теории объекта как общественного отношения получается, что уголовное право якобы «охраняет не материальные ценности и блага, жизнь, здоровье, природную среду и др., а наоборот, некую форму их проявления, те или иные связи между субъектами отношений»²²⁴, тогда как в действительности таковым охраняемым объектом является «правовое благо» как «определенная ценность»²²⁵. И. В. Самощенко, считая, что «идея объекта как поставленных под охрану закона об-

²²⁰ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / Под ред. проф. И. Т. Голякова. М.: Госюриздат, 1953. С. 58.

²²¹ Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М. 1924. С. 129–130.

²²² См., напр.: Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М.-Л.: АН СССР, 1948; Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1951; Никифоров Б. С. Объект преступления. М.: Госюриздат, 1960; Брайнин Я. М. Основы питания заголовного вчення про склад злочину. Київ, Вид-во Київського ун-ту, 1964; Курс советского уголовного права (Часть Общая). Т. 1. Л.: ЛГУ, 1968; Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л.: ЛГУ, 1979; Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Академия МВД СССР, 1980; Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М.: Новый Юрист; Кно Рус, 1997; Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В. Н. Петрашева. М.: ПРИОР, 1999; Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная: Учебник / Под общ. ред. проф. Л. Д. Гаухмана, проф. Л. М. Колодкина и проф. С. В. Максимова. М.: Юриспруденция, 1999; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. проф. Б. В. Здравомыслова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Юрист, 2000.

²²³ Гавриш С. Б. Уголовно-правовая охрана природной среды Украины. Проблемы теории и развитие законодательства. Харьков, Основа, 1994. С. 25–65.

²²⁴ Там же. С. 28.

²²⁵ Там же. С. 64, 65.

ественных отношений, чрезмерно усложнена, а подчас и надумана в силу того идеологического фактора, который был положен в ее основу», полагает, что «наиболее удачным представляется то понимание объекта преступления, которое достигается посредством объяснения через категорию «интерес»²²⁶.

Признание в качестве объекта преступления не общественных отношений, а охраняемых законом ценностей, интересов, благ, против которых направлено преступное деяние и которым оно причиняет или может причинить вред, имеет место и в учебниках по Общей части уголовного права, подготовленных киевскими учеными²²⁷ и учеными Московского университета²²⁸.

В сущности такая же позиция относительно объекта преступления выражена и в Курсе лекций по Общей части уголовного права, подготовленном А. В. Наумовым²²⁹, однако обращает на себя внимание и некоторая непоследовательность автора курса в изложении этого вопроса. Вначале он утверждает, что объект преступления — «это те интересы (блага), которым причиняется или может быть причинен вред в результате преступного посягательства и которые охраняются уголовным законом от этих посягательств»²³⁰. Эта мысль уточняется и в соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ приводится перечень этих объектов: «права и свободы человека и гражданина, собственность, окружающая среда, конституционный строй Российской Федерации, мир и безопасность человечества»²³¹. Но тут же следом идет такой текст: «В советской юридической литературе объект преступления традиционно определяется как общественные отношения, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств. ... Во многих случаях трактовка объекта преступления как

²²⁶ Самощенко И. В. Ответственность за угрозу по уголовному праву Украины (понятие, виды, спорные проблемы). Диссертация ... канд. юрид. наук. Харьков, 1997. С. 114.

²²⁷ Кримінальне право України. Загал. частина: Підруч. Для студентів юрид. вузів і фак. / Г. В. Андрусів, П. П. Андрушко, В. В. Бенківський та ін.; За ред. П. С. Матишевського та ін. Київ, Юрінком Інтер, 1997. С. 123–132.

²²⁸ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов. Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. Ф. Кузнецовой и канд. юрид. наук, доц. И. М. Тяжковой. М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. С. 207–210.

²²⁹ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1999. С. 146, 156–163.

²³⁰ Там же. С. 146.

²³¹ Там же. С. 157.

определенных общественных отношений вполне справедлива, например, в случаях признания объектом преступления отношений собственности при краже, грабеже и других хищениях имущества. В этом случае объектом преступления действительно выступает не похищаемое имущество непосредственно (ему при этом может быть не причинено никакого вреда), а именно отношения, вытекающие из права собственности... Однако в ряде случаев теория объекта преступления как общественного отношения "не срабатывает". Особенно это относится к преступлениям против личности, в первую очередь к убийству²³². А после этого делается вывод: «Таким образом, объектом преступления следует признать те блага (интересы), на которые посягает преступное деяние и которые охраняются уголовным законом»²³³. В свете последнего вывода сразу же возникают вопросы: а что же делать с общественными отношениями, занимают ли они какое-то место среди благ и интересов, будучи их составной частью, или же общественные отношения существуют наряду с ними и независимо от них, а, может быть, наоборот, блага и интересы являются ядром (предметом) общественных отношений?

Непоследовательной такая позиция видится и авторам одной из рецензий на изданный А. В. Наумовым Курс лекций²³⁴. Думается, что проблема здесь кроется все в том же отождествлении преступления как явления реальной действительности с признаками состава как информационных характеристик о его элементах, тогда как «явления действительности в реальной жизни и их отражение в праве — разные вещи, смешивать которые недопустимо»²³⁵. Когда исследователи говорят об объекте преступления как благе или ценности, то, прежде всего, имеют в виду реальное посягательство, причиняющее реальный вред людям или их общественным установлениям либо условиям существования. Если же исходить из трактовки преступления не как реального явления, а как понятия о нем, сформулированного в законе и уголовно-правовой науке, а именно

²³² Там же. С. 157.

²³³ Там же. С. 159.

²³⁴ Панов М., Борисов В., Емельянов В. Новый курс лекцій і сучасна російська кримінально-правова думка // Вісник Академії правових наук України. 2000. № 1. С. 216.

²³⁵ Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, Изд-во Саратовск. ун-та, 1980. С. 7.

таковой подход к категории «преступление», как было показано выше, и превалирует в учебной и научной литературе, то абстрактные понятия и должны наполняться не конкретными явлениями, а обобщающими характеристиками о них, в качестве которых могут называться интересы, а также и общественные отношения. «Общественные отношения, — отмечает С. Б. Гавриш, — есть категория абстрактная, которую чаще всего возводят в закон в качестве элемента состава преступления скорее по политическим, а не по правовым соображениям. По своей природе, как и всякая мысленная модель, они нематериальны и бестелесны и носят только, по удачному замечанию В. Н. Кудрявцева, “характер информационной связи”. Поэтому нельзя причинить вред тому, что в реальной жизни не существует. Каким бы образом, используя любые аргументы, не доказывается тезис, что преступлением причиняется вред общественным отношениям, в реальной действительности ничего подобного не происходит и произойти не может. Могут быть уничтожены материальные предметы, по поводу которых совершаются преступления, исчезнуть явления, ставшие поводом для последних, общественные связи останутся неизменны либо нашим же сознанием будут видоизменены, но не более. В действительности, рассматриваясь в качестве объекта преступления, они служат как бы своеобразным мостиком между понятием состава преступления и понятием преступления, соединяя абстрактную мысленную модель преступного с реальностью»²³⁶.

Правда, и среди сторонников концепции объекта преступления как общественного отношения с самого начала ее существования единство мнений наблюдается лишь в части провозглашения общего постулата. «Однако, — отмечает В. К. Глистин, — общий постулат ничуть не мешает давать самую разнообразную характеристику структуры общественного отношения, а при определении непосредственного объекта преступления общественные отношения начинают “исчезать”, подменяться, чаще всего “интересами”»²³⁷.

²³⁶ Гавриш С. Б. Теоретические предпосылки исследования объекта преступлений // Право и политика. 2000. № 11. С. 9–10.

²³⁷ Глистин В. К. Указ. соч. С. 84.

В частности, Б. С. Никифоров, исходя из того, что «в литературе не решен даже вопрос о том, что является этим объектом — общественные отношения или что-то иное»²³⁸, пришел к выводу: «Объект преступления — это тот общий интерес, против которого направляется преступление и который берет под свою защиту уголовное право... Задача построения системы Особенной части заключается именно в том, чтобы, с одной стороны, разделить охраняемые законом интересы на группы в зависимости от их специфического назначения для государства и общества, с другой, — таким образом построить составы преступлений, относящиеся к соответствующей группе, чтобы обеспечить надлежащую охрану интересов, против которых эти преступления направлены»²³⁹. Вместе с тем Б. С. Никифоров подробно исследует и структуру общественного отношения, и на эту непоследовательность автора было обращено внимание в научной литературе. «Обращает на себя внимание, — замечает В. Я. Тацкий, — определенная непоследовательность автора. С одной стороны, Б. С. Никифоров фактически отождествляет интерес и общественное отношение, ибо определяет объект через интерес, а с другой, трактует интерес лишь как определенную составную часть общественного отношения. Рассматривая же структуру общественного отношения, он вообще не называет интерес в качестве его самостоятельного системообразующего элемента»²⁴⁰. Замена общественных отношений категорией «интерес» осуществлена при исследовании объекта преступления и Е. К. Каиржановым, у которого «интерес» стал синонимом понятия «общественное отношение»²⁴¹.

Но если при подмене общественных отношений как объекта преступлений интересами мы, по выражению С. Б. Гавриша, «заменим одну недостаточно ясную и конкретную категорию другой,

²³⁸ Никифоров Б. С. Указ. соч. С. 6.

²³⁹ Там же. С. 4, 51.

²⁴⁰ Тацкий В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, Вицца школа, 1988. С. 67.

²⁴¹ Каиржанов Е. К. Интересы трудящихся и уголовный закон. Проблемы объекта преступления. Алма-Ата, Казахстан, 1973. С. 52, 56–57.

также требующей специальных исследований и пояснений»²⁴², то еще сложнее ситуация, когда интерес рассматривается в качестве структурного элемента общественного отношения²⁴³, в связи с чем возникает как бы «двойной» объект, состоящий из охраняемых уголовным законом интересов и общественных отношений, что еще более усложняет и без того сложную конструкцию общественного отношения. Поэтому более удобными здесь выглядят те позиции, которые выводят интерес за рамки общественного отношения²⁴⁴. Но в последнем случае возникает вопрос другого рода. Если интерес находится за рамками общественного отношения и может быть самостоятельным объектом преступления, значит возможны посягательства на явления реальной действительности, не входящие в систему общественных отношений, а это, в свою очередь, означает, что общественными отношениями круг объектов преступных посягательств не исчерпывается, точно так же как не исчерпывается системой общественных отношений сама жизнедеятельность людей.

Некий «двойной» объект возникает и в случаях, когда предпринимаются попытки охватить системой общественных отношений охраняемые уголовным законом блага — жизнь, здоровье, свободу, достоинство личности. В таких конструкциях общественное отношение в виде объекта преступного посягательства и уголовно-правовой охраны всегда идет как бы «прицепом» за действительным объектом и образуется громоздкая пирамида охраняемого объекта: личность, охраняемая уголовным законом; личность, охраняемая обществен-

²⁴² Гавриш С. Б. Теоретические предпосылки исследования объекта преступлений. С. 6.

²⁴³ См.: Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовно-праве. М.: Юрид. лит., 1963. С. 165–167; Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов Свердловск. юрид. ин-та. 1969. Вып. 10. С. 198; Его же. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 21; Ляпунов Ю. И. Теоретические проблемы уголовно-правовой охраны природы в СССР. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1974. С. 15; Мороз В. В., Безлюдов О. А. Уголовное право Республики Беларусь (Общая часть): Учебник. Минск, БелНИУФЭ, 1997. С. 71; Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В. Н. Петрашева. С. 142.

²⁴⁴ Глистин В. К. Указ. соч. С. 84; Тацый В. Я. Указ. соч. С. 68–77; Его же. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву: Учебное пособие. Харьков, Юрид. ин-т, 1982. С. 78–82.

ными отношениями; охраняемые законом общественные отношения, охраняющие личность.

Так, исследуя объект преступлений против жизни, М. К. Анианц пишет: «Каждое преступление в нашей стране посягает на общественные отношения социалистического общества и в то же время на участников этих отношений. ...Однако это вовсе не означает, что непосредственным объектом данных преступлений является только личность человека, его жизнь. Вместе с личностью человека объектом этих преступлений являются общественные отношения социалистического общества в целом»²⁴⁵. Искусственность и некая «притяннутость» общественных отношений к объекту преступлений против жизни вполне очевидна.

Н. И. Загородников также, называя действительный объект преступлений против жизни, делает оговорку и в пользу общественного отношения. «При некоторых деяниях, — пишет он, — наиболее отчетливо выступает как объект преступления именно индивидуум, человек и его интересы. Причем определяющими признаками объекта таких преступлений остаются социалистические общественные отношения»²⁴⁶. А когда нужно назвать непосредственный объект преступлений против жизни, Н. И. Загородников четко констатирует, что «при преступлении против жизни виновный непосредственно посягает на жизнь человека»²⁴⁷ и об общественном отношении уже не вспоминает.

Одновременно в науке сложилось представление о том, что жизнь, здоровье человека, сама личность и ее блага являются самостоятельными объектами уголовно-правовой охраны и что непосредственным объектом преступлений против жизни, здоровья, чести, свободы личности являются не общественные отношения, а человек с его неотъемлемыми благами.

В частности В. Н. Кудрявцев указывает на следующее: «Человек в нашем государстве ценен не только как носитель общественных отношений и производитель материальных благ... Между тем ряд

²⁴⁵ Анианц М. К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М.: Юрид. лит., 1964. С. 18.

²⁴⁶ Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. С. 29.

²⁴⁷ Там же. С. 30.

преступлений посягает в первую очередь именно на жизнь и телесное здоровье человека ... на его психическое здоровье и моральные установки ... а также на свободу человеческой деятельности... Во всех этих случаях правильно говорить о людях как одном из объектов указанных посягательств»²⁴⁸.

О том, что объектом преступных посягательств может быть сама личность, отмечалось, к примеру, и в учебнике по Общей части уголовного права 1952 г. издания²⁴⁹. В рецензии на учебник «Советское уголовное право. Часть Общая» А. Н. Васильев, критикуя сторонников позиции, рассматривающей в качестве объекта преступления лишь общественные отношения, совершенно справедливо замечает, что в таком случае «следовало бы сделать схоластический вывод, что, например, в убийстве объектом преступления является не живой человек, не его жизнь, а абстракция — общественные отношения, обеспечивающие право на жизнь»²⁵⁰.

На самостоятельное значение личных благ как объектов уголовно-правовой охраны и непосредственных объектов преступных посягательств указывают Ю. А. Демидов²⁵¹ и Н. И. Панов²⁵², хотя они и пытаются как-то увязать свою позицию с концепцией общественных отношений как объектов преступлений.

Наиболее четко и последовательно эта позиция выражена в работе В. В. Сташиса и М. И. Бажанова «Личность — под охраной уголовного закона», в которой вообще не упоминается об общественных отношениях как объекте преступления и в качестве непосредственных объектов преступлений против личности рассматриваются жизнь, здоровье, свобода, личная безопасность, честь и достоинство как неотъемлемые личные блага²⁵³.

²⁴⁸ Кудрявцев В. Н. О соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. 1951. № 8. С. 59.

²⁴⁹ Советское уголовное право. Часть Общая. М.: Госюриздат, 1952. С. 175.

²⁵⁰ Васильев А. Н. Рецензия на учебник «Советское уголовное право. Часть Общая» // Социалистическая законность. 1953. № 8. С. 89.

²⁵¹ Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М.: Юрид. лит., 1975. С. 51.

²⁵² Панов Н. И. Квалификация насильственных преступлений: Учебное пособие. Харьков, Юрид. ин-т, 1986. С. 5–6.

²⁵³ Сташис В. В., Бажанов М. И. Личность — под охраной уголовного закона (Глава III Уголовного кодекса Украины с научно-практическим комментарием). Симферополь, Таврида, 1996. С. 3, 6, 83, 165, 213, 220.

В целом в уголовно-правовой науке сложилась такая ситуация, что общественные отношения как универсальный объект преступления получили постоянную «прописку» лишь в исследованиях по Общей части уголовного права. Что же касается исследований в области Особенной части уголовного права, то в них, как правило, либо делаются «дежурные» упоминания об общественных отношениях, а затем следует рассмотрение по существу действительного непосредственного объекта преступления, либо вообще ставится знак равенства между общественными отношениями и конкретными благами и ценностями как объектами преступлений. Так, П. В. Замосковцев, исследуя вопросы уголовной ответственности за посягательства на управленческую деятельность работников милиции и народных дружинников, указывает, что «объект данных преступлений определяется ... как порядок управления, совокупность общественных отношений, обеспечивающих порядок управления»²⁵⁴, а В. В. Мальцев утверждает, что объектом терроризма выступает «общественная безопасность (отношения, обеспечивающие безопасность неопределенно большого числа членов общества)»²⁵⁵. Но если блага и ценности как объекты преступления ничем не отличаются от общественных отношений по поводу их обеспечения, то для чего нужны здесь эти «реверансы» в адрес общественных отношений? Правда, чаще всего при рассмотрении конкретных составов об общественных отношениях порой вообще ничего не говорится, а просто исследуется непосредственный объект: жизнь, здоровье, деятельность, система, условия и т. д. Причем последнее наиболее характерно для учебной литературы и научно-практических комментариев к Уголовному кодексу²⁵⁶.

²⁵⁴ Замосковцев П. В. Уголовная ответственность за посягательства на управленческую деятельность работников милиции и народных дружинников по охране общественного порядка: Учебное пособие. Омск, Омская высшая школа милиции, 1980. С. 4.

²⁵⁵ Мальцев В. В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования // Государство и право. 1998. № 8. С. 106.

²⁵⁶ См., напр.: Уголовное право. Особенная часть. Изд. второе, перераб. / Ред. проф. А. А. Герцензон и проф. А. А. Пионтковский. М.: Юриздат НКЮ СССР, 1939; Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: Учебное и практическое пособие / А. И. Лукашов, С. Е. Данилюк, Э. Ф. Мичулис, Э. И. Саркисова, А. А. Шардаков, И. С. Яцута; Под общ. ред. доц. А. И. Лукашова. Минск, Тесей, 1997; Уголовный кодекс Украины: Научно-практический комментарий / Отв. ред. С. С. Яценко, В. И. Шакун. Кипв, Правові джерела, 1998; Кримінальне право України: Особлива частина: Підручник для студентів юрид. вузів і фак. / Г. В. Андрусь

А начало такому подходу было положено еще родоначальниками концепции объекта преступления как общественного отношения.

А. А. Пионтковский, будучи основателем теории объекта как общественного отношения, вместе с тем утверждал, что «охрана всей системы отношений пролетарской диктатуры предполагает и непосредственную охрану отдельной личности»²⁵⁷, что непосредственный объект «может быть общественным отношением, но в большинстве случаев им не является»²⁵⁸. А. Н. Трайнин, отмечая, что «объектом посягательства в его конкретном жизненном воплощении могут быть как материальные, так и нематериальные ценности — политические, моральные, культурные и иные», здесь же делает оговорку, что «в марксистском понимании объектом всякого посягательства являются общественные отношения, установленные в интересах господствующего класса»²⁵⁹.

В настоящее время с исчезновением идеологической подпорки в виде интересов господствующего класса отпала и необходимость в существовании искусственно созданного постулата, и как бы подводя черту под периодом господства в отечественной уголовно-правовой науке концепции общественных отношений как объекта преступлений, Г. П. Новоселов совершенно точно констатирует: «Пойдя по пути не от частного к общему, а от общего к частному и фактически “запрограммировав” себя на необходимость понимания общественных отношений как объекта каждого преступления, советская уголовно-правовая наука за весь период своего существования так и не смогла создать теории, способной устранить расхождение между декларируемым общим пониманием объекта и его характеристикой применительно к конкретным составам преступления. Не только прежде, но и в настоящее время сторонниками критикуемой

П. П. Андрушко, С. Я. Лихова та інші; За редакцією П. С. Матишевського та інших. Кіпв, Юрінком Інтер, 1999; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Изд. 3-е, изм. и доп. Под общей редакцией Генерального прокурора Российской Федерации, профессора Ю. И. Скуратова и Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева. М.: НОРМА — ИНФРА-М, 2000.

²⁵⁷ Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Часть Особенная. Т. II. М., 1928. С. 338.

²⁵⁸ Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. С. 142.

²⁵⁹ Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 123.

точки зрения в рамках Особенной части как объект преступления рассматриваются личность, здоровье, честь, достоинство, конституционные права и свободы, общественная безопасность, конституционные основы, мир и безопасность человечества и т. п. — то, что никак не может быть названо общественными отношениями как таковыми. В работах последних лет понятие объекта преступления нередко увязывается не только с правовыми благами, охраняемыми законом интересами, субъективными правами и т. п., но и с такими общественными отношениями, которые либо что-то регулируют (участие в предпринимательской деятельности, рынок ценных бумаг, внешнеэкономическую деятельность и т. д.), что-то обеспечивают (нормальное функционирование личности, половую неприкосновенность и половую свободу личности... и т. д.), либо где-то складываются (скажем, в сфере государственного регулирования налогообложения, в сфере потребительского рынка). Подобного рода трактовка “непосредственного” объекта преступления породила конструкции, которые, хотя формально и не вступают в очевидное противоречие с исходным тезисом, явно имеют “налет” искусственности и схоластики и, самое главное, ничего не дают для практики применения уголовно-правовых норм»²⁶⁰.

Кстати, что касается уголовно-правовых норм, то никогда ни в каком Уголовном кодексе того или иного государства (даже социалистического) общественные отношения не назывались и не называются в качестве объекта уголовно-правовой охраны. Более того, в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 в качестве одной из серьезных угроз национальной безопасности названа криминализация общественных отношений²⁶¹. В свете этого становится совершенно непонятным, как могут быть объектом преступного посяательства общественные отношения, подвергнутые криминализации, и зачем их нужно охранять с помощью уголовно-правовых норм.

²⁶⁰ Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М.: НОРМА, 2001. С. 23–24.

²⁶¹ См.: Российская газета. 1997. № 247; 2000. № 11.

Но что же тогда является непосредственным объектом преступления? Еще С. В. Познышев обращал внимание, что «объектом преступления может считаться лишь то, что служит, так сказать, мишенью для преступника, уничтожается, видоизменяется, так или иначе, словом, страдает от деяния преступника»²⁶². Но может ли страдать от конкретного преступного деяния общественное отношение? Как показали сами сторонники этой концепции, если и страдает как-то общественное отношение, то, так сказать, «рикошетом», во вторичном порядке, «заодно» с действительным непосредственным объектом, т. е. фактически причинение вреда общественному отношению происходит не в реальной действительности, а в воображении исследователей, поскольку само общественное отношение есть научная абстракция. Это не могут отрицать и сами сторонники рассматриваемой концепции. Так, Б. С. Никифоров, признавая общим объектом преступлений общественные отношения, в то же время указывает, что «такое теоретически правильное понимание и определение объекта тем не менее представляет собой содержательную абстракцию»²⁶³. Но если общественные отношения есть категория абстрактная, то по своей природе, как и всякая мысленная модель, они нематериальны и бестелесны, а потому причинить реальный ущерб им невозможно. Реальный ущерб можно причинить лишь «определенной конкретной категории, воплощенной в реалиях окружающего мира»²⁶⁴, в связи с чем для формулирования концепции объекта преступлений, заключает С. Б. Гавриш, «наиболее полно этому отвечает формула “объект — правовое благо”, удачно сочетающая в себе, с одной стороны, указания на специфику уголовного права (уголовная ответственность наступает лишь за посягательство на охраняемые уголовным законом блага), а с другой — указания на реальное благо, как охраняемую ценность»²⁶⁵.

При всей реальности и конкретности теории объекта преступления как правового блага, все же не представляется возможным расценить ее как универсальную, в которую безоговорочно «вписыва-

²⁶² Познышев С. В. Указ. соч. С. 53.

²⁶³ Никифоров Б. С. Указ. соч. С. 113.

²⁶⁴ Гавриш С. Б. Уголовно-правовая охрана природной среды Украины. С. 60.

²⁶⁵ Гавриш С. Б. Теоретические предпосылки исследования объекта преступлений. С. 15.

ются» все без исключения охраняемые уголовным правом объекты, ибо само понятие «благо» тоже далеко не безгранично, и в энциклопедических словарях оно определяется следующим образом.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова — «Благо — 1. Добро, благополучие... 2. То, что дает благополучие, достаток, удовлетворяет потребности»²⁶⁶.

В Советском энциклопедическом словаре — «Благо (философ.) то, что заключает в себе определенный положительный смысл. С конца XIX в. понятие Б. вытесняется понятием ценности»²⁶⁷.

В Философском энциклопедическом словаре — «Благо в этике и философии, то, что заключает в себе определенный положительный смысл. ...В дальнейшем понятие Б. постепенно утрачивает свое значение и с середины 19 в. вытесняется понятием ценность. В более узком, собственно этическом смысле слова понятие Б. синонимично понятию добра»²⁶⁸.

То есть благо — это то, что удовлетворяет потребности, является ценным и ассоциируется с добром. Но все ли охраняемые уголовным законом реалии могут быть охвачены такой формулой? В этой связи представляется примечательным следующее высказывание С. В. Познышева: «Преступление прежде всего есть посягательство. ...Посягательство это, чтобы быть преступлением, должно быть направлено на какой-либо объект, охраняемый уголовным законом, как благо, того заслуживающее. То, что законодатель считает благом, может быть вовсе не благо или составляет благо лишь одной группы граждан, а для других является злом, и с точки зрения общегосударственных интересов не могло бы быть оправдано. Но все-таки, пока существуют уголовные законы, его охраняющие, посягательство на него будет преступлением»²⁶⁹.

²⁶⁶ Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985. С. 44.

²⁶⁷ Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 144.

²⁶⁸ Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 55.

²⁶⁹ Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Выпуск первый. М., 1907. С. 101.

По-видимому, благом можно считать лишь то, что является неоспоримой ценностью во всеобщем понимании, что никем не ставится под сомнение как что-то позитивное и полезное.

Не вызывает сомнения отнесение к категории «благо» таких реалий действительности, как жизнь, здоровье, свобода, достоинство, безопасность человека, его имущественное положение и социальный статус. В то же время представляется далеко не безупречным отнесение к категории «благо», к примеру, деятельности тюремной системы, посягательства на которую преследуются в уголовном порядке. Это вынужденный атрибут государственной власти, который вряд ли можно назвать благом для человека и человечества. Фашистский и иной тоталитарный политический режим возводится в ранг блага его вдохновителями и воспринимается как таковое одной частью населения страны, но не воспринимается как благо другой частью населения страны и всеми демократическими государствами, а, напротив, расценивается как зло, подлежащее уничтожению. Но пока этот режим существует, он будет охраняться уголовным законодательством данного государства, несмотря на то, что весь остальной мир назвал это государство «империей зла». Нельзя сбрасывать со счетов и те ситуации, когда уголовное законодательство продолжает охранять те категории и условия действительности, которые давно уже не соответствуют представлениям о благе, служат лишь тормозом в общественном развитии и требуют скорейшего изменения и декриминализации. Таким образом, категорией «благо» невозможно охватить всех реалий действительности, охраняемых уголовным правом и выступающих в качестве непосредственного объекта преступных посягательств. В частности, Б. С. Утевский под объектом преступления понимал «тот интерес, те общественные отношения, те блага, которые охраняются уголовным законом»²⁷⁰. То есть, по мысли Б. С. Утевского, круг объектов преступных посягательств не исчерпывается благами, однако вряд ли верно будет к непосредственным объектам конкретного преступления причислять общественные отношения и интересы.

²⁷⁰ Утевский Б. С. Общее учение о должностных преступлениях. М.: Юриздат Минюста СССР, 1948. С. 292.

Как было показано выше, общественные отношения как научная абстракция не могут реально понести ущерба от преступного деяния. Вопрос о том, могут ли быть интересы непосредственным объектом преступного посягательства, очевидно, тоже должен решаться посредством уяснения понятия категории «интерес».

Философский энциклопедический словарь, давая понятие социального интереса, указывает, что это «реальная причина социальных действий, событий, свершений, стоящая за непосредственными побуждениями — мотивами, помыслами, идеями и т. д. — участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, классов»²⁷¹.

Советский энциклопедический словарь определяет интерес следующим образом: «Интерес — (от лат. interest — имеет значение, важно), 1) реальная причина социальных действий, лежащая в основе непосредственных побуждений — мотивов, идей и т. п. — участвующих в них индивидов, социальных групп, классов; 2) (Психол.) отношение личности к предмету как к чему-то для нее ценному, привлекательному»²⁷².

То есть интерес — это не само явление, действие, событие, а лишь причина, психологическое основание таковых, отношение к ним и вне связи с ними существовать не может, потому посягнуть непосредственно на интерес невозможно, в действительности посягательство происходит на те реалии, в которых есть чья-то заинтересованность. Таким образом, интерес может быть нарушен не прямо и непосредственно, а косвенно и опосредованно в результате посягательства на конкретные субстанции реальной действительности. Причем, если согласно определению, данному Философским энциклопедическим словарем, интерес стоит «за непосредственными побуждениями — мотивами, помыслами, идеями», то по Советскому энциклопедическому словарю он есть причина, «лежащая в основе» непосредственных побуждений, т. е. не только находится вне самого события, но еще и отделен от него промежуточным звеном в виде мотивов, идей и т. п.

Но если общественные отношения и интересы не могут быть непосредственными объектами реальных преступлений, а категорией

²⁷¹ Философский энциклопедический словарь... С. 213.

²⁷² Советский энциклопедический словарь... С. 495.

«благо» охватить все объекты невозможно, то, естественно, возникает необходимость в установлении такой обобщающей категории. И этой категорией, как представляется, может быть сам человек с его личными благами, средой обитания, созданными им общественными установлениями и правовыми нормами. «Объектом преступления, — подчеркивал А. Ф. Кистяковский, — может быть, вообще говоря, только человек со всеми правами, учреждениями, которые им как существом общественным создаются. Посему кроме жизни, здоровья, свободы, чести, как более или менее основных объектов преступления, так сказать, созданных самою природою, таковыми являются также вещи, животные, даже известный строй мыслей»²⁷³. Современный исследователь Г. П. Новоселов, основываясь на том, что от преступления всегда страдают люди, делает вывод, что объектом каждого преступления выступают люди — индивиды или их малые или большие группы (объединения) либо в целом общество (социум)²⁷⁴. Это в целом верное представление об объекте преступления нуждается в некотором уточнении, поскольку не всякое преступление посягает непосредственно на человека, оно может причинить вред ему опосредованно, посредством воздействия на условия его жизни и среду обитания. Совершая преступление, виновное лицо непосредственно посягает не только на людей, но и на те или иные разновидности, аспекты, проявления жизни, деятельности человека, коллективов, общества, их безопасность, условия существования и функционирования, т. е. на охраняемые уголовным законом конкретные сферы (разновидности, проявления) жизнедеятельности людей, которые и выступают в качестве непосредственных объектов преступлений как реальных явлений действительности. Объектами преступного посягательства могут быть жизнь, здоровье, достоинство личности, природная среда, общественные и государственные установления, их деятельность, условия функционирования и т. д., в общем, то, что существует в реальной действительности, конкретно осязаемо и чему может быть причинен реальный ущерб, поддающийся достоверному определению и оценке, и что взято под

²⁷³ Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник уголовного права. Часть Общая. Киев: Изд-е Книгопродавца — Издателя Ф. А. Иогансона, 1891. С. 280.

²⁷⁴ Новоселов Г. П. Указ. соч. С. 53–64.

охрану уголовного закона независимо от того, каково к сему отношение тех или иных слоев населения. Такое понимание объекта неоднократно выражалось автором настоящего исследования в соответствующих его публикациях²⁷⁵ и имеет не только научную, но и официальную государственную основу. В частности, преамбула Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24, начинается со слов: «Концепция национальной безопасности Российской Федерации (далее именуется — Концепция) — система взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности»²⁷⁶. Концепция (основы государственной политики) национальной безопасности Украины, одобренная Постановлением Верховной Рады Украины от 16 января 1997 г. № 3/97-ВР, в разделе II «Национальные интересы Украины» указывает: «Национальные интересы Украины отражают фундаментальные ценности и стремления Украинского народа, его потребности в достойных условиях жизнедеятельности, а также цивилизованные пути их создания и способы удовлетворения», а разд. III «Угрозы национальной безопасности Украины» начинается со слов: «Основные возможные угрозы национальной безопасности Украины в наиболее важных сферах жизнедеятельности»²⁷⁷.

При таком подходе к проблеме непосредственного объекта преступления снимается вопрос об отграничении объекта преступления от предмета, поскольку здесь речь можно вести об определенном единстве объекта и предмета преступления и невозможности их искусственного разделения²⁷⁸. Да и с позиции сторонников концепции объекта как общественного отношения разница между объектом и

²⁷⁵ См., напр.: Емельянов В. П. Терроризм — как явление и как состав преступления. Харьков. Право, 1999. С. 222; Его же. Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом // Государство и право. 2000. № 3. С. 84; Его же. Терроризм и преступления с признаками терроризирования (уголовно-правовое исследование). М.: NOTA BENE, 2000. С. 225.

²⁷⁶ См.: Российская газета. 1997. № 247; 2000. № 11.

²⁷⁷ См.: Відомості Верховної Ради України. 1997. № 10. Ст. 85.

²⁷⁸ См.: Гавриш С. Б. Теоретические предпосылки исследования объекта преступлений. С. 13–14.

предметом преступления обычно сводится лишь к тому, что общественные отношения, будучи объектом преступления, включают в себя в качестве составного элемента (предмета отношения) блага и ценности, по поводу которых они существуют и которые выступают в качестве предмета преступления, т. е., получается, что совпадают предмет общественного отношения и предмет преступления²⁷⁹. Однако, если исключить из этой схемы такую абстрактную категорию, как общественное отношение, то реальный объект совпадает с реальным предметом преступления.

На совпадение понятий объекта и предмета указывали и указывают многие ученые. Так, А. Ф. Кистяковский отмечал, что «объектом преступления называется предмет, на который направлено или над которым совершено преступление»²⁸⁰, Л. С. Белогриц-Котляревский указывал: «Общие признаки преступления суть: 1) лицо, совершающее преступное деяние, или субъект преступления, 2) предмет, на которой направляется такое деяние, или объект, и 3) самое преступное действие и его последствия»²⁸¹, а Б. С. Никифоров, рассматривая предмет как составную часть объекта, пришел к выводу, что проблема предмета преступления в ее нынешнем виде, по существу, снимается, потому что устраняется необходимость в самостоятельном исследовании предмета преступления как явления, лежащего за пределами объекта и ведущего самостоятельное по отношению к нему существование²⁸². Наиболее четко и обстоятельно эту позицию выразил А. А. Пионтковский. «Нам представляется, — писал он, — что ... введение в учение об объекте преступления понятия предмета посягательства не вызывается необходимостью... Если это только переименование непосредственного объекта в предмет посягательства, то по существу ничего не меняется, так как непосредственный объект и есть предмет, на который

²⁷⁹ См., напр.: Глистин В. К. Указ. соч. С. 44, 47–48, 53; Коржанский Н. И. Указ. соч. С. 26, 93; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. проф. Б. В. Здравомыслова. Изд. 2-е, перераб. и доп. С. 85.

²⁸⁰ Кистяковский А. Ф. Указ. соч. С. 280.

²⁸¹ Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, Петербург; Харьков: Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1903. С. 105.

²⁸² Никифоров Б. С. Указ. соч. С. 130–132.

воздействуют. Поэтому определить предмет как нечто, на что непосредственно воздействует преступник (имущество, здоровье человека и т. д.), и, оставляя этот предмет в учении об объекте, не называть его объектом — значит всего лишь неоправданно изменить ранее устоявшуюся терминологию. О предмете как элементе состава преступления, в отличие от объекта преступления, можно и должно говорить лишь тогда, когда в отличие от объекта преступления, на него (предмет) не происходит посягательства. Так, объектом взяточничества является нормальная работа госаппарата, а предметом взяточничества — определенные материальные ценности... При таком понимании предмета преступления он не относится к объекту, а принадлежит к объективной стороне состава этих преступлений»²⁸³.

Таким образом, выделение предмета, отличного от объекта преступления, основано на смешении объекта (предмета) преступного посягательства и предмета, упоминаемого в составе в качестве средства или способа совершения этого посягательства. Казалось бы, единственным исключением здесь могут служить объект и предмет преступлений против собственности, относительно которых стала уже практически аксиоматичной формула, что объектом этих преступлений являются отношения собственности, а предметом — имущество. Однако эта формула, как представляется, есть не что иное, как результат тех же самых искусственных построений на уровне родового состава, заключающихся в следующем. В первую очередь неточным является само название главы «Преступления против собственности». Эта глава включает в себя лишь незначительную часть преступлений, затрагивающих интересы собственников, а именно, имущественные преступления и то, в основном, в отношении движимого имущества. За рамками этой главы остаются преступления против интеллектуальной собственности, собственности на землю и многие другие, поэтому более точным для данной главы было бы название «Имущественные преступления». Именно так она называлась, к примеру, в Уголовных кодексах РСФСР и других республик 1922 и 1926 годов, и тогда не возникало вопроса о том, что является объектом, а что — предметом, все было едино.

²⁸³ Курс советского уголовного права. В 6-ти томах / Ред. кол. А. А. Пионтковский и др. Часть Общая. Т. 2. Преступление. М.: Наука, 1970. С. 119.

Так, в учебнике по Особенной части уголовного права 1939 г. относительно объекта хищений социалистической собственности (автор раздела проф. А. А. Герцензон) указывается: «Объект преступного посягательства по закону от 7 августа 1932 г. может быть определен следующим образом: а) государственное имущество; б) приравненные к государственному имуществу грузы на железнодорожном и водном транспорте; в) приравненное к государственному имуществу колхозов и кооперативов, а также имущество общественных организаций — профсоюзов, добровольных обществ и т. д.»²⁸⁴, а при рассмотрении корыстных имущественных преступлений (автор раздела проф. М. М. Исаев) отмечается, что их объектом является чужое имущество²⁸⁵. В работе, посвященной вопросам ответственности за кражу личного имущества граждан и за разбой, М. И. Бажанов писал, что непосредственным объектом кражи является чужое имущество, а непосредственным объектом разбоя — личное имущество и личность²⁸⁶.

Такой подход представляется совершенно правильным, поскольку вред в данных случаях причиняется действительно имуществу, а не праву собственности на это имущество, ибо в результате похищения имущества собственник не утрачивает права собственности на него и может в любой момент истребовать свое имущество от любого незаконного владельца, а виновное лицо никогда не сможет обрести права собственности на находящееся в незаконном пользовании имущество, т. к. в соответствии с гражданским законодательством право собственности возникает лишь на законных основаниях. Поэтому в уголовном законодательстве многих государств рассматриваемая категория преступлений не называется преступлениями против собственности, а имеет соответствующее конкретное наименование. Так, глава 5 Особенной части УК Китайской Народной Республики называется «Преступления против иму-

²⁸⁴ Уголовное право. Особенная часть. Изд. второе, перераб. / Ред. проф. А. А. Герцензон и А. А. Пионтковский. С. 104.

²⁸⁵ Там же. С. 256, 266, 268, 270.

²⁸⁶ Бажанов М. И. Ответственность за кражу личного имущества граждан и за разбой по советскому уголовному законодательству. Харьков, Изд-во Харьковского ун-та, 1957. С. 7-10, 24.

щества»²⁸⁷; глава 8 УК Швеции — «О краже, разбое и других преступлениях, связанных с похищением имущества»²⁸⁸; в УК ФРГ имущественные преступления находят место в четырех разделах Особенной части, которые называются следующим образом: Раздел девятнадцатый «Кража и присвоение имущества», Раздел двадцатый «Разбой и вымогательство», Раздел двадцать первый «Укрывательство преступника и укрывательство имущества, добытого преступным путем», Раздел двадцать второй «Мошенничество и преступное злоупотребление доверием»²⁸⁹.

Нередко в качестве контраргумента используется тезис о том, что при похищении имущества похищенной вещи никакого вреда не причиняется, а значит имущество не является объектом преступления. Однако этот тезис тоже есть не что иное, как результат смешения понятий. Действительно, конкретной вещи, которая похищена, никакого ущерба не причиняется и причинено быть не может, ибо не для того данная вещь похищается, чтобы причинить ей вред, а для того, чтобы извлечь из этого какую-то пользу. Ущерб причиняется имуществу собственника как совокупности имущественных благ, как некоей имущественной массе, наличному имущественному фонду, который реально уменьшается за счет похищения той или иной вещи. Именно в этом смысле имущество выступает в качестве объекта (предмета) преступления. Похищение конкретной вещи служит лишь способом посягательства на имущество, а значит имеет отношение не к объекту (предмету) преступления, а к его объективной стороне, поскольку указывает на то, в чем же конкретно выразилось причинение вреда имуществу.

Исходя из тождества объекта и предмета преступления, не следует в то же время смешивать их с объектом преступного воздействия при совершении конкретного преступления. Так, Н. И. Коржанский, говоря о непосредственном объекте, высказал такое мнение: «Непосредственным объектом преступления следует считать объект конкретного посягательства (жизнь Данилова П. П., здоровье Заха-

²⁸⁷ См.: Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Под ред. и с предисл. проф. А. И. Коробеева; Пер. с кит. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 103.

²⁸⁸ См.: Уголовный кодекс Швеции / Пер. с англ. С. С. Беляева. М.: МГУ, 2000. С. 31.

²⁸⁹ См.: Уголовный кодекс ФРГ / Пер. с нем. М.: Изд-во «Зерцало», 2000. С. 139, 142, 144, 148.

рова И. С., собственность колхоза им. Чапаева)»²⁹⁰. Возражая против этой позиции, В. Я. Тацкий совершенно верно замечает, «что здесь допущена подмена непосредственного объекта как элемента состава преступления объектом преступного воздействия»²⁹¹, и делает такой вывод: «Поэтому представляется вполне оправданным, помимо непосредственного объекта преступления, выделить объект преступного воздействия»²⁹².

Объекты преступлений в уголовно-правовой литературе обычно классифицируются по двум основаниям: в зависимости от степени обобщенности — по «вертикали» (общий, родовой и непосредственный) и в зависимости от важности непосредственного объекта — по «горизонтали» (основной, дополнительный обязательный, дополнительный факультативный)²⁹³.

В основу данной классификации положена структура действующего уголовного законодательства, в связи с чем, по-видимому, требуется некоторое уточнение в том плане, что именно здесь подвергнуто классификации — объекты преступлений или признаки объектов, сформулированные в конструкциях составов, реальные явления действительности или их информационные модели. Впервые подвергнув критике трехстепенную систему деления объектов по «вертикали», Б. С. Никифоров отмечал, что «предлагаемое в литературе трехстепенное деление объектов, претендующее на универсальность, в действительности целиком применимо только к немно-

²⁹⁰ Коржанский Н. И. Указ. соч. С. 73.

²⁹¹ Тацкий В. Я. Указ. соч. С. 91; *Его же*. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву: Учебное пособие. Харьков, Юрид. ин-т, 1982. С. 93.

²⁹² Тацкий В. Я. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву: Учебное пособие. С. 94.

²⁹³ См., напр.: Курс советского уголовного права (Часть Общая). Т. I. С. 289–302; Уголовное право УССР. Общая часть / Под ред. проф. В. В. Сташиса и доц. А. Ш. Якупова. Киев: Вища школа, 1984. С. 77–79; *Даньшин I.* Объект злочину хуліганства // Радянське право. 1965. № 1. С. 97–101; *Его же*. Ответственность за хулиганство по советскому Уголовному праву. Харьков: Изд-во Харьковск. ун-та, 1971. С. 43–45; *Его же*. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. М.: Юрид. лит., 1973. С. 148–149; Тацкий В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. С. 78; Мороз В. В., Безлюдов О. А. Уголовное право Республики Беларусь (Общая часть): Учебник. С. 72–74; Кримінальне право України. Загальна частина: Підручник для студентів юрид. спец. вищ. закладів освіти / М. І. Бажанов, Ю. В. Баулін, В. І. Борисов та ін.; За ред. професорів М. І. Бажанова, В. В. Сташиса, В. Я. Тація. Київ-Харків, Юрінком Інтер — Право, 2001. С. 97–101.

гим преступлениям, например, к преступлениям против личности. Применительно к другим составам нередко указываются только два объекта — общий, который предполагается, и другой — то ли “специальный”, то ли “непосредственный”, то ли “специальный” и “непосредственный” одновременно²⁹⁴. Из приведенного высказывания Б. С. Никифорова можно сделать два таких вывода: 1) общий и родовой объект устанавливаются применительно к составам, существующим в действующем законодательстве, 2) реальный из всех объектов один — непосредственный или специальный, остальные лишь предполагаются.

На предположительный, абстрактный характер родового объекта обращалось внимание и в более поздней литературе. «Вразрез с устоявшимся в теории и практике пониманием родового объекта преступления, — пишут И. П. Лановенко и Г. И. Чангули, — отдельные авторы высказывали сомнения в целесообразности и даже правильности его определения, так как родовой объект преступления (как и родовой состав в целом) — «абстракция, которой не знает закон»²⁹⁵. Точности ради следует заметить, что в цитируемом И. П. Лановенко и Г. И. Чангули научном издании «Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть Общая», абстракцией, которой не знает закон, был назван лишь родовой состав²⁹⁶, что же касается родового объекта, то относительно последнего прямых указаний о его абстрактности сделано не было, хотя, возможно, к такому выводу и следует прийти, сопоставив утверждение авторов научного издания об абстрактности родового состава с их определением преступления как явления «реальной жизни», посягающего «на конкретное общественное отношение»²⁹⁷. И этот вывод представляется по существу правильным, поскольку в действительности преступление как явление объективной реальности имеет лишь один объект — непосредственный (конкретный) либо несколько таковых.

²⁹⁴ Никифоров С. Б. Указ. соч. С. 108–109.

²⁹⁵ Лановенко И. П., Чангули Г. И. Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан / АН УССР. Ин-т государства и права. Отв. ред. И. П. Лановенко. Киев: Наукова думка, 1989. С. 13.

²⁹⁶ Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть Общая / Отв. ред. Ф. Г. Бурчак. Киев, Наукова думка, 1985. С. 65.

²⁹⁷ Там же. С. 56.

Никакого родового и общего объекта конкретное преступление как реальное явление действительности не знает, ибо преступное посягательство всегда конкретно и непосредственно. Как справедливо подчеркивает Г. П. Новоселов, «вычленение трех названных видов понятий объекта преступления никакого отношения к классификации самих объектов преступления не имеет: сходное, повторяющееся во всех объектах преступления есть их общий признак, но не общий объект; особенность какой-то группы объектов преступления — не родовый объект, а признак, объединяющий некоторую часть объектов посягательств в одну однородную по направленности группу и вместе с тем отличающий ее от всех других групп. Подобно тому, как само преступление всегда предстает явлением (но не понятием) конкретным и не может быть “родовым” или “общим”, его объект также всегда конкретен, не существует в виде “родового” или “общего” объекта посягательства, и, следовательно, в реальной действительности в посягательстве нет никакого иного объекта, кроме того, который сторонниками классификации объектов преступления по вертикали называется непосредственным»²⁹⁸. Родовой и общий объекты — это не реальные объекты преступления, а обобщающие понятия об объектах конкретных преступных посягательств, возникающие на базе информации о признаках конкретных явлений. Обобщая информационные модели, содержащиеся в конкретных составах преступлений, представляющих, в свою очередь, тоже научные абстракции, мы поднимаемся на более высокий уровень абстракции и определяем признаки родового объекта, а затем — и общего. Причем зачастую определение признаков родового объекта носит субъективный и противоречивый характер, потому в уголовном законодательстве одни и те же составы в разные периоды развития государства находятся в различных главах Уголовного кодекса либо неодинаково размещаются по главам УК в различных государствах, либо вызывают серьезные разногласия в науке относительно правильности их размещения в той или иной главе УК²⁹⁹, чем демонст-

²⁹⁸ Новоселов Г. П. Указ. соч. С. 22.

²⁹⁹ См, напр.: Тихий В. В. Ответственность за хищение огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ по советскому уголовному праву. Харьков, Вища школа, 1976. С. 6–23; Лановенко И. П. Охрана трудовых прав. Теоретические проблемы развития уголовного законодательства Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1975. С. 157–174; Лановенко И. П., Скрипник А. Н., Розовский Б. Г. Безопасность труда в горной про-

рируется зависимость категории «родовой объект» не столько от объективных реалий, сколько от уровня и специфики обобщенности признаков этих реалий.

Тем более это проявляется вследствие отказа ряда вновь принятых или принимаемых уголовных кодексов³⁰⁰ от так называемой «линейной» системы построения Особенной части УК и подразделения ее не на главы и статьи, а на разделы, главы и статьи. Согласно этим кодексам многие из тех понятий, которые традиционно относились к родовым объектам, вдруг перестали быть таковыми, а трехстепенное деление объектов было вытеснено четырехстепенным, а то и пятистепенным делением, в зависимости от конструкции соответствующего раздела Особенной части Уголовного кодекса³⁰¹, и теперь то, что считалось ранее родовым объектом, может выступать либо в виде включающего в себя ряд родовых объектов — интегрированного (надгруппового, сложного, составного) либо в качестве видового как части родового объекта, и наоборот, то, что ранее считалось видовым объектом, может расцениваться как родовый. Так, упоминаемые Б. С. Никифоровым как образец трехстепенной системы преступления против личности в новых кодексах выглядят следующим образом.

Согласно УК РФ раздел «Преступления против личности» включает в себя гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья», гл. 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства», гл. 18

4; Лановенко И. П., Скрипник А. Н., Розовский Б. Г. Безопасность труда в горной промышленности и уголовный закон (уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминологические аспекты). Киев, Наукова думка, 1978. С. 26–54; Борисов В. И. Основные проблемы охраны безопасности производства в уголовном законодательстве Украины. Дис. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1992. С. 166–180; Болотский Б. С. Об уголовно-правовой оценке разбоя в советском уголовном праве // Ученые записки Саратовск. юрид. ин-та им. Д. И. Курского, 1969. Вып. XVI. С. 109; Пинаев А. А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков, Вища школа, 1975. С. 47–48; Никифоров Б. С. Указ. соч. С. 54–56.

³⁰⁰ Имеются в виду Уголовные кодексы Российской Федерации, Республики Беларусь, Туркменистана, Узбекистана.

³⁰¹ См.: Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. С. 185; Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. С. 161–163; Уголовное право, Часть Общая. Часть Особенная: Учебник / Под общ. ред. проф. Л. Д. Гаухмана, проф. Л. М. Колодкина и проф. С. В. Максимова. С. 92–93; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. проф. Б. В. Здравомыслова. Изд. 2-е, перераб. и доп. С. 112–115.

«Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», гл. 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», гл. 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

Раздел «Преступления против личности» УК Туркменистана содержит те же главы с той лишь разницей, что гл. 20 называется «Преступления против несовершеннолетних, семьи и нравственности».

Та же схема заложена и в УК Республики Беларусь.

В УК Узбекистана раздел «Преступления против личности» включает в себя гл. I «Преступления против жизни», гл. II «Преступления против здоровья», гл. III «Преступления опасные для жизни и здоровья», гл. IV «Преступления против половой свободы», гл. V «Преступления против семьи, молодежи и нравственности», гл. VI «Преступления против свободы, чести и достоинства», гл. VII «Преступления против конституционных прав и свобод граждан».

Обращает на себя внимание, что если в УК РФ, УК РБ и УК Туркменистана преступления против жизни и здоровья расположены в одной главе, то в УК Узбекистана они «разбиты» по трем главам, предусматривающим отдельно составы преступлений против жизни, против здоровья и опасных для жизни и здоровья.

Указанное лишний раз свидетельствует о том, что такие категории, как общий, родовой и видовой объекты, в отличие от непосредственного объекта, в реальной действительности не существуют, они есть обобщающие понятия, входящие структурно в такие же абстрактные категории, как общее, родовое и видовое понятие состава (общий, родовой, видовой состав) и относятся не к категории «преступление» как явлению реальной действительности, а к категории «состав преступления» как научной абстракции. Поэтому было бы точнее говорить не об общем, родовом и видовом объекте, а об общих признаках объекта, сгруппированных, синтезированных на уровне видového, родового и общего понятия состава преступления. На этом уровне уже невозможно оперировать реальными благами и ценностями как непосредственными объектами конкретных преступлений, а можно вести речь лишь о соответствующих понятиях и абстрактных категориях той или иной степени обобщенности. Видовое, родовое и общее понятие состава, будучи научными абстрак-

циями, включают в себя не конкретные блага и ценности, а их информационные модели, а также информацию о стоящих за ними интересах и опосредующих их существование и развитие общественных отношениях.

Непосредственный объект существует как бы в двух ипостасях — как явление реальной действительности, в отношении которого направлено преступное деяние и которое служит «мишенью» для виновного, и как совокупность признаков конкретного состава преступления, сформулированного в статье уголовного закона.

При совершении преступления виновное лицо может посягать на два или более непосредственных объекта и тогда в соответствии с уголовным законом возникают такие ситуации. Если признаки каждого из этих объектов содержатся в отдельных составах, то и квалификация деяния осуществляется по совокупности составов преступлений. Если же признаки нескольких объектов содержатся в одном сложном составе, и содеянное полностью этим составом охватывается, то квалификация будет осуществляться по сложному составу, а преступление расценивается как сложное. В этом случае один из объектов будет считаться основным, остальные — дополнительными. Основным объектом будет тот, который счел таковым законодатель, хотя в реальной действительности иерархия объектов может быть совсем иной. Так, избиение, совершенное на почве личных неприязненных отношений с очевидным для виновного нарушением общественного порядка, в соответствии с п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 28 июня 1991 г. № 3 «О судебной практике по делам о хулиганстве» должно расцениваться как хулиганство³⁰², т. е. основным объектом будет считаться общественный порядок, а дополнительным — здоровье человека, тогда как по сути дела здесь все с точностью до «наоборот» — для виновного основным объектом фактически было здоровье потерпевшего, а нарушение общественного порядка получилось произвольно, без стремления к этому виновного лица. Подобные составы в науке называют обычно учтенной законом совокупностью и, конечно, от во-

³⁰² Кримінальний кодекс України. Кримінально-процесуальний кодекс України. Постанови Пленуму Верховного Суду України із загальних питань судової діяльності та в кримінальних справах / Відп. ред. В. Т. Маляренко. Кипв, Юрінком Інтер, 1999. С. 568.

ли законодателя во многом зависит, что «учесть» в этом едином составе и какой объект считать основным, а какой дополнительным, потому и классификацию объектов по «горизонтали» также следует отнести к категории «состав преступления», а не к категории «преступление». Таким образом, под классификацией объектов по «вертикали» и «горизонтали», очевидно, следует понимать классификацию признаков объектов, содержащихся в составах.

В сущности такой учтенной законом совокупностью являются и составы терроризма, содержащие признаки соответствующих многообъектных деяний. Всякий акт терроризма посягает одновременно на различные охраняемые законом блага и другие сферы жизнедеятельности людей, и в зависимости от того, в охране каких сфер у законодателя имеется наибольшая заинтересованность — определяются признаки основного объекта в составе терроризма. Вопрос же о том, какой объект считать основным, а соответственно и определяющим родовую принадлежность состава, является далеко не бесспорным и по-разному решается в уголовном законодательстве различных государств. Если УК Российской Федерации, Украины, Туркменистана относят терроризм к преступлениям против общественной безопасности, то УК Узбекистана — к преступлениям против мира и безопасности человечества, а УК Грузии и Уголовный закон Латвии — к преступлениям против государства. В УК Республики Беларусь, который содержит три состава терроризма, они уже расположены в различных главах, в частности, в гл. 17 «Преступления против мира и безопасности человечества» находится ст. 126 (международный терроризм), а в гл. 27 «Преступления против общественной безопасности» — ст. 289 (терроризм) и ст. 290 (угроза совершением акта терроризма). В УК Франции разд. II «О терроризме» размещен в кн. IV «О преступлениях против нации, государства и общественного порядка», в УК Испании отдел 2 «О терроризме» гл. V находится в разд. XXII «Преступления против общественного порядка», в УК ФРГ § 129^a (создание террористических сообществ) находится в разделе седьмом Особой части, который называется «Преступные деяния против общественного порядка», в УК КНР ст. 120, предусматривающая ответственность за организацию, руководство или активное членство в террористической организации,

расположена в гл. 2 Особенной части УК, которая называется «Преступления против общественной безопасности».

Как видно, той сферой, которой, по мнению законодателя, причиняется наибольший вред актами терроризма, чаще всего признается общественная безопасность, однако, исходя из обстоятельств самого деяния, нарушение общественной безопасности выступает для террористов хотя и первоочередным, но фактически не основным, а вспомогательным действием, способом посягательства на другой объект в сложном (составном) преступлении. «Признак двойственного характера объекта посягательства в терроризме (непосредственным являются отдельные граждане или материальные объекты, конечным — элементы конституционного строя, порядок управления, общественные институты), — замечает В. Е. Петрищев, — на наш взгляд, очень важен, ибо он позволяет четко дифференцировать социально-политические и правовые оценки проявлений действительно террористических и весьма схожих с ними по объективной стороне общеуголовных составов преступлений»³⁰³. В связи с этим В. Ф. Антипенко обращает внимание на следующее: «Общественная безопасность не может быть основным объектом терроризма... Запугивание при терроризме, как уже было указано, выступает не самоцелью, а средством достижения цели оказания влияния на основной объект, чем реализуется понуждение соответствующих лиц к выгодным для террористов решениям. Основным же объектом терроризма являются национальные и наднациональные институты (в их различных вариантах), посягая на которые посредством воздействия на непосредственный объект, виновные лица достигают или стремятся достигнуть главной цели нарушения их неприкосновенности»³⁰⁴.

Терроризм относится к той категории составных преступлений, в которых посягательство на один объект (общественную безопасность) служит способом причинения вреда другому объекту — основному. А в таких случаях, как отмечает Н. И. Панов, «способ является дополнительным, вспомогательным действием, обеспечивающим осуществление основного действия, образуя с ним разновидность сложного дейст-

³⁰³ Петрищев В. Е. Правовые и социально-политические проблемы борьбы с терроризмом // Государство и право. 1998. № 3. С. 89–90.

³⁰⁴ Антипенко В. Поняття тероризму (кримінально-правове визначення) // Право України. 1999. № 2. С. 93.

вия. Из этого вытекает, что способ в сложном действии представляет собой элемент структуры, т. е. часть сложного действия, и в пределах последнего выполняет свойственную ему функцию — обеспечение исполнения основного действия, с которым он внутренне связан, образует с ним неразрывное единство»³⁰⁵.

Получается, что вопреки канонам уголовно-правовой науки при отнесении терроризма к преступлениям против общественной безопасности законодатель наделяет фактически дополнительный объект, посягательство на который служит способом посягательства на какой-то основной, признаками основного объекта.

Однако, как ни парадоксально это на первый взгляд выглядит, но при всей, так сказать, научной неправоте, законодатель в данном случае совершенно прав. Если даже принять за основу, что здесь ведущее значение придано тому деянию, которое выступает лишь способом посягательства на основной объект, то при такой ситуации, когда в качестве основного объекта выступают в бесконечном множестве различные «национальные и наднациональные институты» и т. д., способ посягательства на них посредством нарушения общественной безопасности есть единственное общее свойство данных преступлений, которое возможно «вынести за скобки» и сформулировать самостоятельный состав преступления. В противном случае, если во главу угла поставить те непосредственные объекты, которым в конечном итоге и стремятся нанести ущерб террористы посредством создания обстановки страха на фоне посягательства на общественную безопасность, то тогда потребуется бесконечное множество составов терроризма, «разбросанных» по Уголовному кодексу, либо необходимо создавать некий «террористический» кодекс, что, безусловно, неприемлемо для законодательства и правоприменительной практики.

Таким образом, законодательная техника в данном случае вынуждает поменять местами основной и дополнительный объекты терроризма при определении их признаков в соответствующем составе. Однако при осуществлении подобной «рокировки» важно стремиться к тому, чтобы не придать самодовлеющего значения фактически дополнительному объекту — общественной безопасно-

³⁰⁵ Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков, Вища школа, 1982. С. 96.

сти — и не упустить из виду фактически основные объекты, в целях посягательств на которые и осуществляются террористами общественно-опасные действия. Такого рода упрощения демонстрируют, например, составы терроризма, предусмотренные ст. 205 УК РФ и ст. 271 УК Туркменистана, согласно которым общественная безопасность может быть вообще единственным объектом преступления, а из числа фактически основных объектов указывается лишь на деятельность органов власти, и то в факультативном порядке. Но при таком подходе к конструированию состава не только упускаются признаки фактически основных объектов, но и порождается несоответствие состава терроризма тем составам, которые содержат в качестве обязательных признаки деяний с элементами терроризирования, т. е. тех деяний, в которых насилие или угроза совершения насилия либо иных действий служат не самоцелью, а средством понуждения к какому-либо решению или отказу от него и составы которых имеют признаки двух обязательных объектов — основного и дополнительного, а во многих случаях также и дополнительного факультативного (вымогательство, захват заложника, принуждение к выполнению или невыполнению гражданско-правовых обязательств и т. д.). Поэтому терроризм, будучи ядром преступлений террористического характера, должен быть максимально приближен по конструкции своего состава к родственным составам. И одним из этапов в этом направлении, по всей видимости, должно быть определенное «усложнение» признаков объекта терроризма и формулирование его как сложного состава с признаками двух обязательных (основного и дополнительного) и дополнительных факультативных объектов.

В качестве признаков дополнительного обязательного объекта состава терроризма следует предусмотреть деятельность органа государственной власти, международной организации, а также физического или юридического лица или группы лиц. Признаками дополнительного факультативного объекта в составе терроризма могут выступать жизнь, здоровье, имущество и т. д. Как справедливо заметил А. В. Щеглов, «объект террористических посягательств всегда обладает двойственным характером, ибо включает в себя непосредственные жертвы террористов или разрушаемые ими материальные ценности и общий объект, в качестве которого выступают элементы

конституционного строя (порядок управления, территориальная целостность или политическое устройство государства, его военная или экономическая мощь, финансовая система и т. д.)»³⁰⁶.

Поэтому не следует упускать из виду тот технический прием замены местами признаков основного и дополнительного объектов, который законодатель в данном случае применил в порядке исключения, а также тот факт, что в ряде государств уголовные кодексы вообще не относят состав терроризма к преступлениям против общественной безопасности, придавая тем самым данному благу лишь черты дополнительного, а не основного объекта.

В то же время не совсем удачными представляются и варианты включения состава терроризма не в главу «Преступления против общественной безопасности», а в какую-то другую, поскольку в тех случаях, когда этот состав находится в главе УК, содержащей составы преступлений против государства или против мира и безопасности человечества, то за основу принимаются не наиболее типичные случаи актов терроризма, а напротив — наиболее тяжкие формы его проявления, в результате чего искажается характер и искусственно завышается степень общественной опасности тех актов терроризма, которые в действительности не были направлены ни против основ государственности, ни против международного правопорядка. Расположение состава терроризма в другой главе представляется возможным лишь тогда, когда в нем выражена специальная норма при наличии в УК общей нормы, выраженной в составе, находящемся в главе «Преступления против общественной безопасности», как это предусмотрено в УК Республики Беларусь.

При определении признаков объекта учитывается не только то, на что реально посягает конкретное преступное деяние, но и другие элементы преступления. «Опасность деяния, — указывал Н. Д. Дурманов, — определяется не только важностью объекта посягательства, но также, в ряде случаев, способом действия, тяжестью причиненного вреда, характером вины и мотивов, обстановкой совершения деяния...»³⁰⁷

³⁰⁶ Щеглов А. В. Анатомия терроризма: проблемно-психологический анализ // Право и политика. № 5. С. 51.

³⁰⁷ Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 132.

Для терроризма характерны именно общепасный способ вспомогательного действия и многообъектность посягательства. Нередко тот объект, на который террористы посягают посредством посягательства на общественную безопасность, не идет ни в какое сравнение по степени важности с этим объектом, и наиболее тяжкие последствия наступают именно от посягательства на общественную безопасность, а основному объекту порой реального вреда не причиняется. Причем общественная безопасность выступает в качестве объекта во всех без исключения случаях совершения актов терроризма и других преступлений террористического характера и независимо от того, как признаки этих деяний сформулированы в законе и в каких главах УК расположены их составы, общественная безопасность является тем стержневым (или сквозным) объектом, который наряду с особенностями объективной и субъективной стороны деяния, позволяет объединить их в категорию преступлений террористического характера, подобно тому как в категорию корыстных преступлений по их стержневому (сквозному) объекту возможно отнести, к примеру, вымогательство имущества и вымогательство взятки. А коль скоро общественная безопасность выступает объектом всех преступлений террористического характера, а терроризм — ядром этих преступлений, то целесообразнее всего и состав терроризма расположить в главе (разделе) УК «Преступления против общественной безопасности», но при этом иметь в виду сложность и многообъектность самого деяния, совершаемого в реальной действительности, поскольку относительно объекта преступлений против общественной безопасности в уголовно-правовой науке нет единства мнений.

Одни ученые считают, что основным объектом этих преступлений является общественная безопасность, а в качестве дополнительных могут быть жизнь, здоровье, собственность³⁰⁸, другие полагают, что единственным объектом здесь выступает общественная безопасность, поскольку без причинения вреда таким благам, как жизнь,

---

³⁰⁸ Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности: Учебное пособие. Свердловск, Свердловск. юридич. ин-т, 1874. С. 35–36; Тихий В. П. Проблемы уголовно-правовой охраны общественной безопасности (понятие и система преступлений, совершенствование законодательства). Дисс. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1987. С. 102–103.

здоровье людей, собственность и т. д. не может быть посягательства на общественную безопасность³⁰⁹.

Возможно, что какие-то деяния (например, транспортные преступления) и возможно охватить категорией «общественная безопасность», не выделяя дополнительных объектов, однако с таким сложным как по объективной, так и по субъективной стороне многообъектным деянием, как терроризм подобный вариант исключается.

Во-первых, как было показано выше, расположение состава терроризма в главе о преступлениях против общественной безопасности имеет в известной мере условный характер и диктуется в значительной степени законодательной целесообразностью и статистической частотой данного объекта при совершении конкретных посягательств, но в УК других государств его место нахождения может быть совсем иным и тогда уже не возникает вопроса об общественной безопасности как едином и единственном объекте терроризма.

Во-вторых, другие преступления террористического характера (например, террористический акт), которым также органически присуще посягательство на общественную безопасность, предусмотрены в других главах УК в составах со сложным объектом.

В-третьих, позиция о единственном объекте преступлений против общественной безопасности не согласуется уже с конструкцией ст. 205 УК РФ (не говоря о конструкциях ст. 258 УК Украины, ст. 88 Уголовного закона Латвии, ст. 155 УК Узбекистана), где в качестве признаков дополнительного объекта прямо указано на деятельность органов государственной власти. Причем, исходя из объективной стороны состава ст. 205 УК РФ, нетрудно заметить, что если посягательство на жизнь, собственность и т. п. производится одновременно с общеопасными действиями, то вмешательство в деятельность органов власти потребует дополнительных усилий со стороны террористов, которые, хотя органически и связаны с актом нарушения общественной безопасности, но тем не менее выполняются самостоятельно и являются для террористов

³⁰⁹ Замосковцев П. В., Коробеев А. И. Квалификация транспортных преступлений органами внутренних дел: Учебное пособие. Хабаровск, Хабаровская Высшая школа МВД СССР, 1988. С. 7; Комиссаров В. С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества. По новому УК РФ. М.: Кросна-Лекс, 1997. С. 20.

смыслом всего деяния в целом, обозначающим действительно основной объект их посягательства.

§ 2. ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ТЕРРОРИЗМА И ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

В российской литературе, комментирующей состав терроризма (ст. 205 УК РФ), традиционно указывается, что его объективная сторона выражается в двух видах деяний: 1) совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих объективную опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, или 2) угроза совершения таких действий³¹⁰. Такая характеристика объективной стороны терроризма может быть в какой-то мере приемлемой для того варианта состава терроризма, который имеет место в ст. 205 УК РФ. Однако в УК РБ эти формы уже разбиты на два состава, предусматривающие ответственность за терроризм (ст. 289) и угрозу совершением акта терроризма (ст. 290), а согласно УК Франции объективная сторона состава терроризма далеко не исчерпывается подобными действиями, поскольку в соответствии со ст. 421-1 и 421-2 эти действия должны быть совершены путем запугивания или террора с целью серьезно нарушить общественный порядок. Указание на запугивание не в качестве цели, а в качестве пути к достижению цели, иными словами, способа, средства ее достижения свидетельствует об отнесении французским законодателем данного элемента терроризма к объективным признакам состава.

Следует заметить, что и предусмотренные в статьях УК цели актов терроризма нельзя рассматривать как исключительно субъективные моменты этих деяний, поскольку реализация этих целей объективируется вовне путем осуществления реальных действий — соз-

³¹⁰ Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Отв. ред. доктор юридических наук, профессор Б. В. Здравомыслов. М.: Юристъ, 1996. С. 248; Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная: Учебник / Под ред. проф. Л. Д. Гаухмана, проф. Л. М. Колодкина и проф. С. В. Максимова. С. 550; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Изд. 3-е, изм. и доп. С. 497.

дания обстановки страха, предъявления конкретных требований, понуждения к выполнению этих требований. Цель не может быть достигнута без осуществления реальных действий, направленных на ее реализацию, и на это прямо указывается во многих научных исследованиях. Так, Т. В. Церетели относит к действию сознательную волевую цель человека и ее объективное проявление, т. е. внешнее действие или бездействие³¹¹. «Без конкретного действия (бездействия), — замечает Б. С. Волков, — нет волевого акта. Волевой акт находит свое выражение в сознательных действиях, направленных на достижение определенной цели. Целенаправленность является характерным признаком любого волевого поведения. ... Давая оценку поведению лица, мы, прежде всего, должны исходить из того, входили ли наступившие последствия в цель действия...»³¹² Г. А. Злобин и Б. С. Никифоров в этой связи пишут: «По своему содержанию цель включает в себя сознание и волю человека по отношению к объективному результату его поведения. Поэтому она (цель) указывает на действительный (хотя и отдаленный) объект преступного деяния и выражает отношение личности к этому объекту»³¹³. Таковым действительным (хотя и отдаленным) объектом выступает для террористов деятельность государственных органов, международных организаций, физических или юридических лиц, на характер которой они стремятся воздействовать путем устрашения населения различными деяниями. Поэтому совершенно правильно в одном из Комментариев к УК РФ указывается на следующие особенности терроризма: «Террористические действия могут быть разнообразны, но их объединяет два общих элемента. Во-первых, они направлены на подрыв государственной власти и, во-вторых, создают у населения чувство страха и беспомощности, возникающее под влиянием организованного и жестокого насилия»³¹⁴. «Точно так же, — замечает В. Е. Петрищев, — в терроризме умышленное уничтожение материальных объектов — не самоцель, а способ вынудить

³¹¹ Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. М.: Госюриздат, 1963. С. 23–25.

³¹² Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань, Изд-во Казанск. ун-та, 1965. С. 35, 39.

³¹³ Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы. М.: Юрид. лит., 1972. С. 78.

³¹⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. доктор юридических наук, профессор А. В. Наумов. М.: Юристъ, 1997. С. 492–493.

власти либо определенные слои или категории граждан совершить выгодные террористам действия»³¹⁵.

Таким образом, охарактеризовать объективную сторону терроризма (в самом широком смысле слова) без учета субъективных моментов невозможно, поскольку объективная сторона тесно связана с его субъективной стороной. Эта связь имеется при совершении любого преступления, поскольку «субъективная сторона порождает, направляет и регулирует объективную сторону преступления»³¹⁶. «Будущая объективная сторона преступления, — отмечает В. Н. Кудрявцев, — в идеальной форме складывается в сознании лица и затем в той или иной мере осуществляется в действительности. Выбор преступником объекта посягательства, времени, места совершения преступления и средств к достижению преступной цели определяет и объективную сторону его поведения. Объективная сторона служит практическим осуществлением преступных намерений субъекта. Особенно наглядно это видно в тех умышленных преступлениях, которые совершаются по заранее намеченному плану»³¹⁷. Таким особенно наглядным преступлением и является терроризм.

Так в чем же выражается объективная сторона терроризма как преступления, совершаемого в реальной действительности? Объективную сторону любого преступления, независимо от того, как его признаки сформулированы в составе, образуют деяние (действие или бездействие), последствия, причинная связь между деянием и последствием, время место, способ, обстановка совершения преступления. Подразделить их на признаки обязательные и факультативные можно лишь применительно к составу преступления, но не к преступлению как реальному явлению, которому они все имманентно присущи.

Деяние есть проявление человека во внешнем мире либо в активной форме (действие), либо в пассивной форме (бездействие).

Действия принято подразделять в науке на физические и информационные³¹⁸. Физическое действие выражается в использова-

³¹⁵ Петрищев В. Е. Указ. соч. С. 90.

³¹⁶ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. С. 12–13.

³¹⁷ Там же. С. 14.

³¹⁸ Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М.: Юрид. лит., 1968. С. 88–91; Соколов В. М. О природе человеческого общения. Фрунзе, Мектеп, 1974. С. 22–23; Социальная психология. М.: Политиздат, 1975. С. 158–160; Общая психология. М.: Просвещение,

нии физической силы, направленной на осуществление преступного посягательства и на изменение тем самым внешней, физической сферы объектов материального мира. Информационные действия заключаются в таком общественно опасном поведении, которое направлено на передачу соответствующей информации другим лицам и выражается в словесной форме, а также в форме различных действий, несущих информацию: смысловых жестов и выразительных движений. В то же время отмечается, что для некоторых преступлений характерно сочетание физических и информационных действий³¹⁹. И это, в первую очередь, относится к терроризму и другим преступлениям с элементами терроризирования, в структуре которых насилие играет сугубо информационную роль и представляет собой особую форму угрозы, направленной на понуждение к каким-то действиям на фоне созданной посредством насилия обстановки страха, т. е. физическое действие здесь если и имеет место, то оно является структурным элементом информационного действия, причем действия вспомогательного, основное же действие здесь всегда носит информационный характер (предъявление требований, понуждение).

Сугубо информационный характер имеют те деяния с элементами терроризирования, которые сопряжены лишь с угрозой совершения или несовершения каких-то действий. Совершить же эти преступления с помощью только физических действий невозможно. В качестве структурного элемента вспомогательного действия, направленного на устрашение, может выступать и бездействие. Но оно подчинено здесь активному действию — угрозе дальнейшим бездействием или повторным бездействием, если не будут выполнены те или иные требования виновного, ибо, как совершенно точно заметил И. В. Самощенко, «путем бездействия угрозу совершить невозможно»³²⁰, которая «как всякое информационное воздействие предполагает передачу определенной информации посредством сообщения. Отсутствие целенаправленной передачи

1976. С. 162; *Жордания И. Ш.* Структура и правовое значение способа совершения преступления. Тбилиси, Сабчота Сакартвело, 1977. С. 96; *Панов Н. И.* Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков: Вища школа, 1982. С. 16; *Самощенко И. В.* Указ. соч. С. 11–12.

³¹⁹ *Панов Н. И.* Указ. соч. С. 16.

³²⁰ *Самощенко И. В.* Указ. соч. С. 12.

информации, проявления ее вовне свидетельствует об отсутствии действия как состоявшегося факта»³²¹. Можно угрожать бездействием, но невозможно бездействовать при выражении угрозы. В этой связи, по-видимому, нуждается в уточнении тезис В. В. Мальцева о том, что «террористическая акция иногда может быть осуществлена и путем бездействия»³²², поскольку нельзя сводить всю террористическую акцию к какому-то единичному поведенческому акту, не имеющему продолжения в виде создания обстановки страха и понуждения к чему-то или оказанию воздействия на кого-то. Террористическая акция включает в себя комплекс деяний, сущность которых составляет устрашение и понуждение. Бездействие в данном случае также служит средством устрашения, а устрашение — действие активное, т. е. здесь бездействие выступает как бы оборотной стороной, основой одного действия — устрашения, на базе которого осуществляется другое действие — понуждение.

Также логическая неточность усматривается из употребленного В. В. Мальцевым словосочетания «угроза совершением взрыва, поджога, иных террористических действий»³²³, ибо сами по себе взрыв, поджог и подобные действия не являются террористическими, если они не сопряжены с устрашением, угрозами, понуждением, воздействием и подлежат квалификации по статьям УК, предусматривающим ответственность за диверсию, умышленное уничтожение или повреждение имущества, умышленное убийство общеопасным способом и т. д. Террористический характер в данном случае будет иметь сама угроза общеопасными действиями (общеопасным бездействием), направленная на устрашение населения и оказание воздействия на принятие какого-то решения. При этом следует заметить, что терроризм и другие преступления террористического характера в собственном значении этих понятий существенным образом отличаются от всех других преступлений с признаками (элементами) терроризирования тем, что здесь в качестве некоего промежуточного действия выступает устрашение населения или какой-то его части. Если при совершении обычных преступлений с

³²¹ Там же. С. 17–18.

³²² Мальцев В. В. Указ. соч. С. 104.

³²³ Мальцев В. В. Указ. соч. С. 105, 107.

элементами терроризирования устрашающее воздействие направляется непосредственно в адрес тех, кому предъявляются требования, то при совершении терроризма и других преступлений террористической направленности устрашающее воздействие в адрес тех, кому предъявляются требования, осуществляется через устрашение населения или какой-то его части, которые не имеют прямого отношения ни к насильственным действиям, ни к адресатам воздействия террористов, т. е., как уже отмечалось ранее, существует как бы два уровня устрашения — сначала осуществляется устрашение населения или какой-то его части, создается обстановка страха как объективно существующий социально-психологический фактор и затем на базе этого осуществляется устрашение тех, к кому обращены требования и от кого зависит удовлетворение интересов террористов.

Специфика собственно терроризма состоит в том, что здесь устрашающее воздействие осуществляется посредством совершения или угрозы совершения общеопасных действий, могущих повлечь гибель людей или иные тяжкие последствия. Именно так трактуют смысл ст. 205 УК РФ учебные пособия и Комментарии к УК, отмечая, что к иным (кроме взрыва и поджога) относятся действия, состоящие в устройстве аварий, катастроф и крушений на транспорте, разрушении зданий, культурных и религиозных сооружений, в радиоактивном, химическом, бактериологическом или ином заражении местности и т. п.³²⁴, хотя буква ст. 205 УК РФ, как было показано выше, говорит о другом и позволяет под состав терроризма подвести практически любое насильственное действие, как с элементами терроризирования, так и без них, т. е. налицо ситуация, когда буква закона противоречит духу закона.

Угроза совершением общеопасных действий как одна из форм устрашающего воздействия, характерных для актов терроризма, должна быть действительной и реальной, т. е. включать «в себя не просто одно только высказанное намерение учинить акт терроризма, но и совершение действий, свидетельствующих о серьезности и реальности такого намерения, например, приобретение взрывчатых, биологически опасных, радиоактивных веществ или оружия, совер-

³²⁴ Комментарий в Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. доктор юридических наук, профессор А. В. Наумов. С. 493.

шение «предупреждающих» взрывов и поджогов, выполнение подготовительных действий к отключению жизнеобеспечивающих объектов либо нарушению технологических процессов, блокированию транспортных коммуникаций и т. п.»³²⁵. Если же угроза оказалась нереальной и ни в чем, кроме высказывания намерения, не выразилась, хотя бы она и была направлена на устрашение населения и сопровождалась какими-то требованиями, не может расцениваться как акт терроризма. В этой связи следует согласиться с позицией, что в данном случае действия виновного должны квалифицироваться как заведомо ложное сообщение об опасности (об акте терроризма)³²⁶, поскольку они заведомо не могут причинить тех последствий, которые возникают в результате совершения актов терроризма.

В то же время обращает на себя внимание позиция белорусской школы уголовного права, согласно которой для ответственности по ст. 290 УК РБ, предусматривающей признаки угрозы совершением акта терроризма, «не имеет значения, является ли угроза совершением акта терроризма реальной»³²⁷.

Очевидно, это связано с наличием в УК РБ составов, предусматривающих в раздельном порядке ответственность за терроризм (ст. 289) и угрозу совершением акта терроризма (ст. 290), санкции которых существенно отличаются друг от друга. Применение такого правила в государствах, где нет раздельной ответственности за терроризм и угрозу актом терроризма, привело бы к неоправданному усилению наказаний лицам, реально не совершившим столь тяжкого деяния и действия которых не повлекли и заведомо не могли повлечь тяжких последствий.

Преступное последствие является связующим звеном между объектом и преступным действием, поэтому преступное последствие характеризуется, с одной стороны, преступным действием, а с другой, объектом посягательства³²⁸. Последствие преступления пред-

³²⁵ Комиссаров В. С. Указ. соч. С. 67.

³²⁶ Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная: Учебник / Под общ. ред. проф. Л. Д. Гаухмана, проф. Л. М. Колодкина и проф. С. В. Максимова. С. 550.

³²⁷ Лукашов А. И., Саркисова Э. А. Уголовный кодекс Республики Беларусь: сравнительный анализ и комментарий. Минск, Тесей, 2000. С. 404.

³²⁸ Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М.: Юрид. лит., 1958. С. 10.

ставляет собой вредное проявление преступления вовне, является основным элементом общественной опасности³²⁹. «Подчиняясь общей закономерности, — замечает Н. Ф. Кузнецова, — действия всегда производят различные изменения в окружающем человека мире.

...Изменения в объекте посягательства бывают двух видов: в виде нанесения фактического ущерба... и в виде создания опасности, реальной возможности нанесения фактического ущерба. Там, где внешне объект представлен какими-либо физическими предметами, ущерб поддается точному измерению в определенных единицах (рублях, метрах, килограммах и т. п.). Ущерб в политической, моральной сферах не поддается точному измерению, хотя и он может быть более или менее общественно опасным»³³⁰.

Наличие многообъектности террористических действий порождает и единое полипоследствие данных преступлений. Оно складывается «из ущербов, которые находятся в определенном соотношении друг с другом»³³¹ и со структурными элементами этого сложного деяния и может содержать различные комбинации находящихся между собой в неразрывном единстве конкретных ущербов в виде фактически наступившего вреда и в виде создания опасности.

Если терроризм и преступления террористического характера сопряжены с реальным выполнением общественно опасных действий, то здесь возможны такие варианты последствий, входящих в единое последствие.

В результате совершения насильственных действий наступают соответственно последствия в виде реального причинения вреда невиновным жертвам, имущественного ущерба. Но этим последствия насильственных действий, входящих в структуру террористических действий, не исчерпываются, поскольку данные действия совершаются не ради них самих и таят в себе угрозу их повторения, а значит опасность нового наступления подобных последствий, т. е. послед-

³²⁹ Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). Л.: ЛГУ, 1965. С. 65.

³³⁰ Кузнецова Н. Ф. Указ. соч. С. 7, 20–21; См. также: Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. С. 156–157, 172; Михлин А. С. Последствия преступления. М.: Юрид. лит., 1969. С. 3, 17; Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Отв. ред. академик В. Н. Кудрявцев, докт. юрид. наук С. Г. Келина. М.: Наука, 1987. С. 49–50.

³³¹ Кузнецова Н. Ф. Указ. соч. С. 120.

ствие здесь имеет как бы две стороны — реальное наступление вреда и реальная опасность наступления такого же вреда в будущем. Именно эта двойственность последствий в особенности, общепас-ных действий, а также иных, но хорошо обнародованных действий, порождает следующее последствие — возникновение обстановки страха среди населения, т. е. среди людей, не имеющих прямого от-ношения ни к совершенному действию, ни к адресатам воздействия террористов. Указанное последствие, как правило, наступает реаль-но, но не исключены случаи, когда расчеты террористов на устра-шение населения могут не оправдываться, и тогда это последствие будет иметь место в виде реальной опасности его наступления. По-следствия от основного действия (предъявление требований и пону-ждение адресатов воздействия) могут состоять как в реальной опас-ности наступления того вреда, который стремятся причинить терро-ристы, так и в реальном наступлении вреда в случае удовлетворения их требований.

Что касается актов терроризма и других преступлений террори-стического характера, сопряженных с угрозой совершения обще-опасных и других действий, то здесь по сравнению с вышеизложен-ной комбинацией конкретных ущербов разница состоит только в последствиях от первоначального действия, которые выражаются лишь в опасности наступления последствий в виде невинных жертв или имущественного вреда и т. д., а такие последствия, как возник-новение обстановки страха среди населения или социальных групп и причинение вреда адресатам воздействия террористов могут как реально наступить, так и находиться в стадии опасности реального наступления.

Последствие — обязательный признак любого волевого акта,³³² поэтому не существует беспоследственных преступлений, а существ-вуют в УК составы без указания на признаки последствий как обя-зательные признаки состава. «А преступными последствиями, — отмечает Н. Ф. Кузнецова, — признаются лишь такие результаты действий человека, которые были причинены виновно»³³³. Поэтому

³³² Волков Б. С. Указ. соч. С. 27.

³³³ Кузнецова Н. Ф. Указ. соч. С. 20.

без изучения субъективной стороны деяния невозможно определить истинный смысл совершенных вонне действий.

§ 3. СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ТЕРРОРИЗМА И ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Субъективная сторона преступления также значительно шире субъективной стороны состава и не исчерпывается виной в форме умысла или неосторожности, мотивом и целью, но содержит и другие элементы психической деятельности, к тому же подразделение признаков субъективной стороны на обязательные и факультативные приемлемо применительно к составу преступления, но не к преступлению как реальному явлению.

Субъективная сторона преступления — это внутренняя сторона преступления, т. е. психическая деятельность лица, отражающая отношение его сознания и воли к совершенному им общественно опасному деянию и его последствиям³³⁴. Содержание субъективной стороны состава преступления характеризуют такие юридические признаки, как вина, мотив и цель совершения преступления. Содержанием же субъективной стороны преступления как явления реальной действительности охватываются и другие компоненты психической деятельности, которые порой находят законодательное закрепление в тех или иных составах. В частности, в литературе отмечается, что особое место в субъективной стороне преступления занимают эмоции, т. е. переживания лица, сопровождающие подготовку преступления и процесс его совершения³³⁵. В некоторых случаях этот компонент психической деятельности прямо предусмотрен в составе (например, убийство матерью новорожденного ребенка,

³³⁴ Кримінальне право України. Загальна частина: Підручник для студентів юрид. спец. вищ. закладів освіти / М. І. Бажанов, Ю. В. Баулін, В. І. Борисов та ін. С. 142.

³³⁵ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. С. 220; Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная: Учебник / Под общ. ред. проф. Л. Д. Гаухмана, проф. Л. М. Колодкина и проф. С. В. Максимова. С. 120; Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. проф. В. Н. Петрашева. С. 216–218; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. проф. Б. В. Здравомыслова. Изд. 2-е, перераб. и доп. С. 156.

убийство либо причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта), однако особый эмоциональный фон может быть свойствен многим преступлениям и, в первую очередь, терроризму и другим преступлениям террористической направленности, которые зачастую совершаются в тех случаях, когда эмоции довлеют над разумом и приводят к общественно опасным проявлениям нетерпимости, экстремизма, политического, националистического или религиозного фанатизма. Кроме того, у каждого человека «в процессе его жизни и деятельности вырабатывается своя, соответствующая его внутреннему миру система потребностей, влечений и интересов»³³⁶, которые также реально оказывают влияние на выбор того или иного варианта поведения. Причем в ряде случаев такой элемент субъективной стороны преступления, как интересы виновного, предусматривается в законодательстве. Так, в ст. 3 Федерального закона РФ «О борьбе с терроризмом» прямо указано, что наряду с другими целями эти действия могут иметь цели «оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомερных имущественных и (или) иных интересов». В ст. 258 УК Украины говорится о целях «привлечения внимания общественности к соответствующим политическим, религиозным или иным взглядам виновного (террориста)». Думается, что здесь под несколько неопределенным термином «взглядам» кроется категория «интересы» виновного.

В науке нет единства мнений относительно того, каково содержание субъективной стороны.

Некоторыми учеными субъективная сторона преступления отождествляется с виной, в которую, по их мнению, входит мотив и цель³³⁷. Другие ученые отождествляют вину с виновностью и всеми чертами, характерными для виновности как оборотной стороны общественной опасности и сущностного признака преступления, наделяют понятие вины³³⁸, т. е. причина разногласий здесь состоит в

³³⁶ Волков Б. С. Мотивы преступлений (Уголовно-правовое и психологическое исследование). Казань, Изд-во Казан. ун-та, 1982. С. 8.

³³⁷ Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, Изд-во Воронежск. ун-та, 1974.

³³⁸ Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М.: Госюриздат, 1950. С. 9–10, 19; Демидов Ю. А. Указ. соч. С. 114, 117–118; Мальков В. П. Субъективные основания уго-

употреблении одного и того же термина к различным уголовно-правовым категориям. «Понятие вины как общего основания уголовной ответственности, — писал Б. С. Утевский, — шире и богаче, чем понятие вины как субъективной стороны состава преступления. Вина как общее основание уголовной ответственности включает в себя и вину как субъективную сторону преступления, но включает в себя и многое другое»³³⁹.

Та же аргументация используется и современными противниками концепции вины как элемента субъективной стороны преступления. «Констатация вины, — отмечает В. Г. Беляев, — требует выявления не только психологических, но и всех иных, в том числе объективных, факторов и признаков. Суждение о вине есть итоговое суждение и о преступлении, и о субъекте, его ответственности, и о многом другом»³⁴⁰.

Однако то же самое итоговое суждение Б. С. Утевский называл суждением не о вине, а о виновности. «Задача советского суда, — замечал он, — при разрешении вопроса о виновности подсудимого отнюдь не исчерпывается поэтому установлением наличия или отсутствия у подсудимого умысла или неосторожности, хотя без умысла или неосторожности в действиях нет состава преступления»³⁴¹. А Т. Л. Сергеева довольно четко и последовательно провела грань между виновностью и виной, указав на следующие их особенности: «Виновность является общим основанием уголовной ответственности. Только при наличии виновности человека он может быть подвергнут наказанию... содержанием виновности является совершение преступления, т. е. умышленное или неосторожное совершение вменяемым и достигшим определенного возраста человеком общественно опасного, противоправного и наказуемого деяния... Для виновности недостаточно одной лишь объективной стороны состава. Необходимо установить и наличие элементов, характеризующих субъективную сторону состава инкриминируемого преступления. К числу таких элементов относятся вина, мотив, цель и др. ... вина

ловной ответственности // Государство и право. 1995. № 1. С. 96–97; Уголовное право.

Общая часть: Учебник / Под ред. В. Н. Петрашева. С. 188–196.

³³⁹ Утевский Б. С. Указ. соч. С. 9.

³⁴⁰ См.: Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В. Н. Петрашева. С. 193.

³⁴¹ Утевский Б. С. Указ. соч. С. 9.

всегда выступает в форме умысла либо неосторожности»³⁴². Таким образом, вина — это элемент субъективной стороны преступления (и его состава), а виновность характеризует деяние в целом.

Вина как неотъемлемый элемент субъективной стороны преступления и обязательный признак состава неразрывно связана с объектом и объективной стороной преступления. Она более всего аккумулирует в себе признаки объекта и объективной стороны, как в зеркале отражает то, как эти признаки проходят через призму сознания и воли преступника³⁴³. Сознание и воля — это элементы психической деятельности человека, совокупность которых образует содержание вины³⁴⁴, они находятся в тесном взаимодействии, поэтому «воля неотделима от сознания, по существу является его функцией»³⁴⁵, т. е. «воля — это мысль, переходящая в дело»³⁴⁶. Сознание и воля отражают интеллектуальный и волевой процессы (признаки) деяния. Различные предусмотренные законом сочетания интеллектуального и волевого моментов образуют две формы вины — умысел и неосторожность.

Преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий. Совершенным по неосторожности преступление признается, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно и могло их предвидеть.

³⁴² Сергеева Т. Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 11, 14, 34, 93, 99.

³⁴³ Уголовное право Украины. Общая часть: Учебник для студентов юрид. вузов и фактов / М. И. Бажанов, Ю. В. Баулин, В. И. Борисов и др.; Под ред. профессор М. И. Бажанова, В. В. Сташиса, В. Я. Тацця. 2-е изд., перераб. и доп. Харьков, Право, 1998. С. 128.

³⁴⁴ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. проф. Б. В. Здравомыслова. Изд- 2-е, перераб. и доп. С. 15

³⁴⁵ Ярмыш Н. Н. Действие как признак объективной стороны преступления (проблемы психологической характеристики). Харків, Основа, 1999. С. 14.

³⁴⁶ Там же. С. 14–15.

С учетом того, что законодательное определение умысла и неосторожности отражает отношение виновного лица к деянию и к последствиям, ряд ученых считают, что оно применимо только к «материальным» составам. «Законодательное определение умысла и неосторожности, — отмечает А. И. Рарог, — сформулировано применительно к так называемым материальным составам преступления, объективная сторона которых представляет классический вариант: действие — причинная связь — последствие. В подобных составах форма вины... определяется психическим отношением к последствиям... В формальных составах объективным признаком, воплощающим общественную опасность преступного деяния, являются общественно опасные действия и бездействие. Поэтому форма вины определяется характером интеллектуального и волевого отношения именно к этому признаку»³⁴⁷.

Такая позиция представляется неточной, поскольку законодатель, по-видимому, дал определение умысла и неосторожности не применительно к составам, а применительно к преступлению как явлению реальной действительности и это прямо усматривается из текста закона (ст. 25, 26 УК РФ; 8, 9 УК Украины; 22, 23 УК РБ). Преступление же, как всякое посягательство на какой-то объект, неизбежно приводит к возникновению тех или иных последствий, и у виновного лица всегда присутствует какое-либо психическое отношение не только к своим деяниям, но и к их последствиям, независимо от того, предусмотрены признаки этих последствий в соответствующих составах или нет.

К так называемым «формальным» составам относятся, в частности, составы разбоя и вымогательства, но это вовсе не значит, что лица, совершающие эти деяния, осознавая общественно опасный характер этих действий, не предвидят наступления общественно опасных последствий и не желают их наступления.

Как видим, неточность рассматриваемой позиции обусловлена все тем же отождествлением преступления и состава преступления.

³⁴⁷ Рарог А. И. Общая теория вины в уголовном праве: Учебное пособие. М.: ВЮЗИ, 1980. С. 14; См. также: Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная: Учебник / Под общ. ред. проф. Л. Д. Гаухмана, проф. Л. М. Колодкина и проф. С. В. Максимова. С. 125; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. проф. Б. В. Здравомыслова. Изд. 2-е, перераб. и доп. С. 164.

Так, одни из сторонников этой позиции Г. А. Злобин и Б. С. Никифоров утверждают, что «деление умысла на виды (прямой и косвенный)... проведено лишь применительно к так называемым материальным преступлениям (состовам); закон вообще не выделяет описания умысла при совершении формальных преступлений»³⁴⁸. А коль скоро они не усматривают разницы между преступлением и составом преступления, то в этой связи им и представляется неверной законодательная трактовка умысла.

В уголовном праве умысел подразделяется на прямой и косвенный, заранее обдуманый и внезапно возникший (простой и аффектированный), а также на определенный (конкретизированный), альтернативный и неопределенный (неконкретизированный). Кроме того, действующее законодательство позволяет выделить также специальный умысел, и на это справедливо обращается внимание в научной литературе. «В нормах Особенной части действующего законодательства, — пишут Г. А. Злобин и Б. С. Никифоров, — наряду с прямым, косвенным, заранее обдуманным и аффектированным умыслом широко используется конструкция специального умысла, т. е. такого вида умысла, который характеризуется наличием в сознании виновного особой цели, включенной законодателем в состав преступления в качестве конструктивного элемента или квалифицирующего обстоятельства»³⁴⁹. Именно так и сформулирован состав терроризма, который конструктивно содержит указания на специальные цели, что, в свою очередь, свидетельствует, что это деяние может быть совершено только с прямым умыслом. При совершении терроризма виновное лицо осознает общественно опасный характер своих действий, предвидит наступление многих последствий в качестве фактического вреда или реальной опасности его наступления и желает, чтобы эти последствия наступили.

Осознание общественно опасного характера столь сложного деяния как терроризм включает в себя осознание многообъектности посягательства и общеопасного способа исполнения первоначального действия, а также осознание того, что это действие может породить состояние страха среди населения на уровне социально-

³⁴⁸ Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы. М.: Юрид. лит., 1972. С. 71–72.

³⁴⁹ Там же. С. 76.

психологического фактора и способствовать оказанию воздействия на адресата требований.

Предвидение общественно опасных последствий терроризма — это представление о тех событиях и тех последствиях, которые могут произойти в будущем с неизбежностью или с той или иной долей вероятности: возникновение общепасного вреда, могущего повлечь невинные жертвы или иные тяжкие последствия, либо создание реальной опасности его причинения, порождение в обществе состояния страха, напряженности, причинение вреда адресатам требований.

Желание как волевой признак прямого умысла состоит в стремлении к определенному результату, последствиям, т. е. с прямым умыслом могут достигаться лишь те результаты, последствия, которые выступают в качестве цели виновного. В прямом умысле цели и последствия находятся в неразрывной связи и, как заметил А. И. Рарог, «желание как признак умысла заключается в стремлении к определенным последствиям, которые могут наступать в качестве: 1) конечной цели, 2) промежуточного этапа, 3) средства достижения цели и 4) необходимого сопутствующего элемента деяния»³⁵⁰.

В качестве средства достижения цели террористов служат последствия совершения общепасных действий или угрозы таковыми, которые приводят к информированию об этом неопределенно большого количества людей.

В порядке промежуточной цели служит возникновение или создается опасность возникновения обстановки страха, напряженности в результате информационного воздействия на неопределенно большое количество людей.

Конечной целью выступает понуждение государства, международной организации, физического, юридического лица или группы лиц к совершению каких-либо действий или отказу от них в интересах террористов и в ущерб адресатам воздействия.

Такая же схема присуща и другим преступлениям террористического характера с той лишь разницей, что в качестве средства достижения цели служат последствия совершения не только общепасных, но и других общественно опасных действий.

³⁵⁰ Рарог А. И. Указ. соч. С. 38.

Таким образом, цель деяния, будучи тесно связанной с объектом посягательства и последствиями, оказывает в то же время влияние на характер и степень вины. В свою очередь, «деяние и вина слиты с личностью субъекта и только через него получают свое существование во внешнем мире; следовательно, личность субъекта неотъемлемая от состава преступления в целом»³⁵¹.

§ 4. СУБЪЕКТ ТЕРРОРИЗМА И ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Субъектом преступления в соответствии с уголовным законодательством большинства государств может быть признано лишь физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Согласно УК этих государств не могут быть субъектами преступлений юридические лица (предприятия, учреждения, государственные и общественные органы и организации и т. д.), а предложения предусмотреть уголовную ответственность юридических лиц в новых уголовных кодексах государств, образовавшихся на постсоветском пространстве³⁵², пока не находят достаточно широкой поддержки. «Принцип личной ответственности, — указывается в Концепции развития законодательства Украины на 1997–2005 годы, — должен означать, что к уголовной ответственности может быть привлечено лишь физическое лицо. Поэтому для признания юридического лица субъектом преступления, как предлагается в одном из проектов Кодекса, нет оснований»³⁵³. Причем в Уголовном законе Латвии решению этого вопроса посвящена ст. 12 под названием «Ответственность физического лица как представителя юридического лица», которая гласит следующее: «Ответственность за преступное деяние в деле юридического лица

³⁵¹ *Брайнин Я. М.* Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М.: Юрид. лит., 1963. С. 219.

³⁵² См., напр.: Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Государство и право. 1992. № 8. С. 44; Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Государство и право. 1994. № 6. С. 65; *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. С. 200–202; *Волженкин Б. В.* Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998.

³⁵³ Концепція розвитку законодавства України на 1997–2005 роки. Київ, 1997. С. 66.

несет физическое лицо, совершившее это деяние как представитель данного юридического лица или по его поручению, либо находясь на службе юридического лица, а также как соучастник такого физического лица».

Уголовная ответственность юридических лиц допускается в так называемой англо-американской системе права и некоторых других странах, однако сама практика в странах, где этот уголовно-правовой институт существует, свидетельствует о многочисленных трудностях в его применении, к тому же, как отмечается в литературе, это не соответствует присущим уголовному праву «принципам личной и виновной ответственности», поскольку «за коллективной ответственностью юридического лица могут скрыться истинные виновники преступления»³⁵⁴.

На эти сложности, а соответственно нецелесообразность признания юридических лиц субъектами преступлений, указывали ведущие юристы еще в конце XIX — начале XX столетия. «Субъектом, — отмечал Л. С. Белогриц-Котляревский, — может быть только человек, как лицо, одаренное ответственной волею. Таким образом, субъект преступления есть дееспособное лицо, совершающее неправомерное деяние... Поэтому субъектом преступления не могут быть: а) животные, как существа, лишённые сознательной воли, и в) лица юридические, как фиктивные субъекты, неспособные иметь волю и ее выражать. Несомненно, что юридическое лицо, хотя и реальное учреждение, но субъект фиктивный, воля коего есть не воля его непосредственно, а лиц физических, его составляющих, и притом не всех, а только большинства и часто даже мнимого, идущего за воротилой»³⁵⁵.

Но если юридическое лицо не обладает соответствующей волей, то у него нет и собственной вины, без которой невозможны уголовная ответственность и уголовное наказание, а попытки выработать некие критерии определения вины юридического лица посредством исчисления своеобразной «средней» из вин его сотрудников, по-видимому, лишены реальных оснований. «В самом деле, — писал С. В. Познышев, — если, например, в общем собрании данного

³⁵⁴ Кузнецова Н. Ф. Цели и механизм реформы уголовного кодекса // Государство и право. 1992. № 6. С. 82.

³⁵⁵ Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. С. 108–109.

юридического лица сделано постановление совершить известное преступление и все или некоторые члены сообща совершили это преступление, то ведь вина каждого будет несомненно индивидуальна: один дремал на заседании и присоединился к известному постановлению, не отдавая себе в нем должного отчета, другой злонамеренно усыплял внимание других членов собрания и различными ухищрениями склонил остальных к данному решению, третий, хотя и не играл в данном случае активной роли, но имеет прошлое, испещренное судимостями и т. д. Смешать все эти виновности и извлечь из них какое-либо определенное целое невозможно... Если же признать, что составляющие юридическое лицо физические лица должны отвечать сообразно своей вине, то что же, спрашивается, остается от уголовной ответственности юридических лиц. Тогда это будет просто ответственность по общим правилам о соучастии в преступлении»³⁵⁶. Но если все-таки продолжать отстаивать позицию о возможности виновности юридического лица, то неизбежно возникает вопрос такого прядка: вину каких его членов принимать за основу — тех, которые в большей или в меньшей степени виновны, либо тех, которые вовсе ни в чем не виновны. В любом случае, однако, получится нарушение уголовно-правового принципа ответственности за вину, и в этой связи С. В. Познышев делал совершенно точное заключение: «Если настаивать на уголовной ответственности юридического лица по мере его виновности, то, спрашивается, вину каких членов этого лица признать его виною, тех ли, которые более виновны и всем руководили, или вину менее виновных, относившихся к преступлению индифферентно. Если принять первое решение, то менее виновные понесут ответственность большую, чем необходимо, что нарушает основные принципы карательной деятельности. Если принять второе решение, получится противоположный, но также не соответствующий этим принципам результат. С другой стороны, наказание, налагаемое на юридическое лицо в его целом будет падать и на невинных его членов»³⁵⁷.

³⁵⁶ Познышев С. В. Учебник уголовного права. I. Общая часть. М.: Юридиздат Наркомюста, 1923. С. 52.

³⁵⁷ Там же. С. 52–53.

И еще одно немаловажное обстоятельство, говорящее о невозможности признать юридическое лицо субъектом преступления — так это невозможность применения к нему характерных для уголовного закона мер наказания. «... Как посадить в тюрьму, сослать на поселение или на каторгу акционерное общество, земство?» — спрашивал Н. С. Таганцев и здесь же отвечал: «Остаются, следовательно, денежные взыскания, да аналогичное со смертной казнью прекращение, уничтожение корпорации. ...Но это прекращение не тождественно с наказанием: с одной стороны, эта мера может быть применяема, хотя бы корпорацией и не было учинено какого-либо преступного деяния, только вследствие изменения условий общественной жизни, а с другой стороны, учинение членами корпорации преступного деяния, хотя бы и тяжкого, не может оправдывать закрытия общества, если только его цель остается полезною и необходимою для государства. Также не всегда будет рационально применение и денежных взысканий... в виде наказания: благоразумно ли взыскивать денежную пеню, например, с благотворительного общества, которому само же государство дает денежную субсидию?»³⁵⁸.

На основании изложенного А. Ф. Кистяковский утверждал, что «субъектом преступления может быть только человек и притом рассматриваемый как лицо физическое»³⁵⁹.

Возраст, по достижении которого возможна уголовная ответственность, в различных государствах определяется по-разному. Так, в государствах, образовавшихся на постсоветском пространстве, как правило, устанавливается два таких возраста — общий (с 16 лет), по достижении которого ответственность наступает за все преступления, и пониженный (с 14 лет), по достижении которого ответственность наступает за отдельные, перечисленные непосредственно в законе преступления³⁶⁰.

³⁵⁸ Таганцев Н. С. Лекции по уголовному праву. Часть Общая. Вып. II. СПб., 1888. С. 388–389.

³⁵⁹ Кистяковский А. Ф. Указ. соч. С. 267.

³⁶⁰ См., напр.: ст. 20 УК РФ; ст. 27 УК РБ; ст. 21 УК Туркменистана; ст. 17 УК Узбекистана; ст. 10 УК Украины, ст. 13 проекта УК Украины. Причем в ст. 17 УК Узбекистана предусмотрено деление на четыре категории возрастов уголовной ответственности: общий (с 16 лет), два пониженных (с 13 и с 14 лет) и повышенный (с 18 лет).

По-иному решается вопрос о возрасте субъекта преступления Уголовным законом Латвии, ст. 11 которого гласит: «К уголовной ответственности привлекается физическое лицо, которому до совершения преступного деяния исполнилось 14 лет. Малолетние, то есть лица, не достигшие возраста 14 лет, к уголовной ответственности не привлекаются». Таким образом, в Латвии существует единый возраст уголовной ответственности (с 14 лет) за все преступления, в том числе и за терроризм.

В тех странах, где имеется деление возраста на общий и пониженный, неодинаково решается вопрос о том, с какого возраста наступает ответственность за терроризм и ряд преступлений террористического характера.

Так, согласно УК РФ, УК Украины ответственность за терроризм наступает с 14 лет, тогда как по УК РБ, УК Туркменистана, УК Узбекистана — с 16 лет.

Думается, что вряд ли оправдано установление уголовной ответственности за терроризм с 14-летнего возраста, поскольку в этом возрасте лицо далеко не всегда способно осознавать это деяние во всей его сложности, многообъектности, целевой иерархичности, поэтому представляется совершенно правильным, что в ст. 22 Модельного УК для государств — участников СНГ терроризм не отнесен к категории преступлений, за совершение которых ответственность наступает по достижении виновным возраста 14 лет³⁶¹.

Возраст и вменяемость лица являются общими признаками субъекта преступления. Признаки специального субъекта терроризма имеют место только в ст. 24 Проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, разработанного в ООН, где в качестве субъекта международного терроризма названо лицо, которое как агент или представитель государства совершает или отдает приказ о совершении указанных в статье действий.

Тот факт, что представители государственной власти порой оказывают содействие террористам и их организациям, порождает в научной литературе полемику о субъектах такого рода терроризма, и в частности, о возможности отнесения к ним государства как тако-

³⁶¹ Модельный Уголовный кодекс для государств — участников СНГ // Правоведение. 1996. № 1. С. 95–96.

вого, а соответственно и об уголовной ответственности за подобные деяния. Проблема эта усугубляется и тем, что в последнее время, когда еще до конца не преодолены последствия взаимных обвинений государств в проведении «террористической политики», появилась новая форма обвинения государств — в оказании так называемого спонсорства терроризму, именуемого как разновидность «государственного терроризма». Эта полемика идет как в рамках подготовки всеобщей Конвенции по борьбе с терроризмом, так и в рамках подготовки проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и проекта Международного уголовного суда. Однако всеобщей международной конвенции по борьбе с терроризмом пока что не принято, и по какому пути пойдет международное сообщество при выработке общеприемлемого понятия международного терроризма и его отличительных признаков, предугадать довольно сложно. Но пока что во всех международных документах четко выдерживается линия, согласно которой субъектами международных преступлений, а соответственно и уголовной ответственности, могут быть лишь конкретные физические лица, их совершившие.

Определенный интерес в этом плане вызывает сообщение, сделанное в ходе дискуссии по проблемам терроризма, имевшей место в работе «Круглого стола» журнала «Государство и право», В. С. Верещетиним, который, будучи членом Комиссии международного права ООН, сослался на усилия Комиссии, направленные на разработку определения международного терроризма в рамках работы над проектом Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. В частности, он отметил, что в проекте этого Кодекса, принятом Комиссией в первом чтении, но еще далеком от его принятия государствами, имеется ст. 24, в которой сделана попытка дать следующее определение международного терроризма: «Совершение, организация, содействие осуществлению, финансирование или поощрение агентами или представителями одного государства актов против другого государства или попустительство с их стороны совершению таких актов, которые направлены против лиц или собственности и которые по своему характеру имеют цель вызывать страх у государственных деятелей, групп или населения в целом». Из этого определения вытекает, заключил В. С. Верещетин, что

«международный терроризм — это организуемый и осуществляемый каким-либо государством против другого государства, в то время как внутренний терроризм организуется и осуществляется на территории какого-либо государства гражданами этого государства»³⁶².

Однако заключение В. С. Верещетина относительно того, кого понимать под субъектом международного терроризма, вызывает возражение, поскольку, как представляется, противоречит смыслу им же приведенной ст. 24 проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Из самого текста ст. 24 буквально усматривается, что в ней речь идет об актах, организуемых или совершаемых агентами или представителями государства, но не государством как таковым, а значит и субъектами международного терроризма должны признаваться граждане того или иного государства, независимо от их положения, но не государство. Но как раз именно вопрос о том, кого признавать субъектом международного терроризма, а, следовательно, и привлекать к уголовной ответственности, является, по-видимому, тем камнем преткновения, который до сих пор не удается преодолеть при выработке окончательных вариантов международных документов.

Характеризуя деятельность Специального комитета по международному терроризму, учрежденного в 1973 г. Генеральной Ассамблеей ООН, и пытаясь вскрыть причины неактивной его работы, А. В. Змеевский и В. Е. Тарабин полагают, что «причина заключается в том, что Спецкомитет стал заложником политики. Для одних его членов оказались неприемлемыми теории, приравнивающие деятельность национально-освободительных движений к терроризму, а для других — концепция государственного терроризма, то есть предпринимаемых на государственном уровне действий с целью подрыва суверенитета и независимости других государств»³⁶³.

Проблема государственного терроризма является частью более общей проблемы — концепции международно-правовой уголовной ответственности государств за совершение международных правонарушений. Это научное течение, возникшее сразу после Первой

³⁶² См.: Государство и право. 1995. № 4. С. 36.

³⁶³ Змеевский А., Тарабин В. Терроризм. Нужны скоординированные усилия мирового сообщества. // Международная жизнь. 1996. № 4. С. 15.

мировой войны и получившее особое распространение сразу после Второй мировой войны, представляет собой попытку перенесения уголовно-правовых категорий в международное право, появившееся как следствие переосмысления оценок агрессивных войн, а потому следует хотя бы вкратце обратиться к его истокам.

До Первой мировой войны господствовала концепция гражданско-правовой ответственности государств³⁶⁴, согласно которой невыполнение государством своих обязательств влекло для него новое обязательство — возместить причиненный другому государству ущерб (материальный или моральный). Ответственность физических лиц в рамках этой концепции полностью исключалась, а ответственность государства не связывалась с вопросами войны, поскольку война считалась законным средством разрешения международных споров.

Появление принципа запрещения агрессивной войны, трансформировавшегося позднее в принцип запрещения применения силы и угрозы силой в международных отношениях, внесло коренные изменения в институт международно-правовой ответственности государств, что привело некоторых юристов к идее о появлении в международном праве нового вида ответственности государства — уголовной.

Сторонники этой концепции представляли собой два направления: одни считали, что только государство может быть субъектом международной уголовной ответственности, а физические лица могут нести ответственность только по национальному праву (Бустаманте, Доннедье де Вабр), другие полагали, что как государство, так и индивиды могут быть субъектами международного уголовного права (Пелла, Сальдана). Воплощая свои идеи, Пелла разработал План Международного уголовного кодекса, а Сальдана — предварительный проект Международного уголовного кодекса³⁶⁵. Тексты данных кодексов неоднократно обсуждались на различных международных форумах, но были отклонены, поскольку заложенная в них идея не нашла понимания у большинства ученых. Возможно,

³⁶⁴ Подробно см.: Тункин Г. И. Вопросы теории международного права. М.: Госюриздат, 1962. С. 252–266.

³⁶⁵ См.: Тункин Г. И. Указ. соч. С. 266–277.

что эти проекты были бы куда более удачливыми, если бы в них была заложена не идея уголовной ответственности государств, а вполне адекватная идея уголовной ответственности индивидуумов за совершение преступлений международного значения, ибо само создание кодифицированного международного документа является насущной потребностью современности.

Идея же уголовной ответственности государств подвергалась обоснованной критике как в зарубежной литературе, так и в отечественной.

А. Н. Трайнин, который с первого же дня возникновения проблемы создания и организации деятельности Международного Военного Трибунала выполнял функции консультанта советской делегации³⁶⁶, решительно отвергал концепцию уголовной ответственности государства в международном праве. Отмечая, что государство как субъект международного права может быть субъектом международно-правовой ответственности, что к государству могут быть применены и санкции, он в то же время указывал, что эти санкции не являются уголовно-правовыми ни по существу, ни по форме. Обращаясь к историческим документам, он привел текст ст. 16 Статута Лиги наций, где устанавливалось: «Если член Лиги прибегает к войне в противность обязательствам... то он... рассматривается как совершивший акт войны против всех других членов Лиги. ...последние обязуются немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения, воспретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего Статут, и прекратить все торговые, финансовые или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства, является ли оно Членом Лиги или нет». Приведя указанный текст ст. 16, А. Н. Трайнин констатирует, что установленный в ней перечень мероприятий содержит, бесспорно, весьма серьезные санкции, представляющие по существу экономический и моральный бойкот государства, начавшего агрессивную войну. Однако могут ли эти санкции рассматриваться в качестве уголовно-правовых? — спрашивает он и дает следующий ответ:

³⁶⁶ Полторак А. Н. Нюрнбергский процесс (Основные правовые проблемы). М.: Наука, 1966. С. 26.

«Усмотреть в подобной процедуре черты уголовного процесса, приговор и наказание, конечно, невозможно.

Уголовные санкции — таково общепризнанное положение — определяются органами уголовного правосудия. Где же эти органы в системе Лиги наций?

Вряд ли кто из авторов, склонных к криминализации ст. 16 Пакта Лиги, окажется сторонником того взгляда, что Совет Лиги наций, хотя бы в период решения вопроса о санкциях, внезапно превращается в орган уголовного правосудия.

В современной системе ООН ни Генеральная Ассамблея, ни любой другой орган не обладает функциями уголовного суда, тем более в отношении государств.

В плане материального уголовного права положение столь же ясно и неоспоримо. Уголовная ответственность покоится на вине в форме умысла или неосторожности. В уголовном правосудии весьма существенную роль играют понятия и институты вменяемости, стадии совершения преступления, соучастия, наказания. Вне этих понятий уголовное право и уголовная ответственность немислимы. Но все эти институты и понятия нельзя применить к государству. Государство не может быть вменяемо или невменяемо; государство не может быть на скамье подсудимых или за решеткою тюрьмы»³⁶⁷.

Концепция международной уголовной ответственности государства не нашла поддержки и среди ведущих ученых в области международного права. Подробную и убедительную критику этой теории осуществили, в частности, Г. И. Тункин, Д. Б. Левин, Ю. М. Колосов.

В своей книге «Вопросы теории международного права», критикуя сторонников указанной теории, Г. И. Тункин отмечает: «Правильного понимания изменений, происшедших в области международно-правовой ответственности государства, можно достигнуть не путем механического перенесения категорий национального права в международное. Очевидно, необходимо, учитывая особенности международного права, установить основные черты новых явлений в

³⁶⁷ Трайнин А. Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. М.: Наука, 1969. С. 300–301.

международном праве, а не пытаться втиснуть их в прокрустово ложе категорий национального права»³⁶⁸.

Соглашаясь с А. Н. Трайниным и Г. И. Тункиным, Д. Б. Левин пишет: «Не вдаваясь в сколь-нибудь подробный анализ теории международной уголовной ответственности государства, укажем только, что корень ее несостоятельности заключается в том, что ее сторонники не хотят считаться с существенными отличиями международного права и права внутригосударственного и механически переносят некоторые юридические категории из одной системы в другую»³⁶⁹.

Говоря о невозможности механического перенесения категорий уголовного права в право международное и несостоятельности попыток отождествления уголовной ответственности и международно-правовой ответственности государств, Ю. М. Колосов указывает на следующее: «По уголовному праву уголовная ответственность есть ответственность по суду за действия, признаваемые уголовным законом общественно опасными или преступными. Уголовная ответственность выражается в осуждении виновного судом и в применении к осужденному меры уголовного наказания, т. е. государственного принуждения, связанного для осужденного с тяготами и лишениями. Поскольку подобные меры не могут быть применены к государству, последнее может быть наказуемо определенным образом, характерным лишь для международных отношений: речь идет о санкциях в отношении государства-делинквента... Но это не означает, что в международном праве вообще не существует понятия уголовной ответственности. Оно применимо в отношении физических лиц, персонально несущих ответственность за совершение государством особо опасных деликтов. Путаница с употреблением понятия уголовной ответственности в международном праве объясняется частично применением в отношении государств санкций, являющихся своего рода наказанием... а частично — появлением такого института как международная уголовная ответственность физических лиц, совершающих преступления против мира и человечно-

³⁶⁸ Тункин Г. И. Указ. соч. С. 274.

³⁶⁹ Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. М.: Международные отношения, 1966. С. 36.

сти»³⁷⁰. Однако применяемые к государству-делинквенту санкции коренным образом отличаются от уголовного наказания, поэтому, останавливаясь на вопросе соотношения уголовно-правовых и международно-правовых санкций, Г. И. Тункин делает следующие выводы: «...уголовная санкция как категория национального права не применяется в качестве санкции международного права в отношении государства, являющегося специфическим субъектом этой своеобразной системы права. ...Несопоставимость международно-правовых санкций в отношении государства с уголовными санкциями проистекает из несравнимости государства и индивидов. Международное право, субъектами которого являются, прежде всего, политические, суверенные государства, имеет свои виды ответственности государства»³⁷¹.

К государству, допустившему нарушение международно-правовых норм, согласно ст. 41 Устава ООН могут быть применены принудительные меры, которые включают полный или частичный перерыв в экономических отношениях, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио и других средствах сообщения, а также разрыв дипломатических отношений; могут применяться и иные ограничительные меры: повышение таможенных пошлин на товары данного государства, исключение государства из международной организации, приостановление прав и привилегий, вытекающих из членства в международных организациях, ограничение прав физических и юридических лиц государства и т. д.³⁷²

В международно-правовой науке ответственность государств принято подразделять на виды.

Г. И. Тункин и Д. Б. Левин выделяют два вида ответственности государств — политическую и материальную³⁷³. Ю. М. Колосов подразделяет ответственность государств на политическую, материальную и моральную³⁷⁴. В. А. Василенко классифицирует виды от-

³⁷⁰ Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. М.: Юрид. лит., 1975. С. 60–61.

³⁷¹ Тункин Г. И. Указ. соч. С. 276.

³⁷² См. подробно: Колосов Ю. М. Указ. соч. С. 61–73; Василенко В. А. Международно-правовые санкции. Киев: Вища школа, 1982. С. 77–125.

³⁷³ Тункин Г. И. Указ. соч. С. 299; Левин Д. Б. Указ. соч. С. 113.

³⁷⁴ Колосов Ю. М. Указ. соч. С. 25.

ветственности государств на материальную и нематериальную, подразделяя последнюю на моральную и политическую³⁷⁵.

Как видно, ни одна из классификаций не содержит такой категории, как уголовная ответственность государства.

В то же время обращает на себя внимание некоторая противоречивость позиций Д. Б. Левина и Ю. М. Колосова в той части, что, отвергая принципиально уголовную ответственность государства, они допускают возможность совершения им международного преступления.

Так, Д. Б. Левин, активно критикуя сторонников уголовной ответственности государства, тем не менее при разграничении правонарушений (деликтов), могущих быть совершенными государствами как субъектами международного права, подразделяет их на международное правонарушение и международное преступление³⁷⁶.

Ю. М. Колосов, отмечая, что к государству-делинквенту применяются международные санкции, не имеющие ничего общего с уголовно-правовыми, здесь же заявляет, что в этом случае государство несет ответственность «за особо опасный деликт (международное преступление)»³⁷⁷.

Но если государство не является субъектом уголовной ответственности, если применяемые к нему санкции не носят уголовно-правового характера, что так убедительно разъясняли сами же Д. Б. Левин и Ю. М. Колосов, доказав полную несостоятельность теории международной уголовной ответственности государства³⁷⁸, то о каком преступлении вообще может быть речь?! И что это за такое беспочвенное «преступление», не знающее уголовной ответственности и уголовной санкции?

Д. Б. Левин в этой связи поясняет, что имеется в виду «преступление не в смысле уголовного права, а в смысле международного публичного права, то есть в том смысле, что отмеченное выше поведение государства вызывает более суровое политическое осуждение

³⁷⁵ Василенко В. А. Ответственность государств за международные правонарушения. Киев, Вища школа, 1976. С. 58.

³⁷⁶ Левин Д. Б. Указ. соч. С. 29, 38-39.

³⁷⁷ Колосов Ю. М. Указ. соч. С. 60; См. также: Международное право: Учебник / Отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. М.: Международные отношения, 1995. С. 269.

³⁷⁸ Левин Д. Б. Указ. соч. С. 26-38; Колосов Ю. М. Указ. соч. С. 25-26, 60-61.

со стороны других государств и более суровые международные санкции»³⁷⁹.

Но другого научного понятия преступления, кроме как в смысле уголовного права, не существует. Конечно, данное обстоятельство не может исключить тех случаев, когда этот термин вдруг употребляется для характеристики каких-либо процессов или явлений, не имеющих ничего общего с уголовным правом. В повседневной жизни и развод, и неявку на работу могут назвать преступлением «не в смысле уголовного права». «Когда агрессивную войну нередко называют преступлением, — замечает Г. И. Тункин, — то этим хотят лишь подчеркнуть в отношении государства особо опасный характер правонарушения»³⁸⁰. Но такого рода определения делаются не с претензией на научное понятие, а в порядке некоего эпитета как литературного приема, дающего дополнительную образную характеристику, что вряд ли допустимо при разработке научного понятийного аппарата, где каждое понятие имеет сугубо свое функциональное значение и согласуется с другими родственными ему понятиями. Так понятие «преступление» — это категория, принадлежащая исключительно сфере уголовного права и оно не может существовать вне таких взаимосвязанных понятий, как «уголовная ответственность», «уголовная санкция», «вменяемость», «субъект преступления» и т. д. А что касается таких понятий, как «государство-преступник» или «государство-террорист», то они могут быть пригодны разве что в качестве броского заголовка для газетных передовиц, но не для научных дефиниций.

На излишнюю приверженность Д. Б. Левина термину преступление обращал внимание и Г. И. Тункин. Ссылаясь на одну из ранних работ Д. Б. Левина³⁸¹, он писал: «В современной литературе уже высказывалась мысль о необходимости проведения различия “между простыми нарушениями международного права и международными преступлениями, подрывающими самые его основы и важнейшие

³⁷⁹ Левин Д. Б. Указ. соч. С. 29.

³⁸⁰ Тункин Г. И. Указ. соч. С. 276.

³⁸¹ Левин Д. Б. Проблема ответственности в науке международного права // Известия Академии Наук СССР (отделение экономики и права). 1946. № 2. С. 105.

принципы". Если не касаться термина "преступление"... то указанная мысль является, на наш взгляд, правильной...»³⁸²

А далее Г. И. Тункин дает классификацию правонарушений субъектом которых может быть государство:

«Современное международное право знает две категории правонарушений, субъектом которых может быть государство и которые влекут различную ответственность.

К первой категории относятся правонарушения, представляющие опасность для мира. Сюда относятся действия государства, создающие или могущие создать угрозу миру, являющиеся нарушением мира или актом агрессии.

...Ко второй категории следует отнести все другие правонарушения, за исключением тех, которые представляют опасность для мира»³⁸³.

Таким образом, когда речь идет о международно-правовой ответственности государств как суверенных субъектов международного права, то понятиями, адекватными сущности допущенных ими нарушений международного права, могут выступать такие понятия, как «правонарушение» или «деликт», но не понятие «преступление», которое отражает явления, существующие в совершенно иной сфере общественной жизни. Инкриминировать преступление государству невозможно, так как оно не является субъектом преступления, не может быть привлечено к уголовной ответственности в порядке уголовного судопроизводства и не может отбывать назначаемого судом уголовного наказания, к государству можно лишь применить санкции за действия, нарушающие международный правопорядок, но эти действия несопоставимы с преступлениями как явлениями совершенно иного порядка, а санкции несопоставимы с уголовным наказанием.

В свете сказанного в какой-то мере к самому Д. Б. Левину можно отнести его же слова в адрес сторонников уголовной ответственности государства: «...теории, исходящие из принципа уголовной ответственности государства, отличались крайней склонностью к сближению международно-правовых отношений с отношениями на-

³⁸² Тункин Г. И. Указ. соч. С. 296.

³⁸³ Там же. С. 297–298.

ционального права и процесса, точнее, к стилизации международно-правовых отношений под внутригосударственные уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения. При такой склонности они не могли избежать искусственных построений и значительной доли утопизма»³⁸⁴.

Как представляется, такого же рода искусственные, внутренне противоречивые построения получались и у других авторов, которые, отвергая возможность уголовной ответственности государства, в то же время признавали его субъектом международного преступления. Так, Л. Н. Галенская в одной из своих статей, соглашаясь со всей критикой в адрес сторонников уголовной ответственности государства, в то же время сделала такое заключение: «Таким образом, нельзя говорить об уголовной ответственности государства. Концепция уголовной ответственности так же не состоятельна, как и концепция его гражданско-правовой ответственности. Международные преступления являются преступлениями особого рода, они представляют собой особо опасные нарушения основополагающих принципов и норм международного права, поэтому правильнее будет говорить об особой международно-правовой ответственности государств как субъектов международного преступления»³⁸⁵.

Но если принципиально нельзя говорить об уголовной ответственности, то откуда же взяться субъекту преступления? Оказывается, в этой мысли Л. Н. Галенская опирается на указанный ей в 11 сноске факт, что Нюрнбергский военный трибунал признал преступность нацистского правительства, фашистской партии, СД, СС и пр.³⁸⁶. Но все дело в том, что, признавая преступными эти организации, Нюрнбергский военный трибунал не ставил вопроса о признании их субъектами преступлений и привлечении их к уголовной ответственности, как не ставит и национальное уголовное законодательство, например, вопроса о признании субъектом преступления банды или другой преступной организации, хотя их преступный характер презюмируется и достаточно установления факта принад-

³⁸⁴ Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. С. 32.

³⁸⁵ Галенская Л. Н. Международные преступления и международная ответственность // Правоведение. 1965. № 1. С. 170–171.

³⁸⁶ Там же. С. 170.

лежности к этим организациям, чтобы какого-либо индивида привлечь к уголовной ответственности. Примерно такая же схема была выработана относительно членов нацистских организаций. Статья 10 Устава Нюрнбергского трибунала устанавливала: «Если трибунала признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из Подписавшихся Сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к той или иной группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию»³⁸⁷. Разъясняя смысл этой статьи Устава, А. Н. Трайнин писал: «Трибунал, следовательно, решал лишь вопрос о преступном характере организации. Но Устав отверг саму постановку вопроса об ответственности гитлеровских организаций в качестве юридических лиц. Отвечать за злодеяния, учиненные гестапо, СС, СА и другими организациями должны физические лица, конкретные виновники этих злодеяний. ... Таким образом, и теоретические соображения, и опыт Нюрнбергского процесса свидетельствуют о том, что не только государство, но и другие юридические лица нести уголовную ответственность и быть субъектами преступления не могут»³⁸⁸.

Только конкретные физические лица могут быть субъектами преступлений и нести уголовную ответственность за всякое преступление, независимо от того, международное оно, международного характера или внутригосударственного значения, совершено ли оно против человека или против человечества. Это не только теоретически доказано ведущими учеными в области уголовного и международного права, но и утверждается практикой международного сотрудничества государств в борьбе с преступлениями, затрагивающими международные интересы. Невозможно найти никаких упоминаний об уголовной ответственности государства в документах, относящихся к капитуляции Германии и Японии, в Уставах Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов, а также в мирных договорах 1947 г. «Между тем, — замечает

³⁸⁷ Цитируется по кн.: Трайнин А. Н. Избранные произведения. С. 302–303.

³⁸⁸ Там же. С. 30.

Г. И. Тункин, — где как не в этих документах, должно упоминаться об уголовной ответственности за тяжчайшие правонарушения, совершенные агрессорами, если бы уголовная ответственность государства вообще бы имела в виду»³⁸⁹. Поэтому не представляется возможным считать верными еще встречающиеся в научной литературе утверждения о том, будто в решениях Международных трибуналов было признано, что государство и его организации могут быть субъектами международных преступлений³⁹⁰.

Напротив, после Второй мировой войны сложилось понятие международного преступления как уголовно наказуемого деяния, совершаемого отдельным физическим лицом в виде посягательства на мир между народами, на основные права человека и свободу народов. Это понятие получило свое развитие в таких международных документах, как Устав Международного военного трибунала для наказания главных военных преступников европейских стран «оси» 1945 г., Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока 1946 г., резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. и от 21 ноября 1947 г. о выдаче и наказании военных преступников.

9 декабря 1948 г. ООН приняла Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Аналогично Уставам Нюрнбергского и Токийского трибуналов Конвенция предусматривает, что лица, совершающие геноцид, подлежат наказанию независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами³⁹¹.

Комиссией международного права ООН в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 21 ноября 1947 г. был разработан в 1954 г. проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, в ст. 1 которого четко и недвусмысленно указывалось на субъекта этих преступлений следующим образом: «Преступления против мира и безопасности человечества, определяемые в настоящем Кодексе, являются международно-правовыми преступлениями, ответственные за которые индивиды наказывают-

³⁸⁹ Тункин Г. И. Указ. соч. С. 276.

³⁹⁰ Волженкин Б. В. Указ. соч. С. 15.

³⁹¹ Подробно см.: Ромашкин П. С. Указ. соч. С. 264–273.

ся». Статья 2 проекта давала перечень таких преступлений, где наряду с актами агрессии, угрозой прибегнуть к акту агрессии и другими видами преступных акций, совершаемых властями какого-либо государства, в п. 6 ст. 2 предусматривалась ответственность за ведение или поощрение властями какого-либо государства террористической деятельности в другом государстве или допущение властями какого-либо государства организованной деятельности, рассчитанной на совершение террористических актов в другом государстве. Сопоставление статей 1 и 2 проекта, бесспорно, свидетельствует о том, что под властями какого-либо государства имеются в виду отдельные представители власти, а не собственно конституционный строй или политический режим государства.

Этот вариант проекта был отклонен Генеральной Ассамблеей ООН, поскольку вызывал разногласия, связанные с определением агрессии. Только в 1981 г. Генеральная Ассамблея ООН вернулась к проекту Кодекса и предложила комиссии международного права возобновить работу над ним. После серьезных доработок проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества был одобрен на заседании комиссии 12 июня 1991 г. и направлен в Генеральную Ассамблею ООН, но окончательного решения по нему не принято. В последнем варианте проекта Кодекса также последовательно проводится линия об уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества исключительно индивидов, более того, здесь четко разграничивается уголовная ответственность лица за совершенное преступление и международно-правовая ответственность государства за действие или бездействие, вменяемое этому государству. В частности, в ст. 5 проекта Кодекса прямо записано: «Судебное преследование какого-либо лица за преступления против мира и безопасности человечества не освобождает государство от ответственности по международному праву за действие или бездействие, вменяемое этому государству». То есть из смысла и текста этой статьи совершенно очевидно, что субъектом международного преступления, против которого возбуждается судебное преследование и который привлекается к уголовной ответственности, может быть только физическое лицо, государство же привлекается не за преступление, а за деяния, влекущие ответственность по международному праву.

Таким образом, реалистический подход в решении данного вопроса допускает лишь одну возможность — «коль скоро речь идет об уголовной ответственности, субъектами ее могут быть лишь физические лица, и эти лица не могут прикрываться никакими ссылками на то, что они действовали по мандату государства»³⁹².

Поэтому современные теории, признающие в качестве субъектов международного терроризма не только физическое лицо, но и государство³⁹³, представляют собой лишь попытки реанимировать теории об уголовной ответственности государства на более низком уровне общественных событий. Но коль международное сообщество не признает государство субъектом преступления вообще, то представляются некорректными встречающиеся в литературе формулировки типа «террористические акты одних государств против других государств», как некорректно и само понятие «государственный терроризм». Государство не может совершать террористических актов, как не может оно совершать краж, убийств, хулиганских действий. А называть терроризм «государственным» только потому, что кто-то из высокопоставленных представителей государства вдруг оказал содействие террористам — слишком явная натяжка. В современных условиях всякий коррумпированный государственный чиновник может оказаться замешанным в любом преступлении с международным элементом и направленном против интересов любого государства или конкретных его высокопоставленных граждан. Так что же, будем говорить о «государственном мошенничестве», «государственной краже», «государственном мужеложстве» и т. д.? Тем более, что прецеденты такого подхода уже начинают появляться, и вслед за понятием «государственный терроризм» по тем же основаниям вводится в научный оборот такое понятие, как «государственное пират-

³⁹² Полторак А. И. Указ. соч. С. 38–39.

³⁹³ См.: Блищенко И. П., Жданов Н. В. Международно-правовая борьба с терроризмом // Правоведение. 1975. № 1. С. 85–94; Ляхов Е. Г. Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом. М.: Международные отношения. 1979. С. 47–49; Его же. Терроризм и межгосударственные отношения. М.: Международные отношения, 1991. С. 11–13; Крылов Н. Б., Решетов Ю. А. Государственный терроризм — угроза международной безопасности. // Советское государство и право. 1987. № 2. С. 78–84; Антипенко В. Ф. Сучасний тероризм: стан і шляхи його запобігання в Україні. Автореф. Дисс. ... канд. юрид. наук. Київ. 1999. С. 13.

ство»³⁹⁴. При подобном подходе скоро будет трудно обнаружить хотя бы одно «негосударственное» преступление. К тому же это ведет к огульному обвинению в преступной деятельности всего населения того или иного государства, тогда как в каждом государстве общество далеко не однородно, и одни его слои поддерживают преступную деятельность каких-то представителей государственной власти, другие же, напротив, осуждают ее и находятся к властным структурам в крайней оппозиции. А потому такой подход совершенно не приемлем в уголовно-правовой отрасли права, исходящей из принципа индивидуализации наказания. Более того, в последнее время начинают раздаваться призывы и в пользу пересмотра международно-правовых санкций, направленных против государств-делинквентов, с тем, чтобы эти санкции максимально приблизить к непосредственным виновникам международных правонарушений и сделать их минимально ощутимыми для народа этих государств. В этой связи довольно интересным представляется следующее высказывание И. Блищенко: «Возникает вопрос о санкциях, по отношению к которым тоже надо пересмотреть нашу теоретическую и практическую позицию. Санкции — это принуждение. Между тем принуждение по отношению к каждому государству затрагивает не только правящий режим и политику, но и народ, который не виновен и подчас не знает, какая политика проводится. Значит санкции, по сути, направлены и против государства как субъекта международного права и против народа, который от них страдает. На наш взгляд, необходим новый анализ содержания санкций, с тем чтобы сделать их четко направленными. Почему народ должен страдать из-за действий политиков? Или он должен нести такую же ответственность как и политики, совершающие преступления?»³⁹⁵

Именно такой подход к трактовке ответственности и заложен в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, согласно которому любое преступление, наносящее ущерб международному правопорядку, совершенное от имени государства,

³⁹⁴ См.: Демиденко В. В., Прусс В. М., Шемякин А. Н. Пиратство, терроризм, мошенничество на море (правовые аспекты). 2-е изд. Одесса: АО БАХВА, 1997. С. 63.

³⁹⁵ См.: Генеральный секретарь ООН за «круглым столом» с московскими политиками и учеными // Международная жизнь. 1996. № 7. С. 88.

предполагает ответственность лиц, его совершивших. Довольно четкие критерии в этом плане содержит и ст. 24 проекта Кодекса, предусматривающая ответственность за международный терроризм, однако специфика данной статьи и в целом самого Кодекса не позволяет охватить своим содержанием подавляющего большинства вариантов международного терроризма. Во-первых, ст. 24 проекта содержит лишь признаки специального субъекта — лица, которое как агент или представитель государства совершает или отдает приказ о совершении актов международного терроризма, поэтому за рамками данного состава остаются все те акты, которые совершены лицами, не подпадающими под указанные признаки специального субъекта. Во-вторых, в силу специфики Кодекса многие из деяний, формально подпадающие под признаки ст. 24 проекта, с одной стороны, не будут «дотягивать» до уровня международных преступлений, способных нанести вред самим основам мира и безопасности человечества, а с другой — в случае массового распространения либо причинения существенного ущерба какому-либо государству приобретают значение прямой или косвенной агрессии.

По замыслу разработчиков проекта Кодекса получается, что он охватывает лишь наиболее опасные виды международного терроризма. Но что делать с другими его разновидностями? Неизбежно возникает такая дилемма: то ли все виды и формы международного терроризма охватить статьей настоящего Кодекса, но тогда будет искусственно завышена шкала общественной опасности всех этих деяний; то ли другие виды и формы международного терроризма, не подпадающие под действие настоящего Кодекса, указать в специальной универсальной Конвенции по борьбе с терроризмом. Но тогда возникает и такой вопрос: если будет универсальная международная Конвенция по борьбе с терроризмом, зачем тогда упоминать о терроризме в настоящем Кодексе, не удобнее ли все формы и виды терроризма предусмотреть в рамках всеобщей Конвенции по борьбе с терроризмом.

Но есть еще одна сторона этой проблемы. Как уже указывалось выше, мировым сообществом неоднократно предпринимались попытки разработать и принять Международный уголовный кодекс, в котором можно было бы учесть все нюансы преступлений и распо-

ложить их в зависимости от степени общественной опасности и характера содеянного. Эти попытки не увенчались успехом, поскольку проекты Кодексов, с одной стороны, не всех устраивали по политическим соображениям, а с другой стороны, содержали концепцию об уголовной ответственности государств как субъектов преступлений, не воспринимаемую большинством ученых. Споры нет, недостатки были существенными, и проекты совершенно обоснованно были отклонены. Но как это порой бывает — вместе с «мутной водичей» иногда «выплескивается» и рациональное зерно. Представляется, что подобное произошло и с проектами Международного уголовного кодекса. Ведь если принять за основу концепцию, согласно которой субъектами преступлений могут быть только физические лица, то возможность выработки и принятия Международного уголовного кодекса может оказаться реальностью. Этот единый кодифицированный международный документ, вобрав в себя достижения предшествующих международных соглашений по отдельным проблемам борьбы с международной преступностью, впредь избавил бы от необходимости принятия все новых и новых конвенций по преступлениям, приобретающим международный характер, поскольку при наличии всеобщего Кодекса достаточно внести соответствующие поправки к его статьям, чтобы придать тому или иному преступному деянию международный характер и успешно вести с ним борьбу по уже отработанной схеме.

Глава 4

ОТГРАНИЧЕНИЕ ТЕРРОРИЗМА ОТ СМЕЖНЫХ ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫХ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ

§ 1. ОТГРАНИЧЕНИЕ ТЕРРОРИЗМА ОТ СМЕЖНЫХ ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

При отграничении терроризма от смежных категорий действительности обращает на себя внимание то обстоятельство, что наиболее сложным и запутанным является вопрос о соотношении таких понятий, как «террор» и «терроризм», и в зависимости от того, как исследователи представляют себе их соотношение, делаются диаметрально противоположные выводы. Поскольку эти понятия по своему содержанию отражают те или иные степени и масштабы насильственных действий, довольно часто их употребляют и в литературе, и в официальных документах как взаимозаменяемые, т. е. как слова-синонимы. В одних случаях это проходит «безболезненно», так как не затрагивает никаких принципиальных аспектов, в других же случаях, напротив, вольное обращение с этими терминами порождает неразрешимые противоречия, приводящие к тупиковой ситуации.

В этой связи возникает настоятельная необходимость в более пристальном изучении этих терминов не только с позиции их происхождения, но и с позиции уяснения сущности и значимости тех реальных явлений действительности, которые они отражают.

Термин «террор» в переводе с латинского (*terror*) означает страх, ужас, но возникновение его как понятия, характеризующего конкретные социальные явления, обычно связывают с якобинской дик-

татурой во Франции в период Великой французской революции (1789–1794 гг.), хотя, собственно, сами те процессы и явления, которые именуются этим понятием, периодически заявляли о себе на протяжении всей истории человечества.

В словаре иностранных слов «террор» определяется как политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами³⁹⁶.

В словаре русского языка С. И. Ожегов «террор» определяет как физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам³⁹⁷.

Думается, что первое определение более точно и полно отражает суть самого явления, ибо, как показывает исторический опыт, одним лишь физическим насилием суть террора далеко не исчерпывается, что позволило исследователям этой проблемы провести разграничение террора, к примеру, на «физической и духовный»³⁹⁸.

Террор обычно связывают с деятельностью государственной власти в определенные периоды существования государства, однако это не означает, что помимо государственной власти никакие другие силы не в состоянии насаждать повсеместный террор, внушая страх и ужас не только политическим противникам, а практически всем и каждому.

Таким образом, террор может быть как государственный, так и негосударственный.

Государственный террор связывают с особо репрессивной, жесткой деятельностью государственной власти по отношению к своим политическим противникам как внутри страны, так и за ее пределами, поэтому государственный террор можно подразделять на внешний и внутренний.

Внешний террор ассоциируется с агрессивной или колониальной политикой государства, направленной на захват чужих территорий, разграбление национальных богатств порабощенных народов, попрание элементарных прав человека.

³⁹⁶ Словарь иностранных слов. 10-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1983. С. 494.

³⁹⁷ Ожегов С. И. Словарь русского языка. 17-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985. С. 691.

³⁹⁸ Замковой В. И., Ильчиков М. З. Терроризм — глобальная проблема современности. М.: Институт международного права и экономики, 1996. С. 16.

Конкретными примерами внешнего террора могут служить существование монголо-татарского ига на Руси, действия фашистской Германии на оккупированных территориях, деятельность колониальных властей. «История каждой колонии, — отмечает П. И. Гришаев, — это история вооруженного террора, и на любой зависимой территории армия, полиция и жандармерия находятся в состоянии боевой готовности не только во время завоевания данной колонии или подавления национально-освободительного движения, но и в “мирные”, “спокойные” периоды развития»³⁹⁹.

Внутренний государственный террор в зависимости от специфики его проявления может подразделяться на судебный и внесудебный.

Судебный террор проявляется главным образом в уголовном преследовании политических противников и масштабах применения смертной казни.

Наиболее показателен в этом плане период средневековья. В России этого времени судебный террор особенно ярко проявлялся во внутренней политике Ивана Грозного в период опричнины. Исследователи этого периода иначе и не называют его как «опричный террор»⁴⁰⁰, поскольку «лояльность карательной деятельности была на Руси традиционной и деформировалась лишь в опричный период»⁴⁰¹, называемый в науке аномальным, когда принцип виновности при назначении кар не соблюдался, фальсифицировался, развивалось объективное вменение, привлекались к ответственности невиновные родственники, а карательные меры приобрели фантастический характер⁴⁰².

В то же время, справедливости ради, следует заметить, что террор опричнины все же не идет ни в какое сравнение с судебным террором средневековой Европы, где масштабы казней были гораздо значительней, чем в опричной России⁴⁰³.

³⁹⁹ Гришаев П. И. Регрессия в странах капитала. М.: Юрид. лит., 1970. С. 24–25.

⁴⁰⁰ См., напр.: Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М.: АН СССР, 1963; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964; Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1983; Его же. Борис Годунов. М.: Наука, 1983.

⁴⁰¹ Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М.: Юристъ, 1995. С. 41.

⁴⁰² Там же. С. 42–43.

⁴⁰³ Там же. С. 22–28.

Внесудебный государственный террор наступил в России вслед за опричниной в период «Смуты» в начале XVII в. и выражался в военном подавлении как политических противников, так и лиц, имевших к политической борьбе весьма отдаленное отношение, либо вообще непричастных. Пики внесудебного террора приходится на периоды противоборства армии Б. Годунова с армией Лжедмитрия I и войск В. Шуйского с войсками И. Болотникова. История свидетельствует, что в эти периоды террор получал откровенную свободу: Московские воеводы после сражений с армией Самозванца (Лжедмитрия I) и примкнувшими к ней повстанцами «рубил, вешал и стрелял без разбора», проявляя неслыханную жестокость, а после победы В. Шуйского над войсками И. Болотникова треть государственной территории подверглась окончательному разорению⁴⁰⁴.

По характеристике В. А. Рогова «смутное время» разрушило сложившееся представления о каре и уголовном наказании как категориях, исходящих от центральной власти, и теперь в основе террора не было четкого понимания преступного, а следовательно, кары: понимание права и закона полностью было разрушено для всех социальных слоев и даже для самой государственной власти уже не существовало никакой разницы между уголовным наказанием и откровенным грабежом⁴⁰⁵.

Внесудебный государственный террор военного характера обычно имеет место при подавлении любой вооруженной оппозиции и прочих народных волнений, поскольку сопровождается карательными операциями как в отношении побежденных и пленных мятежников, так и против сочувствующих этому движению граждан. Еще К. Маркс, анализируя ход французской буржуазно-демократической революции 1848–1851 годов, писал, что после восстания парижского пролетариата в июне 1848 г. «свыше трех тысяч повстанцев было убито, пятнадцать тысяч сослано без суда»⁴⁰⁶. С другой стороны, в постановлении СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» прямо указывалось, что «при данной ситуации обеспечения

⁴⁰⁴ Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М.: Мысль, 1988. С. 161; Егоров Борис Годунов. С. 178–179; Рогов В. А. Указ. соч. С. 161–170.

⁴⁰⁵ Рогов В. А. Указ. соч. С. 168, 170.

⁴⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 126.

тыла путем террора является прямой необходимостью» и что «подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам»⁴⁰⁷. Поэтому «расстрелы без суда и следствия, порой даже не за преступления, а по классовому признаку»⁴⁰⁸ были обычным явлением.

В особенности внесудебный государственный террор военного характера свойствен внутренней политике фашистских диктатур, в условиях которых он смыкается еще с полицейским и идеологическим террором. Довольно четко взаимосвязь указанных видов внутригосударственного террора показал французский исследователь Ж. Деларю на примере германского фашизма в своей книге «История гестапо» и в частности в следующих строках: «В первые же дни прихода нацистов к власти на Германию обрушилась волна террора. Она приняла двоякую форму жестоких и кровавых расправ во время волнений, уличных стачек и скрытно наносимых ударов в виде множества незаконных тайных арестов, проводимых на исходе ночи и завершающихся чаще всего ликвидацией арестованного без суда и следствия с помощью пули или пытки в глубине глухого подземелья. ...Проведение в жизнь чрезвычайных законов ставило немецких граждан в полную зависимость от нацистского полицейского произвола. В любой ситуации полицейские могли действовать по своему усмотрению, не опасаясь ответственности, получали возможность проводить тайные аресты, бессрочные задержания без предъявления каких-либо обвинений, без доказательств, без судебного процесса и адвокатов. Никакие правоохранительные органы не могли вмешиваться в деятельность полиции, не были в состоянии потребовать освобождения арестованных и пересмотра их дел.

...Германия жила в атмосфере террора, развязанного нацистами, обрушившими на население потоки своей пропаганды — пропаганды всепроникающей, сопровождающей каждый шаг простых людей и каждую минуту их существования»⁴⁰⁹.

⁴⁰⁷ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / Под ред. проф. И. Т. Голякова. М.: Госюриздат, 1953. С. 34.

⁴⁰⁸ Раззаков Ф. И. Бандиты времен капитализма (хроника российской преступности 1992–1995 гг.). М.: ЭКСМО, 1996. С. 36.

⁴⁰⁹ Деларю Ж. История гестапо / Пер. с фр. Ю. А. Немешаева и др. Смоленск, Русич, 1993. С. 32, 37, 38.

Последующие фашистские диктатуры, хотя и не достигли размаха, подобного германскому фашизму, однако «школа» вполне узнаваема.

Установление фашистской диктатуры «черных полковников» в Греции (21 апреля 1967 г.) привело к массовому террору в стране. Только за один год были заключены в тюрьмы 60 тыс. человек, многие из которых убиты; сооружены концентрационные лагеря на островах Юра и Лерос⁴¹⁰.

Международная комиссия по расследованию преступлений военной хунты в Чили установила, что с первого дня захвата власти (11 сентября 1973 г.) хунта осуществляла произвольные аресты в массовом масштабе с целью подавления своих политических противников и создания обстановки неизвестности и страха. Официальные документы и свидетельства экспертов показывали, что приблизительно 30 тыс. чилийских граждан были убиты без суда и предварительного следствия⁴¹¹.

В свою очередь, внутригосударственный политический террор может осуществляться и без террора военного характера при вполне мирных и «благополучных» условиях существования государства. Такая ситуация сложилась в советском государстве в период тотального усиления сталинских репрессий. При этом особенность сталинского полицейского террора состояла в том, что он поставил себе на службу и судебные органы, посредством которых перед лицом своих граждан и мирового сообщества стремился узаконить свое беззаконие.

В отличие от сталинского, гитлеровский полицейский террор не нуждался в поддержке судебным террором, ему вполне достаточно было тандема с военным террором, однако уже чилийская хунта вынуждена была «призвать на помощь» и судебные органы, разумеется, предварительно полностью подчинив их себе. Так, в своей работе, посвященной изучению режима чилийской хунты, П. И. Гришаев и С. А. Чибиряев пишут: «Преступления хунты и ее приспешников, кровавый разгул военщины приняли такие размеры, что даже некоторые ее иностранные покровители, потиравшие руки после перево-

⁴¹⁰ Гришаев П. И. Указ. соч. С. 16.

⁴¹¹ Гришаев П. И., Чибиряев С. А. Режим террора и беззакония: Законодательство и практика чилийской хунты. М.: Междунар. отношения, 1979. С. 4.

рота, были шокированы и поспешили посоветовать Пиночету облечь террор покровом законности. Именно после этого хунта заговорила о предстоящих «судах», о введущихся «расследованиях», в результате которых будто бы жертвам террора, оставшимся в живых, будут предъявлены конкретные обвинения»⁴¹².

В тоталитарных государствах, в особенности фашистских, полицейский террор осуществляется в единой связке и с идеологическим террором, опираясь на него и поддерживая его своими средствами. Мощная нескончаемая пропаганда, жесткая цензура стремятся вытравить всякое инакомыслие, чтобы довести общество до такого состояния, когда внушаемые идеи не только не подвергаются сомнению, но и, трансформировавшись в собственные мировоззрения массы людей, начинают двигать устремления народного большинства к единению с вдохновителями террора⁴¹³. Но если вдруг «уцелел» где-либо иной взгляд на жизнь, то «зачистка» его производится уже полицейскими мерами под флагом официальной идеологии.

На зачатки подобного рода связки терроров обращал внимание еще А. И. Герцен. В своей статье «Молодая и старая Россия», посвященной российским событиям после появления революционной прокламации Петра Зайчневского «Молодая Россия» (1862 г.), он писал: «В Петербурге террор, самый опасный и бессмысленный из всех, террор оторопелой трусости, террор не львиный, а телячий, — террор, в котором угорелому правительству, не знающему, откуда опасность, не знающему ни своей силы, ни своей слабости и поэтому готовому драться зря, помогает общество, литература, народ, прогресс и регресс...

“День” запрещен, “Современник” и “Русское слово” запрещены, воскресные школы закрыты, шахматный клуб заперт, читальные залы заперты, деньги, назначенные для бедных студентов, отобраны, типографии отданы под двойной надзор, два министра и III отделение должны разрешать чтение публичных лекций, беспрестанные аресты...»⁴¹⁴

⁴¹² Там же. С. 169.

⁴¹³ Подробно об этом см.: Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер / Пер. с англ. А. Л. Уткина, А. В. Бушуева, И. С. Соколова; Под общ. ред. Г. Ю. Пернавского. Смоленск, Русич, 1996.

⁴¹⁴ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 томах. М., 1959. Т. 16. С. 199.

В других своих работах А. И. Герцен также восклицал: «Террор не унимается; непрерывные аресты, премии доносчикам... все безобразия страха, не стесняемого ничем...»⁴¹⁵, «полицейское бешенство достигло чудовищных размеров»⁴¹⁶.

Конечно, размеры «полицейского бешенства» здесь, видимо, явно преувеличены великим демократом и вообще возникает сомнение в том, а были ли упоминаемые А. И. Герценом события террором в собственном смысле этого слова или же это не что иное, как адекватное либо неадекватное реагирование властей на внезапно возникшую нестандартную ситуацию, и тогда уже можно говорить разве что лишь о тривиальном «закручивании гаек» на каком-то участке общественной жизни либо о репрессиях, но об этом речь будет идти ниже при отграничении террора от смежных понятий.

Идеологический террор помимо прямого преследования инакомыслия может проявляться и в более мягких, завуалированных формах типа выдвигения по классовому признаку или «запретов на профессию». Так, 21 марта 1947 г. президент США Трумэн подписал печально известный исполнительный приказ № 9835 о проверке лояльности государственных служащих. Согласно приказу проверке подлежали порядка 2 млн 300 тыс. государственных служащих, что, естественно, создало обстановку террора и всеобщего страха⁴¹⁷.

Как особый вид внесудебного внутригосударственного террора, очевидно, можно выделить административный террор, с помощью которого в странах социализма вносятся кардинальные коррективы в ход экономического развития общества. Отмена частной собственности, национализация всего производства, аннулирование достижений нэпа, принудительная коллективизация крестьянских хозяйств, ликвидация кулачества как класса, проведение сельскохозяйственных работ не в соответствии с законами природы, а на основании партийной директивы — вот примерный набор рычагов воздействия на экономику представителями советской власти при руководящей и направляющей роли коммунистической партии. Даже Гитлер, обладая не менее мощным военно-административным аппаратом, не осмелился посягнуть на эко-

⁴¹⁵ Там же. С. 227.

⁴¹⁶ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 томах. М., 1959. Т. 19. С. 69.

⁴¹⁷ Гришаев П. И. Указ. соч. С. 59–60.

номические основы общества. Сразу же после прихода к власти, выступая 6 июля 1933 г. на собрании имперских наместников (рейхсштатгальтеров), многие из которых политические изменения мыслили внедрить и в сферу экономики, он заявил: «Революция не может быть перманентным состоянием. Поток революции необходимо направлять в спокойное русло эволюции... особенно важно поддерживать порядок в экономическом аппарате... потому что экономика есть живой организм, который нельзя преобразовать одним махом. Она строится на первичных законах, глубоко укоренившихся в человеческой природе»⁴¹⁸.

Административный террор может проявляться и в чрезмерном усилении чиновничье-бюрократического аппарата, сосредоточении у него значительных полномочий разрешительного характера и функций, связанных с толкованием законов. Такое положение имеет место при несовершенстве законодательной базы, противоречивости принимаемых высшими органами государственной власти законодательных актов, президентских указов, правительственных постановлений. При таких условиях всякий гражданин испытывает зависимость от чиновничьего произвола, страх и неуверенность в завтрашнем дне, поскольку в любой момент его вполне законная деятельность может быть подвергнута гонениям, либо вообще сведена «на нет».

До сих пор рассматривался лишь государственный террор, однако субъектом террора может быть не только государство, государственная власть как общественно-политический институт, но и мощное негосударственное образование или сильная оппозиция, вступившая в откровенный военный конфликт с государственной властью и сама стремящаяся стать у руля государства.

Достаточно вспомнить такое негосударственное образование (но имеющее в определенной мере статус надгосударственного), как католическая церковь в связи с ее инквизиционной деятельностью. Ведь инквизиция понимается не только как определенный период в истории католической религии, но и преимущественно как система самостоятельных, независимых от государства карательных органов, направленных на борьбу со всякого рода религиозным и нерелиги-

⁴¹⁸ Цит. по кн.: Деларю Ж. История гестапо. С. 150.

озным инакомыслием с помощью исключительной жестокости и тотального террора. Именно в этом последнем значении обычно и определяется понятие «инквизиция» в толковых словарях.

Так, энциклопедический словарь содержит следующее определение: «Инквизиция (от лат. *inquisitio* — розыск), в католической церкви в XIII–XIX вв. судебное-полицейское учреждение для борьбы с ересями»⁴¹⁹.

В словаре иностранных слов указывается: «Инквизиция (лат. *inquisitio* — расследование) — 1) судебное-следственный орган католической церкви, созданный в средние века для борьбы с освободительным движением, атеизмом, свободомыслием, ересями, для преследования противников папской власти; инквизиция широко практиковала шпионаж, доносы, пытки, казни, просуществовала до начала XIX в.; 2) жестокая пытка, утонченное издевательство»⁴²⁰.

С. И. Ожегов в словаре русского языка дает толкование этому слову также в двух смыслах: в прямом — как, «следственный и карательный орган католической церкви, с крайней жестокостью преследовавший противников церкви» и в переносном — как «издевательство, мучение, пытка»⁴²¹.

В России тоже имело место преследование еретичества как преступного деяния, но, по справедливому замечанию В. А. Рогова, «масштабы жертв были лишь жалким подобием европейского террора по отношению к религиозному инакомыслию»⁴²², и «до инквизиционного террора такие действия вряд ли «дотягивают»⁴²³.

Что касается противоборства государственной власти и оппозиции в открытом военном конфликте, то, к примеру, в России такая ситуация возникла во времена «Смуты» в начале XVII в., когда власть и оппозиция, к тому же, не раз менялись местами, сопровождая свою борьбу обоюдным террором.

Освещая период борьбы правительственных войск Б. Годунова с армией Лжедмитрия I, В. А. Рогов сообщает следующее: «Считан-

⁴¹⁹ Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 492.

⁴²⁰ Словарь иностранных слов. С. 194.

⁴²¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 215.

⁴²² Рогов В. А. Указ. соч. С. 18.

⁴²³ Там же. С. 82.

ные дни показатель либерализм армии Самозванца отвечал интересам укрепления идеи о добродетельном государе. Вскоре его войска встали на путь террора не менее жестокого, чем в лагере правительственном»⁴²⁴.

Взаимный террор обычно свойствен периодам восстаний рабов, крестьянских восстаний, гражданских войн. Так, упоминавшееся выше постановление СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» было ответным ходом нового правительства на «белый террор» оказавшихся в оппозиции сил, способных организовать сопротивление в форме открытой вооруженной борьбы за власть и сопровождавших свои действия массовым террором не только в отношении прямых политических противников, но и в отношении гражданского населения.

Таким образом, понятие «террор» олицетворяет собой акции массового физического, психологического, идеологического насилия, осуществляемого общественно-политическими структурами, обладающими неограниченной властью над находящимся в их поле деятельности социальным контингентом.

Отличительной чертой террора выступает именно массовость насилия, т. е. попадание под его воздействие неограниченно большого количества лиц при реальной возможности распространения его воздействия на еще более неопределенно большое число лиц.

Террор применяется субъектами, обладающими неограниченной властью, никто и ничто не может остановить террора над контролируемым ими социальным контингентом, кроме самих субъектов террора.

Террор безлик и неразборчив, он подминает не только политических противников, но в равной степени и множество случайно подвернувшихся людей, стремясь таким путем к достижению повиновения со стороны всей массы социального контингента.

Отмеченные наиболее общие признаки террора позволяют отграничить его от смежных понятий.

Одними из наиболее близких к террору понятий являются такие понятия, как «война», «агрессия», «геноцид».

---

⁴²⁴ Там же. С. 163.

Война определяется в толковых словарях как вооруженная борьба между государствами⁴²⁵ или как общественное явление в виде продолжения политики насильственными средствами⁴²⁶.

Война так же как и террор зиждется на насилии. Но насилие насилию — рознь. Террор может сопутствовать войне, в особенности захватнической, агрессивной, но война может вестись и без политики террора.

Война без террора отличается от войны с террором тем, что в конфликте первого рода задействованы только воюющие армии и лишь на вооруженные силы неприятеля направлены все насильственные действия, при этом соблюдаются правила ведения войны в отношении раненых, военнопленных, медицинского персонала и не допускается насилия против мирного населения, но как только узаконенные соглашениями сторон или международными конвенциями правила ведения войны начинают нарушаться и какая-то из воюющих сторон применяет насилие к раненым, военнопленным, мирным жителям и т. п., то она одновременно становится и субъектом террора.

История знает немало примеров войн как того, так и другого рода, но прогрессивное человечество всегда стремилось к выработке таких правил ведения войн, которые исключали бы любое насилие, не связанное с боевыми действиями армий⁴²⁷.

Понятие «агрессия» обычно ассоциируется с понятием «война» и характеризует действия той из воюющих сторон, которая первой применила силу, т. е. вооруженное нападение⁴²⁸, поэтому все вышесказанное об отличии террора от войны относится и к отграничению террора от агрессии.

Агрессия также может быть сопряжена с террором в отношении населения захваченных территорий, военнопленных и т. д. (чаще всего так и бывает, когда ведется захватническая война), но история знает агрессии и без террора. Так, в 1939 г. Советский Союз начал войну против Финляндии. Лига наций расценила это как акт агрес-

⁴²⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 80.

⁴²⁶ Советский энциклопедический словарь. С. 238.

⁴²⁷ Подробно об этом см.: Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. М.: Наука, 1967. С. 75–96.

⁴²⁸ Советский энциклопедический словарь. С. 20; Словарь иностранных слов. С. 16; Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 20.

сии и в декабре 1939 г. приняла решение об исключении СССР из Лиги наций. Хотя действия советской стороны были обусловлены не захватническими целями, а соображениями исключительно военно-стратегического порядка, оспорить квалификацию с позиции буквы международного права весьма затруднительно. Но в то же время вряд ли можно уличить Советский Союз в том, что он не ограничивался военными действиями против армии неприятеля и допускал террор в отношении населения, непосредственно не участвующего в конфликте.

Таким образом, война, агрессия — это действия, направленные против вооруженных сил противника, тех сил, которые способны оказать более или менее равновеликое сопротивление, террор же направлен против той массы людей, которая не имеет возможности оказать сколь-нибудь равноценное сопротивление и поэтому обречена быть жертвой террора. То есть, фигурально выражаясь, война направлена против равных, а террор — против бесправных.

Понятие «геноцид» обычно определяется как истребление отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам⁴²⁹. В качестве наиболее выразительных примеров геноцида приводятся действия фашизма против славянского и еврейского населения во время Второй мировой войны, а также действия клики Пол Пота против кампучийского народа. В этом качестве геноцид по объективным признакам смыкается с террором, выступая как бы наиболее крайней формой его проявления. Однако цели, к каковым стремятся вдохновители террора и вдохновители геноцида, не совсем одинаковы. При геноциде истребление населения является самоцелью этих действий, т. е. тем самым конечным результатом, к достижению которого направляется насилие. При терроре, выраженном в физическом насилии над людьми, истребление какой-то части политических противников является не самоцелью, а средством достижения другой, более важной цели — призвать к повиновению остальную часть политических противников и всех прочих граждан.

⁴²⁹ Словарь иностранных слов. С. 118; Советский энциклопедический словарь. С. 288; Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 111.

С другой стороны, геноцид и по объективным признакам может принимать формы, явно не похожие на открытое насилие и создание обстановки страха. Помимо прямого грубого физического насилия, он может выражаться и в умышленном создании жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение каких-либо групп населения или же в принятии мер по предотвращению деторождения в их среде (биологический геноцид)⁴³⁰.

Понятия «террор», «война», «агрессия», «геноцид», хотя и отражают нетождественные по своей сути общественные явления, но все же одноуровневые по своему значению.

Иное положение при сопоставлении понятий «террор» и «репрессии».

Понятие «репрессия» определяется как «карательная мера, наказание»⁴³¹, как «наказание, карательная мера, применяемая государственными органами»⁴³² либо как синоним понятия «наказание»⁴³³, а наказание, в свою очередь, как «государственное принуждение, применяемое к виновному в совершении преступления»⁴³⁴, т. е. репрессия и террор находятся на совершенно различных уровнях в иерархии общественных событий и влекут за собой несравнимые последствия.

Сопоставляя указанные понятия применительно к событиям Русского государства XV–XVII вв., В. А. Рогов отмечает следующее: «Обладая элементами принудительности и кары, уголовное наказание имеет общие черты с репрессией. Но репрессия более широкое понятие. Она выходит за нормированные рамки закона и может базироваться на административном произволе власти, оправдываться исключительностью положения, исходить просто от властных полномочий монарха, не связанных никакими законами. Когда репрессии приобретают массовый характер и число жертв становится значительным, речь может идти о политике террора. В России исследуемого периода террор имел место во время опричнины и Смуты»⁴³⁵.

⁴³⁰ Советский энциклопедический словарь. С. 228.

⁴³¹ Словарь иностранных слов. С. 431; Советский энциклопедический словарь. С. 1117.

⁴³² Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 589.

⁴³³ Юридический словарь. М.: Госюриздат, 1953. С. 574.

⁴³⁴ Там же. С. 342.

⁴³⁵ Рогов В. А. Указ. соч. С. 5.

То есть репрессии можно понимать, с одной стороны, как назначаемые наказания за конкретные деяния, а с другой стороны, как усиление карательной политики государства на каком-то отрезке жизни общества. В этом втором качестве — как характерная политика государства — репрессии имеют некоторое внешнее сходство с политикой террора. Однако от террора их отличает, во-первых, масштабность карательных мероприятий, во-вторых, репрессии имеют конкретного адресата и персонифицированы в зависимости от формы и степени вины подвергшихся репрессиям и, в-третьих, репрессии реально ограничены рамками действующего законодательства или же (как крайне редкий случай) волей монарха, основанной на здравом смысле, отсутствие которого у монархов обычно не наблюдается.

Так, описываемые А. И. Герценом события в вышеупомянутой статье «Молодая и старая Россия» можно смело отнести к категории усиления карательной практики государства в целях пресечения и предупреждения антигосударственной деятельности, однако до террора здесь еще явно далеко, да и сам А. И. Герцен, хотя и называет действия правительства «террором», но с присущей ему образностью оговаривается, что это все же «террор не львиный, а телячий»⁴³⁶.

Совсем другой оттенок имеют, например, факты, свидетельствующие о деятельности советской милиции по борьбе с бандитизмом в период 1918–1921 гг., когда в ответ на бандитский беспредел были пущены в ход все средства и методы «красного террора», позволившие в итоге погасить и свести на нет волну бандитизма. А методы и средства выражались во внесудебной физической расправе со всеми членами бандитских формирований без особого учета вины и степени участия каждого⁴³⁷.

В этой связи совершенно безосновательными представляются утверждения исследовавших деятельность революционного народничества авторов о том, что на «белый террор» правительства «народники» отвечали «красным террором»⁴³⁸.

⁴³⁶ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 томах. М., 1959. Т. 16. С. 199.

⁴³⁷ Раззаков Ф. И. Указ. соч. С. 36–37, 44.

⁴³⁸ См.: Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом 1880–1891 гг. Саратов, Изд-во Саратовск. ун-та, 1971. С. 11; Волк С. С. Народная воля. 1879–1882. М., Л.: Наука, 1966. С. 55.

Безусловно, «народничество» с неизбежностью спровоцировало активизацию деятельности полицейского аппарата (ибо в любом государстве антигосударственная деятельность вызывает подобные, а то и более решительные меры). Но какое отношение это имеет к политике террора?! Здесь террора не было ни со стороны правительства, ни со стороны «народников».

В отличие от политики террора, здесь профилактические полицейские мероприятия были направлены против конкретных лиц и организаций в связи с их конкретной антиправительственной деятельностью в рамках действующего (далеко не репрессивного) законодательства и под контролем независимой судебной власти, в основе которой был выборный судебный орган — суд присяжных. Судебные процессы проходили в условиях гласности при соблюдении прав обвиняемых на защиту и не такой уж редкостью были оправдательные приговоры и назначение мер уголовно-правового воздействия, которые со значительной долей фантазии можно отнести к проявлению какой-либо репрессивной политики (помилование, освобождение на поруки, выговор и т. п.).

К тому же приводимые исследователями цифры о политических судебных процессах, прошедших в России в указанный период, напроць опровергают версию о правительственном терроре.

Так, Н. А. Троицкий, проведя, безусловно, фундаментальное исследование судебных процессов в отношении лиц, причастных к народническому движению, за период 1880–1891 гг. (т. е. за 12 лет), в обоснование мнения о царском «терроре» приводит следующие статистические данные⁴³⁹.

За весь 12-летний период было рассмотрено 120 уголовных дел на 566 подсудимых. Простая арифметика показывает, что среднегодовой показатель составлял ... аж 10 уголовных дел при 47 подсудимых на всю Россию, включая Украину, Кавказ и Польшу. При анализе результатов рассмотрения этих дел выявляется следующая картина: к смертной казни за все 12 лет были приговорены 27 человек

⁴³⁹ Подробно см.: Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 164–199. Помимо описания судебных процессов по делам этой категории автором разработана обстоятельная сводная таблица, содержащая сведения об осужденных, назначенных им мерах наказания, наименованиях судов, выносивших приговоры, и т. д.

(т. е. примерно 2 человека в год или 4,77% от общего числа осужденных по этим делам), причем оправданы 29 человек (5,12%), помилованы или осуждены с передачей на поруки 3 человека (0,53%), в отношении 36 человек (6,36%) применены санкции по сути административного характера (выговор, разжалование в рядовые, оставление в подозрении, исключение из службы, арест до 2-х месяцев). Получается, что из всех 566 подсудимых к смертной казни был приговорен каждый 21-й, зато каждый 8-й был либо оправдан, либо «отделался легким испугом».

Понятно, что эти показатели не идут ни в какое сравнение с тем же сталинским или гитлеровским террором, с террором опричнины либо другим средневековым террором, когда, например, один лишь немецкий судья мог вынести 15 тысяч смертных приговоров⁴⁴⁰, а ведь приведенные Н. А. Троицким показатели относятся к особой категории дел — об особо опасных преступлениях против государства, поэтому здесь не только не может быть речи о терроре, но и понятие «репрессия» может употребляться лишь в первом значении, т. е. как мера наказания, примененная к виновному в совершении преступления.

Не было и не могло быть и «красного террора» со стороны «народников», и не только потому, что вышеуказанные масштабы (а судебные процессы в значительной мере есть зеркало существующих в обществе негативных факторов) не позволяют сделать вывод о наличии насильственных действий массового характера, но и по той причине, что народническое движение объективно не достигло такого уровня, чтобы стать субъектом террора, способным на равных вступить в вооруженный конфликт с официальной властью. Кроме того, подавляющее большинство населения страны не испытывало и не могло испытывать особой тревоги за свое существование, ибо за его же «освобождение» ратовали «народники», посягая на жизни конкретных государственных деятелей и стремясь таким путем добиться соответствующих уступок со стороны государственной власти.

«Народники», как и представители других политических партий либо просто «герои-одиночки», делавшие определенный акцент в своей

⁴⁴⁰ Рогов В. А. Указ. соч. С. 25–26.

революционной борьбе на индивидуальных убийствах, являются не субъектами террора, а субъектами террористических деяний или, пользуясь сегодняшними уголовно-правовыми категориями, — субъектами преступлений террористического характера, ибо под собственно терроризм с учетом всех объективных и субъективных признаков этого деяния подпадает как отмечалось выше, лишь незначительная часть совершенных указанными субъектами актов террористического характера. Но это уже совершенно иной, более низкий уровень в иерархии общественных событий, не идущий в сравнение с террором. Родственными же понятиями для уровня преступлений террористической направленности являются такие понятия, как «терроризм», «насильственные преступления», «преступления международного характера» и другие уголовно-правовые институты.

Да и сами родоначальники террористического движения в России столь помпезно («террор») свои действия, связанные с индивидуальными убийствами, не называли, а называли все своими именами: «самосуд», «террористическая борьба», «террористический акт», «терроризм» и т. п., а если где-то в порядке «красного словца» и проскакивало слово «террор», то оно не несло никакой дополнительной смысловой нагрузки и ассоциировалось с понятиями, характеризующими сущность террористических действий. При этом террористической борьбе они отводили не главенствующую, а вспомогательную роль в революционном движении — как средству подъема революционного настроения масс.

Так, С. М. Степняк-Кравчинский, совершивший 4 августа 1878 г. ударом кинжала убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцева и скрывшийся с места происшествия, в своей статье «Земля и воля», опубликованной в качестве передовой статьи в первом номере одноименного журнала в ноябре 1878 г. писал: «Если мы прибегли к кинжалу, то значит действительно не оставалось других средств заставить уважать наши священные, человеческие права. С той же минуты как наша свобода и наша личность будут гарантированы от произвола, мы, безусловно, прекращаем ту систему самосуда и самозащиты, к которой вынуждены прибегать теперь. Мы должны помнить, что не этим путем мы добьемся освобождения народных масс. С борьбой против основ существующего порядка терроризация не

имеет ничего общего. Против класса может восстать только класс; разрушить систему может только сам народ»⁴⁴¹.

Не только в теоретических трудах, но и в практической деятельности сторонники террористического направления в революционном движении использовали однозначную терминологию. Исследуя деятельность «Народной воли», С. С. Волк приводит такой факт: «В 1877 — начале 1878 г. в кружке “бунтарей” в Киеве образовалась группа “городских террористов”»⁴⁴². Однако указанный и другие факты о террористической деятельности «народников» С. С. Волк называет не иначе как террором, как, впрочем, и другие исследователи.

У последующих революционеров, которые были сторонниками террористических методов борьбы, будь то приверженцы народо-вольческого движения, социалисты-революционеры или анархисты, слово «террор» порой соседствовало с террористической терминологией, но при изучении их «террористических» трудов не вызывает сомнения, о каком именно «терроре» они ведут речь⁴⁴³.

В. И. Ленин также неоднократно в своих трудах обращался к проблемам террора и терроризма и порой тоже употреблял понятие «террор» в различных значениях, но при этом обязательно делал оговорку — какой именно «террор» он имеет в виду: «террор» как массовое явление, как одно из военных действий революционных масс или «террор» как единичные террористические акты, как индивидуальные покушения, и у него было диаметрально противоположное отношение к этим видам «террора».

Однако впоследствии наши исследователи, перевернув все «с ног на голову» и сместив все акценты, стали употреблять понятие «террор» применительно ко всем случаям насильственных актов без разбора и оговорок, а поэтому у одних стало получаться, что В. И. Ленин всегда был против террора, а у других, что В. И. Ленин — чуть ли ни главный террорист всех времен и народов.

Так, И. И. Карпец в своей работе «Преступления международного характера», осуществив, бесспорно, солидные разработки по теме

⁴⁴¹ Утопический социализм в России: Хрестоматия / А. И. Володин, Б. М. Шахматов; Общ. ред. А. И. Володина. М.: Политиздат, 1985. С. 507.

⁴⁴² Волк С. С. Указ. соч. С. 67.

⁴⁴³ См.: История терроризма в России... С. 107, 204.

исследования, в то же время заявляет следующее: «Марксистско-ленинская теория всегда отвергала террор в качестве способа достижения политических целей. Известно, например, высказывание юного В. И. Ленина по поводу действий его старшего брата, принимавшего участие в покушении на царя и приговоренного к смертной казни, о том, что “мы пойдем другим путем”»⁴⁴⁴.

Напротив, О. В. Будницкий во введении к подготовленной им книге «История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях», безусловно, очень содержательной и полезной с позиции представленного фактического материала, говоря о том же, утверждает: «Влияние террористических идей было чрезвычайно велико в российском освободительном движении. Их не чуждались, вопреки распространенному мнению, не только эсеры и анархисты, но и социал-демократы. Не осуждали, до поры до времени, и либералы. Ленин еще в статье “С чего начать?” подчеркивал, что “принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора”»⁴⁴⁵. И далее, приведя вырванные из контекста выдержки из письма В. И. Ленина в Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете, написанного 16 октября 1905 г., О. В. Будницкий укоризненно пробурчал: «Вот тебе и “мы пойдем не таким путем!”»⁴⁴⁶

Совершенно очевидно, что как тот, так и другой авторы произвели подмену понятий, а потому в соответствии с законами формальной логики пришли к ложным выводам.

В статье «С чего начать?» В. И. Ленин действительно указывал на принципиальную невозможность отказаться от террора, но тут же, в следующих же фразах по тексту пояснял: от какого террора он не отказывается, а какой «террор» принципиально не приемлет. Выхватив из контекста фразу, О. В. Будницкий исказил мысль В. И. Ленина, который в действительности писал следующее: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора. Это одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения,

⁴⁴⁴ Карпец И. И. Преступления международного характера. М.: Юрид. лит., 1979. С. 69.

⁴⁴⁵ История терроризма в России... С. 16.

⁴⁴⁶ Там же. С. 17–18.

при известном состоянии войска и при известных условиях. Но суть дела в том, что террор выдвигается в настоящее время отнюдь не как одна из операций действующей армии ... а как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения»⁴⁴⁷.

То есть В. И. Ленин не отказывается от террора как средства массового насилия над массой противников в решительный момент противоборства, в ходе вооруженного восстания, в период гражданской войны, как одного из приемов решительного штурма⁴⁴⁸, но он против терроризма — «террора» в смысле единичного нападения.

Чуть позднее в подготовленном В. И. Лениным проекте резолюции «О терроре» ко II съезду РСДРП прямо указывалось: «Съезд решительно отвергает террор, т. е. систему единичных политических убийств, как способ политической борьбы...»⁴⁴⁹

Но когда на повестке дня конкретно встал вопрос о вооруженном восстании, В. И. Ленин, как правильно подметил О. В. Будницкий (видимо, сам того не заметив), «требовал от большевистских организаций перехода к массовому террору»⁴⁵⁰ и не потому, что (как заявляет О. В. Будницкий) он позабыл свои обвинения эсеров в «революционном авантюризме»⁴⁵¹, а в связи с тем, что пришла пора того действительного массового террора, от которого В. И. Ленин принципиально никогда не отказывался. И в цитируемом тут же О. В. Будницким письме В. И. Ленина в Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете, написанном накануне вооруженного восстания 1905 г., речь идет о подготовке системы крупномасштабных действий, направленных на открытую вооруженную борьбу с официальной властью, т. е. явно прослеживается тенденция к созданию субъекта террора в лице мощной вооруженной оппозиции, готовой взять власть в свои руки. Однако О. В. Будницкий методом подборки оторванных от контекста цитат настолько «измельчил» В. И. Ленина, что это письмо из программы подготовки массового террора превратилось в книге О. В. Будницкого в набор каких-

⁴⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 7.

⁴⁴⁸ Там же. С. 8.

⁴⁴⁹ Там же. Т. 7. С. 251.

⁴⁵⁰ История терроризма в России... С. 17.

⁴⁵¹ Там же. С. 17.

то бессмысленных насильственных действий психопатического характера.

И хотя длинные цитаты — не лучший способ ведения спора, в данном случае это представляется крайней необходимостью. Так вот что на самом деле указывал В. И. Ленин в своем письме:

«Дорогие товарищи! Очень благодарен Вам за присылку 1) отчета Боевого комитета и 2) записки по вопросу об организации подготовки восстания + 3) схемы организации.

В таком деле менее всего пригодны схемы, да споры и разговоры о функциях Боевого комитета и правах его. Тут нужна бешеная энергия и еще энергия. Я с ужасом, ей-богу с ужасом вижу, что о бомбах говорят больше полгода и ни одной не сделали!

Основывайте тотчас боевые дружины везде и повсюду, и у студентов, и у рабочих особенно... Пусть тотчас организуются в отряды от 3-х до 10, до 30 и т. д. человек. Пусть тотчас вооружатся они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т. д. Пусть тотчас же эти отряды выбирают себе руководителей и связываются, по возможности с Боевым комитетом при Петербургском комитете. Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, Христа ради, на все схемы, пошлите вы, бога для, все “функции, права и привилегии” ко всем чертям. Не требуйте обязательного вхождения в РСДРП — это было бы абсурдным. Не отказывайтесь связываться с каждым кружком, хотя бы в три человека, при единственном условии, чтобы он был полицейски надежен и готов был драться с царскими войском.

Роль Боевого комитета при Петербургском комитете должна быть — помогать всем отрядам революционной армии, служить “бюро” для связи.

Центр тяжести в таком деле — инициатива массы мелких кружков»⁴⁵².

И позднее, в 1916 г., возвращаясь к указанным событиям, В. И. Ленин писал: «В России террористы (против которых мы всегда боролись) совершили ряд индивидуальных покушений, но в декабре 1905 г., когда дело, наконец, дошло до массового движения, до

⁴⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 336–337.

восстания, — когда нужно было помочь массе применить насилие, — тогда-то как раз “террористы” и отсутствовали»⁴⁵³.

Не прав О. В. Будницкий и в том, что «полемика искровских публицистов против эсеровского террора вызвана ... скорее партийной конкуренцией... чем действительным неприятием этого способа борьбы»⁴⁵⁴.

Во-первых, эсеровского террора как такового тут не существовало, был эсеровский терроризм и, как было показано выше, сами эсеры все называли своими именами, а термин «террор» у них как «красное словцо» терялся в соответствующей сути дела терминологии, характеризующей терроризм.

Во-вторых, полемика между искровцами и эсерами развернулась не вокруг террора (ибо против террора в собственном понимании этого слова В. И. Ленин никогда возражений не имел), а вокруг терроризма, причем полемика не конъюнктурная, а принципиальная, с обоюдоострой критикой. И именно за неприятие террористических методов борьбы критиковали эсеры искровцев. Так, энергично критикуя искровцев в вышеуказанной статье «Террористический элемент в нашей программе», В. М. Чернов заключал: «Значение террористической борьбы как средства самообороны слишком очевидно и понятно. Оно не может отрицаться даже самыми крайними противниками террористических средств. Даже “Искра”, выставившая в последнее время (см., напр., № 20, от 1-го мая) положения, что терроризм изолирует революционную партию и тем самым осуждает ее на поражение ... не может закрывать глаза на действительность, все ею сообщаемые фактические известия идут решительно вразрез с принципиальной антитеррористической тенденцией газеты... но “Искра” против террора. Ей кажется почему-то, что такой поворот в современном революционном движении ... означал бы его сужение и грозил бы ему неудачей»⁴⁵⁵.

Видимо, подменой понятий можно объяснить и то, что «галерею террористов» в своей книге по истории терроризма О. В. Будницкий начинает с «портрета» Петра Зайчневского, который никакого отно-

⁴⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 313.

⁴⁵⁴ История терроризма в России... С. 17.

⁴⁵⁵ Там же. С. 198.

шения к терроризму никогда не имел. Как отмечает исследовавший деятельность революционного народничества М. Г. Седов, «Зайчневский с большим сочувствием относился к “Народной воле”, восхищался ее героизмом и делами, но ее тактический план подвергал резкой критике, особенно осуждал индивидуальный террор. “Погубит он все”, — настаивал он. Не нравилась ему и систематическая охота народовольцев за императором Александром II»⁴⁵⁶. Изучение прокламации П. Зайчневского «Молодая Россия» не оставляет ни тени сомнения в том, что в ней ведется речь не о терроризме, а о массовом революционном движении, которое приведет к революции, а в случае надобности, и к массовому террору. В частности, в прокламации говорится: «Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека, и на борьбу с которым тратятся его лучшие силы, один — революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка. Мы не страшимся ее, хотя знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы...»⁴⁵⁷

О. В. Будницкий, кстати, сам оговаривается, что П. Зайчневский «не был сторонником индивидуального террора»⁴⁵⁸, однако, кроме этой оговорки, никаких других разграничений нет и, по всей вероятности, быть не должно, поскольку для него понятия «террор» и «терроризм» являются однопорядковыми.

Попутно хотелось бы заметить, что встречающееся не только у О. В. Будницкого, но и в других литературных источниках понятие «индивидуальный террор», как представляется, внутренне противоречивое и вряд ли удачное понятие, рожденное игрой слов и относящееся к разряду таких же фигуральных выражений, как «индивидуальный митинг», «индивидуальная демонстрация», «коллективная исповедь». Но в фигуральных выражениях и войну можно назвать изнасилованием, лишь бы не подменять понятия, когда требуется их точное смысловое значение. Финалом же подобного рода подмен

⁴⁵⁶ Седов М. Г. Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М.: Мысль, 1966. С. 114.

⁴⁵⁷ Утопический социализм в России: Хрестоматия. С. 330.

⁴⁵⁸ История терроризма в России... С. 6.

книге О. В. Будницкого выступает отнесение им к разряду терроризма деятельности всей российской социал-демократии во главе с В. И. Лениным и выделение специального раздела VII с претензионным названием «Социал-демократия и терроризм: практика вопреки теории»⁴⁵⁹.

Также вряд ли можно согласиться с Ю. М. Антоняном, у которого не только В. И. Ленин получился террористом⁴⁶⁰, но и освободительная борьба советских партизан против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны отнесена к разновидностям терроризма⁴⁶¹. Но если так расширить рамки терроризма, то о каких мерах противодействия этому явлению вообще может быть речь? И хотя Ю. М. Антонян пытается в какой-то мере сгладить возникшее противоречие указанием на то, что он имеет в виду не уголовно-правовое, а криминологическое понимание терроризма⁴⁶², однако это ничего не меняет, поскольку и уголовно-правовое и криминологическое понимание возможны лишь в отношении преступлений и смежных с ними негативных явлений (пьянство, наркомания, проституция и т. д.), ибо криминология «представляет собой комплексную науку о закономерностях преступности и ее конкретных проявлениях, личности преступника, факторах, причинах и условиях, порождающих, обуславливающих преступность и отдельные преступные посягательства, а также о формах и методах социального и нормативного воздействия на них в целях контроля за этими негативными явлениями»⁴⁶³. То есть криминологическое понимание может существовать здесь только в том случае, если партизанское движение рассматривать в качестве разновидности преступной деятельности, что, безусловно, неверно, но ничего иного в криминологическом понимании не получается. К тому же позиция Ю. М. Антоняна неизбежно ведет к отождествлению понятий терроризма и войны, а соответственно террористических и освободитель-

⁴⁵⁹ Там же. С. 380–424.

⁴⁶⁰ См.: Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998. С. 94–119. На этих страницах размещается § 2 главы II указанной монографии, который так и назван — «Террорист Ленин».

⁴⁶¹ Там же. С. 42.

⁴⁶² Там же. С. 17.

⁴⁶³ Данышин И. Н. Введение в криминологическую науку. Харьков, Право, 1998. С. 10.

ных организаций, которые ни в коем случае смешивать нельзя. В частности, отграничивая национально-освободительное движение от международного терроризма, Е. Г. Ляхов совершенно точно указывает на следующее: «Решить вопрос о том, относить или не относить ту или иную организацию к освободительной или террористической, следует опираясь на понятия и признаки нации (народа), борющейся за свое освобождение, и международного терроризма. ...Международные права борющейся нации (народа) предопределяются правом на самоопределение. Нация в лице соответствующей организации может... применять в любой форме принуждение против государства-колонизатора и агрессора, пользоваться в процессе борьбы международной помощью и защитой... Акты международного терроризма являются международными преступлениями, т. е. запрещены международным правом. Таким образом, группы, совершающие их, не могут претендовать на название освободительной организации»⁴⁶⁴.

И партизанская война в рассматриваемом случае не имеет ничего общего с терроризмом, поскольку она представляет собой составную часть общей борьбы советского народа за свой суверенитет, воплощенный в суверенитете государственном. Партизанские отряды не просто выражали интересы народа, они состояли из самого народа, борющегося за свое освобождение.

Другое дело терроризм, который никогда не имел и не имеет сколь-нибудь прочных корней в общественной среде и ничьи интересы, кроме собственных интересов самих членов террористических группировок, он не отражает. Даже среди российских революционных партий, избравших терроризм в качестве одного из средств в своей деятельности, активные террористы составляли меньшинство и, как правило, шли на раскол с основным составом партии. Говоря о таких революционерах, О. В. Будницкий справедливо заключает, что ничьи интересы они «объективно не выражали... что были они до чрезвычайности субъективны и выражали свои, именно свои интересы — интересы образованных или (чаще) полубразованных

⁴⁶⁴ Ляхов Е. Г. Терроризм и межгосударственные отношения. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 41–42.

людей, стремящихся к самореализации и для начала — к устранению внешних для этого препятствий»⁴⁶⁵.

Отсутствие социальных корней у терроризма было очевидным еще на ранних стадиях террористических движений в России и для современников. В своей обвинительной речи на процессе по делу об убийстве императора Александра II, совершенном 1 марта 1881 г., прокурор Н. В. Муравьев сказал, что «пора сорвать маску с этих непрошенных благодетелей человечества, стремящихся добыть осуществление излюбленной ими химеры кровью и гибелью всего, что с нею не согласно»⁴⁶⁶.

Таким образом, всякий терроризм — это не акты военного или политического насилия, а акты уголовного насилия, и даже наличие политической мотивации в деяниях не превращает террористов в политическую силу, поскольку любая организация лишь тогда может считаться политической, когда в своей деятельности опирается на широкие слои населения. Еще В. И. Ленин указывал, что «в качестве революционной тактики индивидуальные покушения нецелесообразны и вредны. Только массовое движение можно рассматривать как политическую борьбу»⁴⁶⁷. А массовое движение на каком-то этапе борьбы может прибегнуть как к вынужденной мере и к политике террора. Однако вряд ли правильно «прятаться» от столь реального понятия за более обтекаемыми наименованиями, как это пытается сделать в одной из своих работ С. А. Эфиоров в таком заявлении: «Вообще в свете исторического опыта следовало бы пересмотреть некоторые значения слова “террор”. Крайне неудачным, например, представляется в современных условиях термин “революционный террор”. Подобные словосочетания охотно используются сейчас реакцией в целях дискредитации революционных и освободительных движений. Подлинно революционные движения не следует связывать со столь одиозными понятиями»⁴⁶⁸.

Но что поделать, если подлинно революционное движение временами прибегает к террору и вряд ли это исключительно одиозная

⁴⁶⁵ История терроризма в России... С. 10.

⁴⁶⁶ Там же. С. 116.

⁴⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 312.

⁴⁶⁸ Эфиоров С. А. Покушение на будущее. Логика и футурология «левого» экстремизма. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 41.

практика. Террор не всегда одиозен, напротив, порой он может быть исторически оправдан. Другое дело — терроризм, который, как справедливо подметил И. И. Карпец, «есть антинародное учение и практика, в конечном итоге смыкающаяся с уголовщиной»⁴⁶⁹. Это терроризм дискредитирует национально-освободительные и революционные движения, и факты, приведенные С. А. Эфиром в его научном исследовании, убедительно доказывают пагубность и одиозность терроризма. Но С. А. Эфир вынужден откешиваться и от террора, поскольку своим определением терроризма в широком смысле, куда включили и террор и другие явления массового характера, он просто загнал себя в угол, а теперь действительно как-то надо выходить из зоны одиозности.

«В широком смысле, — утверждает С. А. Эфир, — терроризм объединяет как подпольную подрывную деятельность, так и все формы государственного террора, террористической политики и геноцида»⁴⁷⁰. Если буквально следовать логике этого определения, то, говоря образно, получается, что под понятием «планета Земля» в широком смысле следует понимать всю солнечную систему, галактику и Вселенную тоже. А потому терроризм, по С. А. Эфиру, безграничен, он есть все и вся. «Существует, например, — отмечает он, — религиозный терроризм, особенно свирепствовавший в средние века... Невозможно даже приблизительно учесть число жертв истребительных религиозных войн, инквизиции, изуверских теократических режимов, массовых гонений еретиков и иноверцев и т. п.»⁴⁷¹. Конечно, в нашей действительности имеют место террористические акты по религиозным мотивам, но то, о чем поведал С. А. Эфир, совершенно не укладывается в понятие терроризма, а есть иллюстрация террора. Но С. А. Эфир идет еще дальше, и теперь у него уже война и терроризм «явления настолько близкие по своей природе, что, как это ни странно на первый взгляд, даже отграничить их далеко не просто. Это понимают террористы и пользуются этим»⁴⁷².

⁴⁶⁹ Карпец И. И. Преступления международного характера. С. 71.

⁴⁷⁰ Эфир С. А. Указ. соч. С. 42.

⁴⁷¹ Там же. С. 41.

⁴⁷² Там же. С. 126.

Но террористы, по-видимому, пользуются не этим, поскольку отграничить терроризм от войны не так уж сложно, а пользуются они тем пафосом, которое придает их деятельности отнесение ее к разряду большой политики, а не к разновидности обычных уголовных деяний, чем эта деятельность в сущности и является.

Сам же С. А. Эфиров сетует на то, что «привлекательность терроризма в глазах некоторых групп молодежи умножается ореолом романтической таинственности, героизма и жертвенности, который окружает (не без содействия прессы!) террористические акции и организации»⁴⁷³.

Однако вряд ли смакование террористических действий в прессе дает терроризму привлекательности больше, чем научные формулировки, типа тех, что «всякий терроризм — это акты политического насилия»⁴⁷⁴, или попытки отграничить террористов от уголовников⁴⁷⁵, которые превращают террористов, по меткому выражению В. В. Лунева, в своеобразную «белую кость» среди других преступников⁴⁷⁶. Это значительно усложняет борьбу с терроризмом, поскольку факт признания террористов субъектами террора, т. е. силой, равнозначной государственной власти или серьезной оппозиции, существенно искажает действительность и неоправданно предоставляет террористам некую моральную поддержку. Прав Ю. В. Голик, посчитав негодными такие послышки некоторых представителей российского государственного руководства, как о «принятии вызова», брошенного преступностью, поскольку «вызов принято принимать только у равного себе», в противном случае получается, что либо «МВД уже приравняло себя к преступной среде», либо «даровало право криминалитету идти вровень с генералитетом»⁴⁷⁷.

⁴⁷³ Там же. С. 24.

⁴⁷⁴ Там же. С. 7.

⁴⁷⁵ Бояр-Созонович Т. С. Международный терроризм: политико-правовые аспекты. Киев; Одесса, Лыбидь, 1991. С. 29; Международное уголовное право. Учеб. пособие / Под общ. ред. В. Н. Кудрявцева. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Наука, 1999. С. 145.

⁴⁷⁶ См.: «Круглый стол» журнала «Государство и право» на тему: «Терроризм: психологические корни и правовые оценки» // Государство и право. 1995. № 4. С. 27.

⁴⁷⁷ См.: Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 20–21.

Для успешной борьбы с терроризмом необходимо, в первую очередь, снять политический ореол с террористической деятельности. Тот факт, что многие террористические действия совершаются по политическим мотивам, не превращает их из преступления в некую политическую акцию, требующую политического убежища. Немало и других опасных преступлений совершается по политическим мотивам, но это не мешает привлекать лиц, их совершивших, к ответственности по статьям Уголовного кодекса того или иного государства. И террористические действия здесь тоже не исключение. Не меняет ничего в сущности терроризма и то обстоятельство, что он нередко выступает как преступление международного характера. В настоящее время в связи с бурным развитием интеграционных процессов практически каждое преступление может обрести международное значение. Если, к примеру, гражданин одного государства с помощью системы компьютерных сетей завладел денежными средствами банка, расположенного на территории другого государства, безусловно, такое преступление имеет международный характер и возможно потребуются вмешательство каких-то международных организаций типа Интерпола, но от этого сущность указанного деяния как общеуголовного преступления не меняется. Поэтому вполне закономерным представляется отнесение террористических действий к чисто уголовным деяниям как во внутреннем законодательстве государств, так и в международных конвенциях. В частности, в соответствии со ст. 1 Европейской конвенции по борьбе с терроризмом (Страсбург, 27 января 1977 г.) и ст. 11 Международной Конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом, открытой для подписания в Нью-Йорке 12 января 1998 г. ни одно из указанных в настоящих конвенциях преступлений не рассматривается для целей выдачи или взаимной правовой помощи как политическое преступление, или преступление, связанное с политическим преступлением или преступление, вызванное политическими побуждениями.

В свете сказанного об общеуголовной, а не политической сущности терроризма вновь возникает вопрос о неправомерности существования таких понятий, как «террористическая политика» и «государственный терроризм». Нельзя же всерьез относиться к таким словосочетаниям, как «воровская политика», «хулиганская политика», «взяточническая поли-

тика», но ведь и терроризм, так же как и кража, хулиганство, взяточничество, есть преступление, а не политика.

Приводимые же в доказательство существования государственного терроризма те или иные события, относящиеся к международной или внутренней деятельности государства, свидетельствуют о том, что авторы называют государственным терроризмом то, что относится к совершенно иным категориям действительности — агрессии, а также внешнему или внутреннему террору. Причем зачастую авторы, называющие те или иные явления государственным терроризмом, сами понимают, что это уже явления иного порядка, нежели терроризм. «Несомненно, — пишут И. П. Блищенко и Н. В. Жданов, — террористические акты государств представляют наибольшую опасность для международного мира и безопасности, однако их следует относить к актам агрессии... Террористические акты, совершаемые властями какого-либо государства, или допущение властями какого-либо государства организованной деятельности, рассчитанной на совершение террористических актов в другом государстве, необходимо квалифицировать как акт косвенной агрессии»⁴⁷⁸. «Нам представляется, — отмечает И. И. Карпец, — что нынешний период со всей очевидностью показывает опасность терроризма... Так, если мы имеем дело с “государственным” терроризмом типа налета Израиля на аэропорт Уганды, то здесь, по нашему мнению, налицо элементы такого преступления, как агрессия»⁴⁷⁹. Говоря о «государственном терроризме», Л. А. Моджорян пишет, что он «может принимать форму угрозы вторжения или вторжения в пределы иностранного государства, чтобы вынудить его принять ультиматум государства-террориста. Это уже будет прямым актом агрессии»⁴⁸⁰. А в размышлениях Т. С. Бояр-Созонович о «государственном терроризме» присутствует и явное сомнение в том, а терроризм ли это. «Не исключено, — считает она, — что правомерна постановка вопроса о международном государственном терроризме и в случае прямого вмешательства одного государства в дела друго-

⁴⁷⁸ Блищенко И. П., Жданов Н. В. Международно-правовая борьба с терроризмом // Правоведение. 1975. № 1. С. 87.

⁴⁷⁹ Карпец И. И. Преступления международного характера. С. 86.

⁴⁸⁰ Моджорян Л. А. Терроризм: правда и вымысел. 2-е изд. М.: Юрид. лит., 1986. С. 39.

го, когда налицо ситуация неадекватности военно-экономических потенциалов, т. е. имеет место прямое давление, диктат, устрашение. Хотя скорее подобная ситуация может быть классифицирована как агрессия с элементами террора»⁴⁸¹.

Но если это террор, агрессия, то причем здесь тогда терроризм? В действительности государственным может быть только террор, а терроризм — антигосударственным⁴⁸², а потому не следует подвергать терроризм расширительному толкованию.

Таким же приемом расширительного толкования выступает и отнесение к международному терроризму любой подрывной деятельности властей одного государства против другого государства. Но если так толковать международный терроризм, то выработка его общеприемлемого понятия никогда не сдвинется с «мертвой точки», поскольку пока существуют государства и границы между ними, деятельность спецслужб неизбежна, но это уже не террористическая, а политическая деятельность, хотя порой и не совсем корректная. «В сущности, — замечает Ф. И. Раззаков, — каждая спецслужба в мире имеет в своем штате людей, готовых исполнить приказ и пойти на крайние меры, т. е. на убийство. Агенты внешних разведок используют в этих случаях самый разнообразный арсенал средств, начиная от различных ядов и кончая взрывными устройствами. Взять, к примеру, советский КГБ. В начале 30-х годов в нем была создана служба диверсий и террора, которую возглавил П. Судоплатов. Действовала она на основе секретных распоряжений высшего советского руководства, которое допускало принятие мер по пресечению деятельности враждебных лиц особыми способами по специальному распоряжению. В результате почти за 25 лет своего существования эта служба устранила несколько десятков противников режима, применяя при этом самые различные способы»⁴⁸³.

Не менее внушительный «послужной список», по-видимому, и у агентов ЦРУ, за что в нашей литературе периода противостояния двух общественно-политических систем «окрестили» этот государ-

⁴⁸¹ Бояр-Созонович Т. С. Указ. соч. С. 49.

⁴⁸² См.: Литвинов Н. Д. Антигосударственный терроризм: понятие и виды (историко-криминологический аспект) // Терроризм: современные аспекты. Сборник научных статей. М.: Академия управления МВД России, 1999. С. 55–66.

⁴⁸³ Раззаков Ф. И. Указ. соч. С. 48.

ственный орган «самой крупной и зловещей государственной террористической организацией»⁴⁸⁴, занимающейся «по долгу службы террористической деятельностью»⁴⁸⁵, ибо «штаб-квартира международного терроризма размещается в зданиях ЦРУ»⁴⁸⁶.

Но все дело в том, что задача спецслужб (и это очевидно даже любому непосвященному в тонкости их работы) не сфокусирована на террористической деятельности. Более того, никакие другие организации, кроме этих семи «обруганных» спецслужб, и не в состоянии вести эффективную борьбу с терроризмом, в особенности, когда вопрос касается не выработки понятий, а реального противоборства.

Другое дело, что агенты спецслужб для достижения поставленных государственной властью политических целей могут использовать «услуги» террористов, равно как и «услуги» воров, бандитов, профессиональных убийц, проституток, но это же не значит, что спецслужбы теперь надо «удостоить» еще и прочими наименованиями соответственно используемому контингенту. Все эти «использования» представляют собой лишь технические средства, мелкие частички большой политической игры, где, конечно, могут иметь место и шпионаж, и диверсии, и политические убийства, и похищения, и подкуп должностных лиц, и организация террористических актов и т. д. и т. п. Однако никакой политический режим, будь то режим демократии или террора, никогда не отождествлял себя с террористической практикой. Даже такая одиозная государственная организация как гестапо в качестве основных задач своей деятельности ставила борьбу «против «врагов государства», саботажников, террористов...»⁴⁸⁷

Таким образом, терроризм совершенно несопоставим с подрывной деятельностью спецслужб, как, скажем, несопоставима кража с парламентскими выборами, ибо терроризм — это разновидность уголовно-наказуемых деяний, а деятельность спецслужб — это проведение политики государства внутри страны и за ее пределами и при определенных обстоятельствах она может принимать различные

⁴⁸⁴ Эфиров С. А. Указ. соч. С. 36.

⁴⁸⁵ Ковалев Э. В., Малышев В. В. Террор: вдохновители и исполнители. Очерки подрывной деятельности ЦРУ в Западной Европе. М.: Политиздат, 1984. С. 10.

⁴⁸⁶ Светов Б., Тарин О. Международный терроризм и ЦРУ. М.: Прогресс, 1981. С. 5.

⁴⁸⁷ Деларю Ж. Указ. соч. С. 294.

формы и виды насильственных действий, представляющих собой отдельные элементы проявления внешнего или внутреннего государственного террора.

Именно проявления внутреннего государственного террора в литературе именуют внутригосударственным терроризмом и в качестве примеров тому приводят диктаторские, профашистские и военные режимы⁴⁸⁸, а это есть не что иное, как подмена понятий и один из приемов расширительного толкования терроризма. Государственная власть, какой бы тоталитарной она ни была, не нуждается в террористической деятельности внутри страны, поскольку борьбу со своими противниками она ведет с помощью тотального террора. Более того, в литературе справедливо подмечено, что при тоталитарных режимах вообще не существует ни терроризма, ни мафии⁴⁸⁹. Терроризм — это средство борьбы слабой стороны против сильной, террор же, напротив, есть средство подавления более слабого противника сильной стороной, каковой и является государственная власть.

Подводя итог сказанному о терроризме, представляется возможным выделить следующие признаки, отличающие его от террора.

Во-первых, терроризм — это одноразово совершаемый акт либо серия подобных актов, тогда как террор носит тотальный, массовый, непрерывный характер.

Во-вторых, субъекты терроризма, в отличие от субъектов террора, не то что безграничной, а вообще никакой официально установленной (выборным путем, путем военной интервенции и т. д.) властью над социальным контингентом той местности, где разворачиваются их действия, не располагают.

В-третьих, субъектами террора выступают общественно-политические структуры, а субъектами терроризма — физические вменяемые лица, достигшие возраста уголовной ответственности.

---

⁴⁸⁸ См., напр.: Крылов Н. Б., Решетов Ю. А. Государственный терроризм — угроза международной безопасности // Государство и право. 1987. № 2. С. 79; Блищенко В. И. Международно-правовые проблемы государственного терроризма (на примере Чили). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1989. С. 13; Антонян Ю. М. Указ. соч. С. 119–160; Салимов К. Н. Современные проблемы терроризма. М.: Щит-М, 1999. С. 25–32.

⁴⁸⁹ См.: Государство и право. 1995. № 4. С. 42; Замковой В. И., Ильчиков М. З. Указ. соч. С. 18, 36–39.

В-четвертых, если террор — социально-политический фактор действительности, то терроризм — явление уголовно-правового свойства и насилие при терроризме имеет не всеобщее, а локальное применение.

Террор и терроризм — это разноуровневые явления в иерархии общественных событий как по своей сущности, так и по значимости тех последствий для событий, каковые они могут причинить⁴⁹⁰, поэтому схематично эти и родственные им явления (и соответственно понятия) можно представить в виде двух параллельных рядов.

Первый (верхний) ряд наряду с понятием «террор» составляют такие родственные ему понятия, как «война», «агрессия», «геноцид» и т. п.

В качестве слов-синонимов для понятия «террор» выступают такие как «политика террора», «массовый террор», «тотальный террор».

Второй (нижний) ряд наряду с понятием «терроризм» составляют такие близкие ему понятия, как «захват заложников», «политическое убийство», «диверсия», «бандитизм», «вымогательство», «преступления террористической направленности» и т. п.

В качестве слов-синонимов для понятия «терроризм» могут использоваться «террористический акт», «терроризирование», однако со значительной долей условности, поскольку во многих ситуациях, как было показано выше, эти понятия не совпадают по объему.

Думается, что следует отказаться в научных исследованиях по терроризму и от таких понятий-паразитов, как «террористическая политика», «государственный терроризм», «индивидуальный террор», и вот почему. Первые два, будучи результатом смешения понятий террора и терроризма, вступают в противоречие с самой сущно-

⁴⁹⁰ Последовательно отстаиваемая автором позиция о необходимости отграничения террора и других подобных категорий от терроризма (См., напр.: *Емельянов В. П.* Терроризм и преступления террористической направленности. Харьков: Рубикон, 1997. С. 8–43; *Его же.* Террор и терроризм: вопросы отграничения // *Право и политика.* 2000. № 4. С. 67–77) постепенно находит понимание и у других исследователей проблем терроризма (См., напр.: *Ліпкан В. А.* Тероризм: юридична дефініція та зміст // *Тероризм і боротьба з ним.* Аналітичні розробки, пропозиції наукових та практичних працівників. Том 19. Київ, 2000. С. 59–60; *Его же.* Тероризм і національна безпека України. Київ, Знання, 2000. С. 25–43; *Комиссаров В. С., Емельянов В. П.* Террор, терроризм, «государственный терроризм»: понятие и соотношение // *Вестник Московского университета.* Серия 11. Право. 1999. № 5. С. 34–45).

стью терроризма как явления не политического, а уголовно-правового, к тому же в них явно присутствует дух противоборства двух общественно-политических систем периода «холодной войны», когда стороны на политику и деятельность противника навешивали ярлык терроризма, последнее же понятие без дополнительных оговорок и уточнений приводит лишь к путанице и беспредметным спорам.

С учетом изложенного об уголовно-правовой, а не политической сущности терроризма представляются неточными классификации терроризма, когда наряду с «государственным», политическим, религиозным и т. д. терроризмом выделяется еще и уголовный терроризм, поскольку всякий терроризм уголовный и никакого неуголовного терроризма не существует. Но сам уголовный терроризм может иметь подразделение по мотивации (политическая, религиозная, экономическая и т. п.) и по субъекту преступления (совершенный гражданином своей страны или иностранцем, лицом, не обладающим каким-либо полномочиями либо представителем каких-то государственных структур). И совершенно справедливо подчеркнул в ходе дискуссии по проблемам терроризма А. В. Наумов: «Что касается попыток отграничить “уголовный” терроризм от “неуголовного” (политического, националистического, религиозного), то такое разграничение можно условно провести лишь по его мотивации, т. е. на криминологическом либо психологическом уровне. В рамках же уголовного закона любой терроризм — уголовный, так как представляет собой нарушение уголовного закона»⁴⁹¹. К тому же, как было показано выше, не только в рамках национальных законов, но и в рамках международных соглашений терроризм расценивается как уголовное деяние.

Попутно также заметим, что вряд ли правильно разграничивать терроризм вообще и международный терроризм, поскольку, как совершенно верно заметила Н. С. Беглова, международный терроризм — это не какой-то особый вид терроризма, а продолжение внутреннего терроризма, выход его за пределы границ того или ино-

⁴⁹¹ См.: Государство и право. 1995. № 4. С. 34.

го государства⁴⁹². Особенность международного терроризма состоит лишь в одном — в наличии иностранного элемента. Так, Л. А. Моджорян относит к данному виду терроризма следующие случаи: 1) как террорист, так и жертвы терроризма являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за пределами этих государств; 2) террористический акт направлен против лиц, пользующихся международной защитой; 3) подготовка к террористическому акту ведется в одном государстве, а осуществляется в другом; 4) совершив террористический акт в одном государстве, террорист укрывается в другом и встает вопрос о его выдаче⁴⁹³.

К международному терроризму относят довольно широкий спектр деяний, и в зависимости от значимости затрагиваемых этими деяниями международных интересов выделяют терроризм как разновидность международных преступлений либо преступлений международного характера, либо так называемых преступлений с иностранным элементом.

К международным преступлениям в первую очередь относят те, которые предусмотрены ст. 6 Устава Нюрнбергского военного трибунала и которые А. Н. Трайнин называл преступлениями против человечества⁴⁹⁴.

В настоящее время к международным преступлениям относят также геноцид, экоцид, биоцид, апартеид⁴⁹⁵.

Понятие преступлений международного характера, позволяющее отграничить их от международных преступлений, наиболее четко и полно дано в научных работах И. И. Карпеца, который определил их следующим образом: «Преступления международного характера — это деяния, предусмотренные международными соглашениями (конвенциями), не относящиеся к преступлениям против человечества, но посягающие на нормальные отношения между государствами, наносящие ущерб мирному сотрудничеству в различных областях отношений (эко-

⁴⁹² Беглова Н. С. Терроризм: поиск решения проблемы // США: экономика, политика, идеология. 1991. № 1. С. 40.

⁴⁹³ Моджорян Л. А. Указ. соч. С. 14–15.

⁴⁹⁴ См.: Трайнин А. Н. Избранные произведения. С. 291–292.

⁴⁹⁵ Карпец И. И. Международная преступность. М.: Наука, 1988. С. 101–102.

номических, социально-культурных, имущественных и т. п.), а также организациям и гражданам, наказуемые либо согласно нормам, установленным в международных соглашениях (конвенциях), ратифицированных в установленном порядке, либо согласно нормам национально-уголовного законодательства в соответствии с этими соглашениями»⁴⁹⁶. Все преступления международного характера он подразделяет на несколько групп и к первой группе относит преступления, которые наносят ущерб мирному сотрудничеству и нормальному осуществлению межгосударственных отношений. В эту группу он включает терроризм, наемничество, незаконное радиовещание, угон самолетов.

Вместе с тем, по мнению И. И. Карпеца, определенные разновидности терроризма могут «дорости» и до уровня международных преступлений и тем самым выйти за рамки разработанной им классификации преступлений международного характера. Однако в порядке иллюстрации такого рода терроризма он приводит факты агрессии, геноцида, террора⁴⁹⁷. Думается, что все эти примеры не колеблют разработанную И. И. Карпецом классификацию и не дают оснований «поднимать» терроризм до разряда международных преступлений, так как они свидетельствуют лишь об одном, что практически во всех подобных случаях налицо не терроризм, а явления иного порядка. Поэтому более верным будет терроризм относить к преступлениям международного характера,⁴⁹⁸ ибо в редких случаях акты терроризма могут достигать уровня международного преступления, тогда как научные классификации должны оперировать основным массивом тех или иных явлений, а не исключениями из правил.

⁴⁹⁶ Карпец И. И. Преступления международного характера. С. 48.

⁴⁹⁷ Там же. С. 86–87. В этой связи вряд ли можно согласиться с позицией, которая терроризм безоговорочно относит к категории международных преступлений (См.: Международное уголовное право: Учеб. пособие / Под общ. ред. В. Н. Кудрявцева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1999. С. 140–146).

⁴⁹⁸ См.: Иванов Ю. А. Міжнародно-правове регулювання боротьби з тероризмом у сучасних умовах. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Київ, 2000. С. 7.

§ 2. ОТГРАНИЧЕНИЕ ТЕРРОРИЗМА ОТ СМЕЖНЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ

Среди одноуровневых с терроризмом деяний как международно-го характера, так и внутригосударственного значения наиболее часто имеют схожесть с ним по тем или иным отдельным признакам такие, как пиратство, диверсия, действия, направленные на насильственное изменение либо свержение конституционного строя или на захват государственной власти и т. д., которые нередко в литературе рассматриваются как проявления терроризма, что вряд ли правильно, так как все те деяния имеют свои отличительные черты самостоятельных преступлений.

Вопрос о соотношении терроризма и пиратства обычно возникает перед исследователями, занимающимися проблемой безопасности морского судоходства, однако в их научных работах либо вообще не проводится разграничения между этими преступлениями, либо проводится по второстепенным признакам.

Так, С. О. Допилка по существу усматривает разницу между терроризмом и пиратством лишь в том, что первый совершается с политической направленностью, а последний по личным мотивам⁴⁹⁹. Л. А. Моджорян, полагая, что понятие морского терроризма вообще следует включить в концепцию пиратства, поскольку между ними, по ее мнению, нет принципиальной разницы, к числу их общих признаков относит подрыв свободы морей и угрозу безопасности мореплавания, а их характерной чертой считает «“запугивание”», т. е. поведение преступника, рассчитанное на то, чтобы вызвать ужас, парализующий жертв нападения»⁵⁰⁰.

Однако терроризм, как известно, совершается не только по политическим мотивам и представляет собой не политическую акцию, а преступное деяние, что же касается запугивания жертв нападения, то если для пиратов — это основной момент в процессе запугивания, для террористов же — это промежуточный этап, служащий

⁴⁹⁹ Допилка С. О. Уголовная ответственность за терроризм и пиратство на море. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Киев, 1993. С. 19–21.

⁵⁰⁰ Моджорян Л. А. Терроризм на море. Борьба государств за безопасность морского судоходства. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 37.

средством запугивания третьих лиц, заинтересованных в безопасности жертв нападения. Если для пиратов захватом судна и находящихся на нем людей и имущества преступная деятельность исчерпывается, то для террористов с этого преступные действия лишь начинаются, поскольку достижение их целей связано не с поведением жертв нападения в ходе насильственных действий, а с поведением третьих лиц, на которых и призвана оказать воздействие насильственная акция. Действия пиратов в отличие от террористов направлены на удовлетворение их интересов непосредственно в ходе насильственных актов, целью которых является захват людей, часто для продажи и эксплуатации, захват грузов и ценностей для обогащения⁵⁰¹.

Борьба с пиратством (морским разбоем) регулируется Женевской конвенцией об открытом море (1958 г.) и Конвенцией ООН по морскому праву (1982 г.). Под пиратством здесь понимается неправомерный акт насилия, задержание или грабеж в открытом море или в месте, находящемся вне юрисдикции государства, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами частновладельческого судна или летательного аппарата и направленный против другого судна или летательного аппарата, против лиц и имущества, находящихся на борту.

Рассматривая пиратство как преступление международного характера, В. П. Панов выделяет следующие его отличительные признаки:

1. Пиратство может быть совершено только в открытом море. В пределах государственной территории подобные деяния квалифицируются по законам данной страны как разбойное нападение, грабеж, бандитизм и т. д.

2. Пиратство направлено против другого судна, летательного аппарата или против лиц, или против имущества, находящегося на борту этого судна, а также против безопасности его плавания.

3. Пиратским может быть признано только частновладельческое судно, предназначенное или используемое лицами, имеющими над ним власть для совершения перечисленных преступлений. Исключе-

⁵⁰¹ Карпец И. И. Преступления международного характера. С. 180.

ние составляет случай, если экипаж корабля поднял мятеж, захватил контроль над ним и совершил пиратские действия.

4. Пиратство должно сопровождаться насилием, угрозой применения насилия, актами задержания, грабежа и т. п. На практике такое насилие носит вооруженный характер, а сам факт задержания судна и находящихся на нем людей квалифицируется как морской разбой.

5. Пиратскими могут быть только действия, совершаемые с личными целями, т. е. личное обогащение, корысть, месть и другая личная заинтересованность⁵⁰².

То есть в соответствии с международными соглашениями, пиратскими признаются лишь действия частновладельческих судов или летательных аппаратов либо государственных судов или летательных аппаратов, экипаж которых поднял мятеж и вышел из-под контроля государственных структур, что исключает возможность так называемого «государственного пиратства», поэтому действия военных судов и летательных аппаратов должны квалифицироваться как акты агрессии со стороны государства, которому они принадлежат, и влечь за собой политическую и моральную ответственность государств и уголовную ответственность непосредственных исполнителей⁵⁰³.

Исследуя проблему пиратства. И. И. Карпец задается вопросом: правомерно ли считать пиратством бомбардировку и обстрел? И далее дает следующий ответ: «Традиционное понятие пиратства связано с захватом людей, захватом имущества и т. д., т. е. извлечением выгоды. Чего достигает “пират”, когда обстреливает корабль либо путем налета с воздуха уничтожает корабль или людей? Сходство с пиратством лишь в одном: действия совершаются в открытом море. На этом сходство кончается. По традиции такие действия называются пиратством, однако, представляется, что в подобных случаях есть основания для иной квалификации. Действия преступников, уничтожающих корабль и людей, на нем находящихся, путем налета с воздуха, скорее сходны с действиями террористов»⁵⁰⁴.

⁵⁰² Панов В. П. Международное уголовное право: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 133.

⁵⁰³ См.: Карпец И. И. Преступления международного характера. С. 179–181.

⁵⁰⁴ Там же. С. 182.

Соглашаясь с И. И. Карпецом, что такие действия трудно назвать пиратством, одновременно невозможно согласиться с тем, что они сходны с действиями террористов. Для террористов любые акты насилия имеют особый смысл, террористы ничего не совершают «просто так» без намерения «обнародовать» свои действия и оказать психологическое давление на общественность или властные структуры. Поэтому действия преступников, уничтожающих корабль и находящихся на нем людей путем налета с воздуха или иным путем, которые не преследуют ни цели извлечения материальной или другой выгоды, ни цели понуждения к принятию какого-либо решения, если они совершены не военными служащими какого-либо государства, а частными лицами, скорее всего сходны с действиями бандитов и должны квалифицироваться как акты международного бандитизма. Если же они совершены военными служащими того или иного государства, то подлежат квалификации как акты агрессии.

Насильственные действия при терроризме сопряжены с воздействием на третьих лиц в целях понуждения их к выгодному для виновных поведению, тогда как при бандитизме и пиратстве виновные не рассчитывают на определенное поведение какой-либо третьей стороны, а достигают поставленных целей своими силами и средствами непосредственно в ходе самих актов насилия. Таким образом, если бандитизм и пиратство завершаются актом насилия, то терроризм с этого только начинается.

В этой связи представляется неточной позиция О. В. Будницкого, который в своей книге «История терроризма в России» отнес к разряду терроризма действия группы грузинских боевиков под руководством И. В. Сталина и Камо (С. А. Тер-Петросяна), совершавшей в Тифлисе в течение 1907–1908 годов вооруженные налеты на инкассаторские кареты, почты, ломбарды с целью «экспроприации» и пополнения кассы большевистской партии⁵⁰⁵. По всем объективным и субъективным признакам эти действия следует квалифицировать как бандитизм или разбой, но не терроризм, поскольку здесь цель имущественного обогащения удовлетворилась в ходе самих насильственных акций без каких-либо «промежуточных» дейст-

⁵⁰⁵ История терроризма в России... С. 410–421.

вий, направленных на понуждение к выгодному поведению, к тому же огласку эти действия получали уже по факту их совершения без особых стремлений лиц, их совершивших, к созданию обстановки запугивания, страха и использованию ее как фактора предупредительного воздействия по отношению к населению или властям. А поэтому говорить о терроризме здесь не приходится.

По ряду объективных признаков терроризм обнаруживает много сходства с диверсией. Согласно ст. 281 УК РФ диверсией признается совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Несколько шире признаки этого состава сформулированы в ст. 360 УК РБ, где под диверсией понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений, разрушения или повреждения зданий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи или другого имущества, в целях нанесения ущерба экономической безопасности и обороноспособности Республики Беларусь. Еще более широко составы диверсии представлены в ст. 173 УК Туркменистана и в ст. 161 УК Узбекистана, причем не только за счет объективных, но и за счет субъективных признаков и выглядят следующим образом: «Диверсия, то есть действия, направленные на уничтожение людей, нанесение вреда их здоровью, повреждение или уничтожение собственности с целью дестабилизации деятельности государственных органов или общественно-политической обстановки либо подрыва экономики» Туркменистана (Республики Узбекистан).

В УК Украины состав диверсии сформулирован в ст. 113 так: «Совершение с целью ослабления государства взрывов, поджогов или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений либо иного вреда их здоровью, на разрушение или повреждение объектов, имеющих важное народнохозяйственное или оборонное значение, а также совершение с той же целью действий, направленных на радиоактивное заражение, массовое отравление, распространение эпидемий, эпизоотий или эпифитотий». Как объективные, так и субъективные признаки со-

става диверсии в УК Украины сформулированы настолько широко, что под них вполне можно подвести и ряд актов терроризма, если они затрагивают в той или иной мере государственные интересы.

Состав терроризма, называемый в УК Украины «террористическим актом», (ст. 258), по своим основным конструктивным признакам по существу не отличаются от состава, предусмотренного ст. 205 УК РФ и ст. 271 УК Туркменистана.

В этой связи возникает необходимость в детальном отграничении терроризма от диверсии⁵⁰⁶. Их основные различия, как представляется, заключаются в следующем: во-первых, если диверсия, объективно выражается лишь в совершении взрывов, поджогов и иных общеопасных действий, то терроризм подобными действиями не исчерпывается и включает в себя также угрозу таковыми, а если рассматривать терроризм как явление в самом широком смысле, то сюда можно включить и иные насильственные действия (убийства, похищения людей и т. д.) и угрозы их совершением; во-вторых, если при совершении диверсии действия виновных направлены на само причинение того или иного вреда (разрушение или повреждение предприятий, зданий, сооружений, объектов жизнеобеспечения населения, массовые отравления и т. д.), то при совершении терроризма — на устрашение населения или его части, создание и поддержание обстановки страха; в-третьих, целью диверсионных актов является ослабление государства, подрыв его экономической безопасности и обороноспособности, дестабилизация деятельности государственных органов или общественно-политической обстановки, тогда как цели актов терроризма состоят в оказании воздействия на принятие какого-либо решения или отказ от него; в-четвертых, диверсанты действуют тайно и не афишируют свою деятельность, тогда как террористы обычно действуют открыто, демонстративно, с предъявлением своих требований и амбиций.

С терроризмом нередко путают и действия, направленные на насильственное изменение либо свержение конституционного строя или на захват государственной власти.

Так, в своей книге «История гестапо» Ж. Деларю приводит сле-

⁵⁰⁶ По существу проведенных отграничений в этой части см. также: Емельянов В. П. Терроризм, бандитизм, диверсия: вопросы разграничения // Законность. 2000. № 1. С. 53–54.

дующую довольно интересную информацию о попытке совершения австрийскими нацистами в 1934 г. государственного переворота и свержения правительства Дольфуса: «25 июля около полудня 154 эсэсовца их 89-го австрийского батальона СС под командованием Гольцвебера, одетые в форму австрийской гражданской гвардии, внезапно захватили канцелярию, потратив на это всего несколько минут благодаря соучастию начальника полиции майора Фей. Seriously раненого Дольфуса положили на диване в зале конгресса. Как бы проявляя заботу, от него потребовали подать в отставку. Он отказался. Тогда перед ним положили ручку и бумагу, лишили всякой помощи и настаивали на подписании. Он умер в 18 час., без врача и священника, которых требовал позвать, но так и не сдался. А тем временем лояльные войска и полиция окружили здание парламента. Вечером стало известно, что Муссолини сразу же отреагировал на этот переворот и мобилизовал пять дивизий, которые направлялись к границе у Бреннера. В 19 час. мятежники сдались. Гитлер открыто и подчеркнуто отозвал д-ра Рита, германского посланника в Вене, с которым мятежники поддерживали постоянную телефонную связь весь день 25-го. Еще раз грубые методы привели к провалу. Гитлер чувствовал, насколько они опасны, если их не оправдывает последующий успех»⁵⁰⁷.

Автор книги квалифицировал действия австрийских нацистов как терроризм, с чем, конечно, трудно согласиться по следующим основаниям. Во-первых, здесь насилие не только не было отдалено от лица, принимающего решение, как это обычно имеет место при терроризме, но и не носило характера опосредованного принуждения, как это имеет место в преступлениях террористической направленности, когда цель достигается не в рамках насилия, а благодаря ему — как одному из условий формирования воли потерпевшего. Что касается действий австрийских нацистов, то поставленные ими цели они реализовывали в ходе самого акта насилия, без всякого упования на чье-то обдуманное решение на фоне насилия. Здесь был не фон насилия, здесь было само насилие, где требования в адрес главы правительства выглядели лишь составной частью (причем не самой важной) единого процесса насильственных действий, направленных на захват власти посредством собственных действий.

⁵⁰⁷ Деларю Ж. Указ. соч. С. 218.

Уступка главы правительства нужна была нацистам лишь в порядке дополнительного морального фактора при фактически осуществленной попытке захвата власти собственными силами и средствами, в то время как терроризм и другие преступления террористической направленности предполагают такого рода уступки в качестве главного и единственного варианта достижения цели. Во-вторых, с позиции чисто правовых критериев в действиях нацистов содержатся признаки гораздо более серьезных преступлений, чем терроризм — особо опасных преступлений против государства. Поэтому даже если бы эти действия и обрели форму терроризма, их все равно невозможно было бы квалифицировать как терроризм, поскольку они подлежали квалификации по статьям Уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за более тяжкие преступления. И в-третьих, о терроризме здесь не может быть речи и потому, что в данном случае официальная власть столкнулась не с горсткой фанатиков, а с мощной оппозицией, имеющей прочную материальную и социальную базу как у себя в стране, так и в соседних государствах и способной вступить в открытый вооруженный конфликт с целью взятия власти в свои руки. То есть данный эпизод был не каким-то одиночным актом, а как показал дальнейший ход истории, — структурным элементом организуемого и осуществляемого нацистами единого тотального террора.

От акта терроризма следует отличать также совершение общепризнанных действий на почве хулиганских побуждений. Основное отличие здесь можно усмотреть по мотивации и целям преступного посягательства.

Хулиганский мотив заключается в стремлении виновного открыто противопоставить себя, свое поведение общественному порядку, общественным интересам, показать свое пренебрежение к окружающим, проявить цинизм, жестокость, дерзость, учинить буйство и бесчинство, показать грубую силу или продемонстрировать пьяную удаль и таким образом поиздеваться над беззащитными, обнаружить свое «превосходство» над другими гражданами⁵⁰⁸. В этой

---

⁵⁰⁸ *Даньшин И. Н.* Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву. Харьков, Изд-во Харьковского ун-та, 1971. С. 89; *Борисов В. И., Куц В. Н.* Преступления против жизни и здоровья: вопросы квалификации. Харьков, НПКФ Консум, 1995. С. 12;

части хулиганский мотив в значительной мере схож с террористической направленностью деяния, но в отличие от актов терроризма, для которых характерна мотивационная обстоятельность, конкретность, определенность, хулиганским побуждениям свойственна некая легковесность и ничтожность. Рассматривая специфику хулиганского мотива применительно к умышленному убийству, В. И. Борисов и В. Н. Куц указывают на следующее: «Хулиганский мотив при умышленном убийстве, как правило, характеризуется следующими моментами: а) мотив появляется быстро, внезапно (вдруг, без подготовки, формируется скоротечно) и реализуется в течение короткого промежутка времени; б) убийство представляет собой неадекватную реакцию субъекта на поведение потерпевшего (ничтожность повода к убийству); в) налицо легковесность мотива и цели действия»⁵⁰⁹.

Легковесность мотивации обуславливает и неясность цели хулиганских действий, что позволяет сделать вывод об определенном слиянии мотива и цели совершения хулиганства. «Отсутствие ясного сознания цели у хулигана, — предлагает И. Н. Даньшин, — слияние цели с мотивом обуславливает то, что цель хулиганских действий заключается в самом совершении этих действий»⁵¹⁰. На это же обстоятельство обращает внимание и В. Т. Калмыков. «Цель хулиганства, — пишет он, — заключается в демонстрации хулиганом своего пренебрежения к обществу и установленному в нем правопорядку. Она становится очевидной сразу же после выяснения умысла и мотива хулиганства»⁵¹¹. В отличие от целей, имеющих место при совершении хулиганских действий, целевая направленность актов терроризма характеризуется ясностью и определенностью и служит удовлетворению осознанных потребностей виновных.

По внешним признакам терроризм может иметь общие черты с умышленным убийством, совершенном способом, опасным для жизни многих лиц. Данный вид умышленного убийства имеет место

Сташис В. В., Бажанов М. И. Личность — под охраной уголовного закона. Симферополь, Таврида, 1996. С. 26.

⁵⁰⁹ Борисов В. И., Куц В. Н. Указ. соч. С. 13.

⁵¹⁰ Даньшин Н. И. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. М.: Юрид. лит., 1973. С. 163.

⁵¹¹ Калмыков В. Т. Хулиганство и меры борьбы с ним. Минск, Беларусь, 1979. С. 28.

тогда, когда для лишения жизни потерпевшего виновный избирает такой способ, который создает реальную опасность для жизни других лиц⁵¹².

Реальная опасность для жизни лиц создается и при акте терроризма, который в качестве структурного элемента может включать в себя и совершение действий, ведущих к гибели людей в результате общеопасного способа насильственного акта, однако при терроризме лишение жизни одного или нескольких человек каким бы то ни было способом не составляет целевую направленность действий виновного, тогда как при умышленном убийстве общеопасным способом лишение жизни потерпевшего есть тот основной результат, к которому стремится виновный, избрав столь опасный способ совершения убийства.

Убийство лишь тогда принимает террористический характер, когда служит средством запугивания и воздействия на кого-либо в целях корректировки поведения в интересах виновных, поэтому хотелось бы заметить, что представляются весьма сомнительными выводы об отнесении к категории террористических актов убийства, совершенного 21 ноября 1869 г. автором «Катехизиса революционера» С. Г. Нечаевым⁵¹³.

Изучение материалов, касающихся этого факта, показывает, что мотивация убийства обусловлена разногласиями, возникшими между С. Г. Нечаевым и студентом И. И. Ивановым на почве отказа последнего от выполнения его указания о расклеивании прокламаций в столовых по месту учебы потерпевшего. Убийство было организовано Нечаевым по предварительному сговору группой лиц и по существу представляло собой акт расправы в порядке мести за невосприятие его требований. Но деяния, совершенные по мотивам мести, не относятся не только к террористическим актам, но и вообще к преступлениям с признаками (элементами) терроризирования, если они не служат средством понуждения к выполнению каких-либо действий в интересах виновного. Однако могло ли совершенное Нечаевым деяние как-то повлиять на поведение других в заданном им направлении? Мог ли он после этого как-то

⁵¹² См. подробно: *Сташиш В. В., Бажанов М. И.* Указ. соч. С. 38–42; *Борисов В. И., Куц В. Н.* Указ. соч. С. 19–20.

⁵¹³ См.: *История терроризма в России...* С. 43–62.

контролировать ситуацию и понуждать к каким-либо действиям на фоне созданного впечатления?

Как известно, сразу же после убийства Нечаев бежал за границу, был отвергнут всей русской революционной эмиграцией, скитался по Европе до 1872 г. — до момента выдачи его Швейцарией России как общеуголовного преступника. В России он был осужден к 20 годам лишения свободы и в ноябре 1882 г. умер в местах заключения.

Из всего калейдоскопа событий, последовавших вслед за совершением убийства, со всей очевидностью усматривается, что это деяние было последним действием Нечаева в России, и он, безусловно, осознавал уже в момент убийства, что больше он никого и ни к чему не сможет понудить, что это «финиш» его преступной деятельности, поэтому ни о каком акте насилия «в назидание» другим с целью корректировки на этом фоне их поведения здесь не могло быть речи. И, несмотря на некоторую внешнюю схожесть с террористическим актом, рассматриваемое деяние следует квалифицировать как убийство на почве мести за отказ от выполнения требований. С учетом того, что по современным понятиям месть по таким основаниям может быть расценена и как ничтожный повод, то возникает вопрос и о возможности квалификации его действий как умышленного убийства из хулиганских побуждений. Что же касается террористической направленности, то установить ее в действиях Нечаева не представляется возможным.

И, конечно же, немалую сложность представляет собой отграничение терроризма, сопряженного с требованиями материального характера, от вымогательства, сопряженного с общеопасными деяниями либо угрозами таковыми.

В основном их различие заключается в том, что действия террористов носят публичный характер, тогда как вымогатели стараются действовать конфиденциально, без лишней огласки. Соответственно и обстановка страха террористами создается на социальном уровне и служит средством запугивания неопределенно большого количества людей, тогда как при вымогательстве запугивание осуществляется на индивидуальном или узкогрупповом уровне.

Более детальное разграничение терроризма со смежными преступлениями возможно на основе изучения признаков соответст-

вующих составов, существующих в уголовном законодательстве, а это, в свою очередь, предъявляет особые требования к вновь вводимому в уголовные кодексы составу терроризма, который в полной мере должен отразить сущностные характеристики терроризма и органически присущие ему составные элементы и не содержать в своей конструкции признаков иных преступлений, уже нашедших закрепление в действующем уголовном законодательстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изложенного представляется возможным сформулировать следующие выводы и предложения.

1. Терроризм, будучи сложным, многомерным явлением, тем не менее при разработке его общего понятия должен быть формально определен такими правовыми признаками, которые не позволяли бы легко манипулировать этим понятием и произвольно употреблять его при характеристике тех или иных явлений действительности.

2. Дать подобное определение терроризма с помощью перечисления конкретных деяний, в которых выражается террористическая направленность поступка, либо с помощью перечисления альтернативных признаков, не представляется возможным. Напротив, терроризм можно определить лишь посредством установления системы признаков, характеризующих в своем неразрывном единстве его специфику. Таковыми признаками выступают: совершение или угроза совершения общеопасных деяний, направленность их на ущемление населения или какой-то его части, оказание влияния на принятие решения государством, международной организацией, физическим, юридическим лицом или группой лиц.

3. Терроризм, будучи ядром преступлений с признаками (элементами) терроризирования вообще и террористического характера в частности, не должен по конструкции своего состава существенно отличаться от тех родственных составов, в которых признаки терроризирования выражены в качестве обязательных и в безальтернативном порядке, в противном случае состав терроризма будет содержать «примеси» признаков деяний, не имеющих к тому прямого отношения. Поэтому состав терроризма в уголовном законе может быть сформулирован как сложный (составной) и отражать много-

объектность данного преступного посягательства, сложность самого деяния, состоящего из различных взаимосвязанных и взаимообусловленных действий и возможность наступления полипоследствия. Состав терроризма должен находиться в числе норм о преступлениях, посягающих на общественную безопасность, и сформулирован следующим образом: «Терроризм, то есть совершение или угроза совершения взрыва поджога или иных общеопасных деяний, могущих повлечь гибель людей или иные тяжкие последствия и направленных на устрашение населения в целях понуждения государства, международной организации, физического или юридического лица или группы лиц к совершению или отказу от совершения какого-либо действия».

4. Терроризм следует отличать от террористического акта и других преступлений террористического характера. Их основное отличие состоит в том, что терроризму свойственен общеопасный характер насильственных действий, могущих повлечь неопределенно большое число невинных жертв и иные тяжкие последствия. По остальным признакам (направленность действий на устрашение населения и оказание влияния на принятие какого-либо решения) они совпадают.

5. Терроризм и преступления террористического характера отличаются от остальных преступлений с признаками (элементами) терроризирования в основном тем, что при совершении последних отсутствует такой компонент, как создание обстановки страха на социальном уровне, а устрашающее воздействие осуществляется лишь на уровне индивидуальном или узкогрупповом.

6. Терроризм и преступления с признаками терроризирования относятся к категории сложных преступлений, в которых одно действие (бездействие), направленное на устрашение, имеет вспомогательный характер по отношению к основному действию — понуждению к выполнению требований. При этом преступления террористического характера отличаются от других преступлений с признаками терроризирования тем, что здесь существует сложность вспомогательного действия, обусловленная наличием двух уровней устрашения — 1) населения или какой-то его части и 2) адресатов воздействия.

7. Сложность деяний при совершении преступлений с признаками терроризирования обуславливает и их многообъектность. Особенность преступлений террористического характера заключается в том, что независимо от конечных целей основного действия объектом последующего вспомогательного действия, направленного на устрашение населения, всегда выступает общественная безопасность, а при совершении актов терроризма общественная безопасность является объектом как первоначального, так и последующего вспомогательного действия, т. е. представляет собой тот стрессовой (сквозной) объект, который присутствует при совершении любых преступлений террористического характера. В этой связи, а также с учетом законодательной целесообразности наиболее оптимальным представляется и состав терроризма предусматривать в главе о преступлениях против общественной безопасности.

8. Поскольку терроризирование как свойство преступного деяния выражено в качестве обязательных или факультативных признаков во многих составах преступлений, представляется возможным ввести в научный оборот такие уголовно-правовые категории, как родовое понятие состава (родовой состав) преступлений с признаками терроризирования и видовое понятие состава (видовой состав) преступлений террористического характера.

9. Терроризм и преступления с признаками терроризирования отличаются от других сложных преступлений, при совершении которых посягательство на один объект также служит способом посягательства на другой объект, тем, что в последнем случае виновный либо сам непосредственно выполняет все действия, либо ставит потерпевшего в полностью безвыходное положение, тогда как смыслом терроризирования выступает оказание влияния на адресата воздействия, понуждение его к совершению каких-либо действий или отказу от них. В этой связи представляется необходимым провести унификацию в уголовном законодательстве формулировок угроз и предусмотреть две унифицированные формулировки: одну для случаев, сопряженных с понуждением к каким-либо действиям, другую — для случаев, не сопряженных ни с каким понуждением, и установить в соответствующих составах преступлений отдельную ответственность за эти действительно различные по степени общественной

опасности варианты угроз. В тех случаях, когда угрозы сопряжены с понуждением, в статьях предусмотреть следующий единообразный блок угроз: под угрозой насилием над потерпевшим или его близкими, ущемлением прав или законных интересов этих лиц, причинением вреда в отношении их имущества либо имущества, находящегося в их ведении или под охраной, либо разглашением сведений, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне. Если же угроза не сопряжена с понуждением, то вполне достаточным будет установление ответственности за угрозу насилием над потерпевшим или его близкими или причинением вреда в отношении имущества потерпевшего или его близких.

10. Отсутствие в УК РФ состава посягательства на жизнь представителя иностранного государства следует считать пробелом в законе, а наличие в УК Украины в составах преступлений с признаками терроризирования таких четырех различных понятий, как «близкие родственники», «родственники», «близкие» («близкие лица»), «иные (другие) лица» представляется совершенно излишним и нуждающимся в приведении к одному оптимальному термину, каковым является понятие «близкие» («близкие лица»).

11. В тех случаях, когда составы террористического акта (ст. 277 УК РФ, ст. 124, 359 УК РБ) охватывают своими признаками более широкий круг деяний, чем, собственно, террористические действия, их не следует называть террористическими актами.

12. Составы посягательства на государственных или общественных деятелей, а также представителей иностранного государства нуждаются в дополнении их частью второй статьи, в которой следует предусмотреть ответственность за угрозы убийством, причинением вреда здоровью или имуществу, а также похищением или лишением свободы в адрес указанных лиц или их близких в целях оказания влияния на характер их деятельности либо деятельности государства или органов, которые они представляют либо целесообразно ввести самостоятельные составы, предусматривающие ответственность за такие действия.

13. Название статьи «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» (ст. 207 УК РФ, ст. 272 УК Туркменистана) не соответствует признакам состава, влечет за собой расширительное толкование

терроризма и нуждается в замене адекватным содержанию состава названием.

14. Учитывая, что террористический характер могут возыметь многие деяния, а в конкретных составах преступлений собственно террористические признаки, как правило, не выделены, представляется возможным в статье Общей части УК, устанавливающей перечень обстоятельств, отягчающих наказание, признать таковым обстоятельством — совершение преступления с террористической направленностью.

15. Поскольку терроризм представляет собой сложное преступление и в этой связи лица, которые совершают подпадающие под признаки его состава деяния в возрасте от 14 до 16 лет, не в состоянии осознавать терроризм во всей его сложности, многообъектности и целевой иерархичности, поэтому в тех государствах, где в УК предусмотрены общий и пониженный возраст уголовной ответственности, ответственность за совершение акта терроризма необходимо установить по достижении 16-летнего возраста.

16. Терроризм и преступления с признаками терроризирования следует отличать от террора и других общесоциальных категорий действительности (война, геноцид, экоцид и т. п.), так как они находятся на различных уровнях в иерархии общественных событий. Отсюда представляются некорректными еще встречающиеся в научной литературе такие понятия, как «государственный терроризм», «террористическая политика» и т. п., поскольку согласно международным конвенциям и уголовному законодательству государство не может быть субъектом преступления, а соответственно и эти понятия не имеют под собой законодательной основы.